

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Реальный социализм. Николай Стариков

Эта книга была написана в 1980 – 81 годах, когда по признанию одного известного деятеля нашей культуры: «Все думали, что не только мы и наши дети, но и наши внуки и правнуки будут жить при этом строе». Я уже тогда так не думал и, оценивая экономическое положение СССР, считал, что жить ему осталось 5-10 лет. Приятно оказаться правым. Хотя на роль провидца я и не претендую.

В разгар «перестройки» я вернулся к рукописи, но все изменения свелись к тому, что я написал новую главу «Экономическая история» и несколько примечаний – так как основная идея книги выдержала испытание временем. Последовавшие затем события – развал СССР и судорожные попытки младших научных сотрудников «реставрировать капитализм», в то время как представители олигархии (номенклатуры) столь же судорожно делили между собой народную собственность, показали, что хотя я и был прав в общей оценке, но впал в тот же грех, что и Ф. Энгельс и К. Маркс – очень уж мне хотелось увидеть не мурло лавочника из-под хари комсомольского инструктора, а нормальное человеческое лицо и желательно не через 50-100 лет. К сожалению, я забыл, что из того, что я понял в чем дело, вовсе не следует, что и все остальные 300 или 150 миллионов также быстро поймут это. Жизнь показала и доказала в очередной раз – народ должен понять все на своей шкуре. Да и мудроно требовать от человека никогда не занимавшегося политэкономией и философией истории просто взять и понять это умозрительно, а не через собственные переживания.

Я не считаю себя равным К. Марксу или Ф. Энгельсу, но и заниматься самоуничижением не собираюсь – в 26 лет я открыл новый общественно-экономический строй, причем «изнутри», а не с расстояния в сотни лет или после его гибели, когда можно спокойно и не опасаясь последствий рассуждать о природе этого строя. К тому же находясь внутри самого явления понять его намного труднее – все видят, что солнце вращается вокруг земли, но как трудно оказалось понять, что в действительности все наоборот.

Я писал свою книгу оторванный (как и 99 % советских людей) от контактов с зарубежьем, по существу в вакууме. За прошедшие годы мы узнали много нового, того, что не знали совсем или такого, о чем могли только догадываться. Во время работы над книгой, да и потом, меня постоянно грызла мысль о том, что не может быть, чтобы то, что понял я, не поняли уже давно другие, тем более на Западе, где не было тех ограничений и репрессий как в СССР, а сами исследования природы советского строя как будто всемерно поощрялись. Прошло время. Открывая каждую новую книгу, которую мы теперь получили возможность свободно и спокойно читать, я с тревогой и, как ни странно с надеждой, ожидал, что все мои мысли и то, что я считал своими открытиями, окажется давным-давно открытым и известным всему миру, в отличие от моей книги, которую «книгой» называю только я сам, т. к. она никогда и нигде не была опубликована полностью и надежд на то, что она будет опубликована сейчас еще меньше, чем при «советской» власти. Но книга открывалась, прочитывалась и закрывалась одновременно и с облегчением и с разочарованием.

По сути дела всю литературу по этому вопросу можно разделить на два потока в соответствие с позицией занимаемой авторами.

1. Советский Союз и все что с ним связано – ошибка истории. Ленин и большевики навязали России неправильный утопичный путь развития, приведший к неисчислимым жертвам и страданиям народа и заведший в конечном счете страну в тупик.

2. Сталин извратил социализм, «деформировал» его или совершил контрреволюционный переворот.

Самое удивительное, что в конечном итоге обе эти позиции сошлись – те, кто в конце 80-х годов выдумал пресловутую «административно-командную» систему (как будто любая административная система может обойтись без команд – впрочем уже само название говорит об уровне «мышленья» его авторов) через год-два уже всю стали кричать о том, что социализм – утопия.

Максимум того, что родил Запад – в СССР (и других «социалистических»

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
странах) вся власть принадлежит новому классу – «номенклатуре». Казалось бы после такого утверждения логично перейти к следующему – раз власть принадлежит классу, невиданному доселе в истории, то возник и существует некий новый строй? Казалось бы такой естественный вывод лежит на поверхности – только протяни руку и бери. Но какое же открытие не лежит на поверхности... после того как оно сделано. Кому только не падали на голову яблоки!(Я уж не говорю о кирпичах). Но нет – все, все без исключения – от Троцкого через Джилса и до А. Зиновьева словно бы упирались лбом в какую-то прозрачную стену. (Положение сходное с тем как сейчас один и тот же человек заканчивает свои стенания по поводу разрушенной «быдлом» и «германскими шпионами» России в 1917 году тем, что в 1991 году происками жидо-масонов или еще кого-нибудь была разрушена одна из двух сверхдержав... созданная в 1917 году. Это можно было бы списать на глупость конкретного человека, но это не так, поскольку обычно эту ахинею несут люди талантливые и не глупые. В чем же дело? Мне это долго не давало покоя и в конце концов для себя я решил этот вопрос так: по-видимому, подавляющему большинству людей, причем независимо от таланта в какой-то конкретной области и способности к отвлеченным (того что мы называем умом), размышлениям, генетически присущ метафизический, т. е. односторонний, плоскостный, конкретный тип мышления. Это неудивительно, так как понятно, что в той жизни которую вели наши не столь уж далекие предки, именно конкретный тип мышления, очевидно, почти всегда лучше обеспечивал выживание индивида, однако прогресс оказался возможен, вероятно, благодаря тому, что в результате естественных мутаций какой-то небольшой процент людей все же обладал и обладает способностью к диалектическому мышлению). Чего только не придумали – сравнивали советский строй с феодализмом и рабовладением, выпустили тьмы огненных стрел, горящих благородным негодованием по его поводу. Иными словами пятились назад, искали аналогий в прошлом, вместо того, чтобы раскрыть глаза (а главное увидеть!) и посмотреть на то, что есть на самом деле.

Ни до 1981 г., когда я закончил рукопись, ни за последующие 20 лет никто так и не смог понять природы нового строя, родившегося 25 октября 1917 года.

Конечно, с 1991 по 2000 произошло многое, но я считаю, что все происходит в русле того, о чем я писал еще 20 лет назад. В сущности все эти 10 лет «новой России» сводятся к безуспешным, а безуспешны они потому что бессмысленны, попыткам реставрировать капитализм. Как только мы начинаем смотреть на все частные события нашей новейшей истории под таким углом зрения становится понятным, прозрачным то, что, что сейчас происходит и приходит понимание того, что будет происходить дальше.

Свою книгу я решил предварить статьей 1991 г. «Предательство или закономерность», которая является очень кратким конспектом того, что я сделал раньше, поэтому читателю будет достаточно прочитать 3 страницы вместо 300, чтобы понять о чем идет речь и либо продолжить чтение либо нет.

И, наконец, несколько слов о том, как я представляю ближайшее (по историческим масштабам) наше будущее.

Ни для кого не секрет, что экономика США это колосс на глиняных ногах все дутое благополучие этой страны ныне держится не на материальной основе, а на эфемерном соглашении и согласии всего мира на то, что раскрашенная бумага печатаемая в США под названием «доллар», по своей ценности равна золоту. Поскольку это не так, рано или поздно эта система высасывания жизненных соков всемирным пауком США должна рухнуть. Реальная стоимость доллара сейчас меньше 10 центов, т. е. эта страна и ее жители живут по меньшей мере в 10 раз лучше того, что они заслуживают своим трудом. Легко представить себе тот невероятный экономический и политический крах, который ожидает США в ближайшие годы. Нельзя сказать, что в США этого не понимают. Все эти судорожные поиски врагов на самом деле сводятся к одному – США пытаются любыми способами заранее подорвать позиции новой конкурентоспособной, а главное – способной заменить доллар, валюты – евро. С чего это вдруг США воспылали любовью к мусульманам в Боснии, а затем к албанцам? Сербы притесняли боснийцев и албанцев? Да мало ли кто кого притесняет, тем более что «притеснения» в Югославии не идут ни в какое сравнение с притеснениями меньшинств во многих других районах мира. Тем не менее США почему-то бросили все силы на Югославию. Почему? Втравить ЕЭС в войну в самой Европе, посеять раздор и ненависть, усилить и то и другое. Разделяй и властвуй! В результате евро до того стремительно росший, столь же стремительно покотился вниз. Конечно, это не спасет США от неизбежной

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
катастрофы, но стремление любыми способами избежать ее налицо. Так возмущающая весь мир политика двойных стандартов, наглая ложь «как оказалось» о массовом уничтожении несчастных албанцев (а на самом деле отлично спланированная и хорошо оплаченная акция прикрытия по «исходу» из Косово 500 тысяч албанцев, которых никто никуда выгонять не собирался до тех пор пока они не проявили себя как предатели собственной страны, гражданами которой они являются – попробовали бы албанцы заикнуться о какой-то там «автономии» в самих США!) – все это следствия политики США по выживанию (а вовсе не потому что Клинтон или Буш-старший – не знают что такое двойной стандарт и почему это неприлично), любыми способами пытающихся спасти себя от краха. Отсюда и искреннее непонимание многих – почему Америка так суетится после «победы» в холодной войне, когда она осталась единственной сверхдержавой – зачем она постоянно пытается разжечь, раздуть – вполне по-большевистски – «мировой пожар раздуем» – новые конфликты по всему миру вместо того, чтобы спокойно пользоваться плодами своей победы? Парадокс ситуации в том, что весь западный мир готов был платить дань США, когда они были единственным реальным гарантом от нашествия «коммунизма», но вовсе не хотят продолжать это делать, когда СССР давно уже нет. Будь правящий класс США поумней, он всеми силами противился бы не только развалу СССР, но и изменению его политического устройства. Но это понимание если и пришло им в голову, то слишком поздно. А никто другой, на роль соперника сверхдержавы США не тянет. И если в ближайшее время такой соперник или такая угроза не будут созданы («мировой терроризм» и «мусульманский фундаментализм» несмотря на все усилия США ну никак не могут даже отдаленно претендовать на место СССР) – к 2010 году США перестанут существовать. США не Россия, а американцы не русские, такого испытания они просто не выдержат. У Америки нет двух главных слагаемых позволявших России (и не только России – Германии, Франции и др.) выдержать невероятные исторические испытания многовековой истории. Первое чтобы ни говорили, но в США нет единой нации – также как «историческая общность – советский народ» никогда не была и не стала единым народом, так и «заокеанская историческая общность» не стала единой нацией – слишком мал срок и в том и в другом случае, чтобы сложилась новая нация. История показывает, что на это нужно по меньшей мере тысячу лет. В отличие от России, Франции, Германии, Италии – государств созданных одним народом, США – многонациональная страна – англосаксы и европейцы – «белые», негры, латиносы, китайцы и т. д. Кстати, когда Россию называют «многонациональной» страной – это очередная нелепость. Происходит некритическое перенесение этого утверждения с СССР, для которого такое утверждение имело основание, хотя русские и составляли половину населения, на Россию, где русские составляют 90 % населения. Если кто-нибудь назовет Францию, Германию, Италию – многонациональной страной это вызовет смех. Когда какой-нибудь очередной осел-политолог (а на самом деле бывший преподаватель научного коммунизма за 15–20 лет обучения оказавшийся не в состоянии понять что же такое коммунизм) с умным видом как само собой разумеющееся заявляет мимоходом, что «Россия многонациональная страна», создается такое впечатление, что у слушателей это заявление просто проходит мимо сознания.

И второе. Поскольку нет народа, то нет и национальной идеи. Если же говорить о наднациональной идее, то она есть – Доллар. Конечно, можно считать доллар заменой национальной идеи, религии и всего остального – да так оно и есть. Ведь единственное, что в действительности объединяет США и граждан этой страны – это Его Величество Доллар. Все остальное – ханжество и жалкие потуги – вроде искусственного, показного патриотизма с флагом государства над каждым ватерклозетом. Не спорю – замена неплохая, раз она создала государство существующее уже два века и позволившая ему стать одной из двух сверхдержав, но что будет, когда доллар перестанет существовать, а ведь падение доллара не на 3 или 6 %, а в несколько раз и будет означать полный крах не просто денежной единицы – а государства, так как будет потеряно главное, на чем держалась и держится эта страна – уровень жизни. Превращение 150-миллионного среднего класса в пауперов, мгновенное низведение этих людей до уровня жизни презираемых ими гетто, и превращение гетто именно в гетто, с миллионами умирающих от голода, будет означать необратимое крушение их жизни вообще, а значит и государства. После этого начнется гражданская война – каждый будет стараться спастись в одиночку, в полном соответствии с идеологией долларовой индивидуализма и США развалится быстрее чем СССР на 5–6 государств – Северо-Восток, Техас, Калифорнию, Юг и т. д.

Ясно, что при таком будущем развитии нынешнее положение России исторически выигрышно. То, что нынешний правящий класс не в состоянии кардинально

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
изменить ситуацию в экономике или проводить независимую внешнюю политику – прекрасно. Как только США перестанут существовать не только как сверхдержава, но и просто как единое государство, нынешний долг России сначала обесценится в несколько раз, а потом и вовсе превратится в ничто, а у нового поколения не будет оснований поддерживать правящий класс состоящий из прежней партноменклатуры и бандитов. Россия наконец-то получит возможность развиваться более-менее независимо от внешних обстоятельств – по крайней мере какое-то время и важно нам не упустить в очередной раз свое время. Если уж не хватило ума вместо идиотского «укрепления» рубля объявить на несколько лет доллар национальной валютой и изъять из обращения «деревянные», чтобы наворованные и вывезенные за границу сотни миллиардов вернулись в Россию хотя бы частично, то хоть теперь-то господа хорошие не упустите время – переводите доллары в евро, иначе все ваши старания, все бедствия народа, перенесенные Россией за последние годы, все вывезенное за границу национальное богатство так и останется напрасно растроченным – ваши «зеленые» превратятся в пыль.

Исходя из этого приходится признать, что 21 век будет, возможно, еще более кровавым и жестоким, чем 20, хотя как это ни странно и не парадоксально на первый взгляд, но возможно, как раз России это грозит в 21 веке в меньшей степени, чем большинству стран мира именно потому, что в прошлом веке она не просто перенесла больше лишений и страданий, чем другие страны, а и прошла путь больший, чем они.

Потеряв всякую надежду на публикацию в обычной бумажной форме, я решил воспользоваться преимуществом новых технологий – Интернетом.

От автора Николай Старилов

«Предательство или закономерность?»

В газетных статьях, публичных выступлениях все настойчивее и настойчивее звучит тема предательства высшим руководством интересов народа и страны как во внутренней, так и во внешней политике.

Для того чтобы понять, что происходит сейчас и что нас ждет в будущем нужно не раздражаться «праведным гневом», а именно понять.

В рамках газетной статьи невозможно объяснить почему в нашей истории все произошло именно так как произошло, а не иначе. Желающие более подробно ознакомиться с проблемой могут сделать это прочитав статью «Политическая экономия России» – «Дон», № 4, 1991 г.

Итогом моих исследований стало следующее.

В результате того, что русский капитализм доказал свою неспособность наравить страной, т. к. не смог удовлетворить в 1917 году ни одного насущного требования русского общества (а страна не может погибнуть только потому, что старый правящий класс изжил себя – всегда на сцене появляется преемник, так произошло и на этот раз), большевики заменили буржуазию (заменили по той простой причине, что в отсталой стране, население которой на 80 % состоит из неграмотных крестьян, социализм невозможен), отдали крестьянам землю, решив главный вопрос русских революций, провели значительные социальные реформы и сумели отстоять страну (и свою власть) от всего мира. Сегодняшняя болтовня о том, что большевики «разрушили» Россию является демагогией, перед которой Геббельс снял шляпу. Пытавшийся задушить коммунизм в колыбели Черчилль в начале 20-х годов говорил: «Мы можем послать еще солдат в Россию и в конце концов разбить их армию, но мы ничего не можем сделать, если сто миллионов русских хотят красных и не хотят белых», а через тридцать лет, подводя итог деятельности Сталина, сказал: «Он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». «Демократы» сейчас кричат о том, что «если бы не был нарушен ход истории», то мы были бы «ого где». Спорить на тему «что было бы, если бы» малопродуктивно, скорее всего, если бы большевики не «нарушили ход истории», то не только оба президента, но и большая часть «демократов» нынче ковыряли землю сохой и крутили хвосты коровам, как их счастливые предки, а не красовались на телеэкранах.

Научный анализ прошлого отличается от пустопорожней болтовни малограмотных «профессоров» – приспособленцев тем, что признает Октябрьский переворот и приход к власти большевиков не нарушением хода истории, не социальным

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
экспериментом и прочей галиматъей, а естественным и закономерным
результатом предыдущего развития России на протяжении столетий.

25 октября 1917 года родился новый строй – Государственный Капитализм. И сколько бы в свое время Ленин и его соратники не убеждали себя и других, что это социализм, также как сейчас нас в этом пытаются убедить «демократы», суть до сих пор существующего строя очевидна.

Он выполнил свое предназначение и в невероятно короткое для частного капитализма время развил производительные силы нашего общества. Сделано это было ценой огромных жертв, но иначе и быть не могло – если подсчитать жертвы английского капитализма за XIX век и сравнить их с потерями десятилетия индустриализации и коллективизации, итог будет не в пользу частного капитализма.

Госкапитализм спрессовал время в несколько раз и поэтому производит впечатление необыкновенного злодея в сравнении с обыкновенным, привычным злодеем – старым частным капитализмом. Впрочем и тут надо быть справедливым – ведь это «старый злодей» истребил десятки миллионов сначала в первой, а потом и во второй мировой войне, это «старый злодей» сделал своей идеологией расовую нетерпимость и поставил на промышленную основу уничтожение миллионов «неполноценных» в газовых камерах, это «старый злодей» первым сделал атомную бомбу и применил ее. Это факты. Это история. И никто не может дать гарантии, что «старый злодей» «перековался» и ни при каких обстоятельствах не развяжет новой войны или не погонит «лишних» и «недоразвитых» в газовые камеры или не изобретет что-нибудь новенькое в духе времени – геной инженерии, например, для выведения новой породы рабов или незаметного исчезновения целых народов. И еще. Частный капитализм много десятилетий (а во многих районах столетиями) управлял всем миром – какое наследство он там оставил, кроме сотен миллионов умерших от голода и непосильного труда рабов? Большая часть «третьего мира» была и остается в системе старого капитализма, того самого, что должен дать нам процветание, но как быть с теми миллионами детей, которые сейчас умирают от голода, от излечимых болезней? Как быть с тем, что будучи в неоплатном долгу перед своими бывшими колониями «цивилизованный мир» не только не помогает бедным и голодным, но еще и сосет из них последние соки, опутав сетью неоплатных долгов?

Ладно, частный капитализм такой «хороший», что не хочет спасти жизнь миллионам той пищей, что гноит или просто не выращивает, чтобы не сбить цены на рынке, но хоть перестаньте высасывать последнее – ведь на тех ста миллиардах, что вы тянете из развивающихся стран ежегодно как проценты за долг, кровь! На каждом долларе из этих миллиардов слезы и кровь детей «третьего мира» – африканцев, латиноамериканцев, азиатов! Нет, «не видят», не хотят видеть. И эта мразь, питающая свое благополучие свежей детской кровью, смеет учить других демократии?! Им мало этого, они хотят крови наших детей, чтобы в их супермаркетах появилась еще сотня – другая красивых упаковок! Нет, «вампиры капитализма» – это не газетное клише, это жестокая правда, а правде надо смотреть в глаза.

К началу 60-х годов государственный капитализм в России исчерпал себя и стал загнивать. Также как и развитие, упадок госкапитализма идет в несколько раз быстрее, чем частного капитализма.

В середине 80-х годов к власти пришло новое поколение правящего класса, осознавшее, что страна идет к социальному взрыву. Главной задачей любого правящего класса в любом эксплуататорском обществе, является сохранение власти. Эту проблему надеялись решить путем «ускорения». Бросив на ее решение все имеющиеся средства, изъяв у населения путем повышения цен на водку, закамуфлированного под «борьбу с пьянством», дополнительно 150–200 миллиардов рублей, через три года поняли, что потерпели полное фиаско. Страна все быстрее шла к народной, действительно социалистической революции. Представляя, что их ждет в этом случае, верхушка правящего класса совершила поворот на 180 градусов. Если нет возможности самим удержать власть и те блага, что с ней связаны, нужно обратиться за помощью к врагу. В этом нет ничего нового – как только возникала опасность, правящий класс ни в одной стране не останавливался перед предательством национальных интересов. Классовые интересы выше национальных, это

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
исторический факт, а не благоглупости «демократов», всерьез рассуждающих о «приоритете общечеловеческих ценностей», как будто эта абстрактная истина что-то меняет в нашем жестоком мире. Русские бояре призывают поляков, казацкая старшина на Украине отдает страну под власть крымского хана, «непримиримые враги» Франция и Германия в 1871 году заключают мир в течение нескольких дней и Бисмарк вместо того, чтобы довершить завоевание «вечного» врага, помогает этому врагу задушить Коммуну, русские дворяне и буржуазия призывают интервентов, обещая в награду за помощь половину страны и т. д. и т. п. – и так везде, в Китае и Африке, в Южной Америке и Европе, везде и всегда, во все времена.

Но благодарность бывшего врага – Запада, надо заслужить. Холодный Запад, пьющий кровь африканских младенцев и рассуждающий о «неотъемлемых правах человека» даром ничего не делает. И происходит «всеевропейская контрреволюция» – всего за несколько месяцев в шести восточноевропейских странах олигархии – «коммунистические» партии теряют власть. Только очень наивный человек может думать, что такие вещи происходят сами собой.

Да, недовольство было, но материализоваться, тем более в форме попытки прямого возвращения к частному капитализму сразу во всех странах оно могло только в одном случае – советский госкапитализм лишил своих выкорышей поддержки, более того, прямо выступил против них.

Крах госкапитализма в Восточной Европе, уничтожение Варшавского договора и СЭВ, «воссоединение» Германии, а в действительности поглощение ГДР, неприлично поспешное бегство советских войск из Восточной Европы – тот, кто не потерял остатки разума должен признать: поскольку мы не проиграли третьей мировой войны, все это плата.

С 1989 года идет продажа себя подороже верхушкой правящего класса Советского Союза. Даже в самом худшем для них случае полного краха – нашу верхушку примут на Западе с распростертыми объятиями.

Чаушеску не приняли бы, Хонеккера хотели судить, а вот они, взяв курс на одну из западных столиц, могут рассчитывать на приятную жизнь. Но кто знает, не ждет ли их там разочарование, предателей почему-то нигде не любят. Впрочем, это все «высокие материи», они имеют взамен всего «новое мышление».

Не странно ли, что в своем «ослеплении» руководители страны не видят того, что видит простой рабочий – «новое мышление» приводит к нашему отступлению по всем позициям и ухудшению жизни народа внутри страны?

Отдав все, не ими приобретенное, что же получили взамен?

Огромный кукиш.

Выполнив все ультиматумы «победителя», отдав все, СССР даже в Валютный фонд и Всемирный банк вступить не может. Ну, что ты будешь делать? Оказывается, общечеловеческие «ценности» вместе, а табачок врозь. Оказывается (вот ведь неожиданность какая!), к слабым относятся как к слабым, даже, если у порога живодерни они что-то там мычат о «политике нового мышления».

Правящий класс государственных капиталистов – партийный, хозяйственный и «советский» аппарат, и верхушка этого класса органически враждебны трудящимся, составляющим 95 % всего населения страны.

Нужно перестать задаваться зряшным вопросом: «Куда смотрят партия и правительство, почему „допускают“ ухудшение положения народа?» «Партия и правительство» никогда не выражали и тем более не защищали интересы народа, и чем скорее это будет понято, тем будет лучше.

Сейчас они спасают себя и их целью является доведение как можно скорее народа и страны до полной зависимости от Запада, путем развала экономики и армии, народной морали, разращения молодежи, передачи оборонной промышленности путем «конверсии» под контроль западных монополий, т. к. только в этом их спасение. Они надеются, пересев в кресла президентов, председателей концернов, мэров и пр., сохранить если не реальную власть, которая должна перейти в руки представителей «цивилизованных стран», то хотя бы те блага, которые у них есть.

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
Обстоятельства сложились не в пользу народа – правящий класс и его выкорыши – «демократы» воспользовались тем, что в течение семидесяти лет их официальной идеологией был извращенный государственным капитализмом марксизм. Таким образом, трудящиеся дезориентированы, не видят выхода, «выбор», предоставляемый им сейчас – или государственный капитализм или частный капитализм парализует волю. Народ сейчас одурачен «демократами» нужен год – два, чтобы они полностью разоблачили себя в его глазах, довели страну до полного хаоса и обнищания. Только поняв на собственном опыте бесперспективность попытки повернуть колесо истории вспять и то, что такая политика не несет ему ничего кроме бессмысленных страданий, народ разберется, где правда и в массовом общественном сознании произойдет поворот к научному, действительному социализму как единственной реальной возможности улучшения жизни.

Мы переживаем «смутное время». Как и четыре века назад народу придется взять свою судьбу в собственные руки, но на этот раз он уже не отдаст ее ни боярам, ни «демократам», а предатели и продажные шкуры получают по заслугам.

1991 г.

Предисловие

1

В последние годы часто можно было слышать это своеобразное словосочетание – «реальный социализм».

Разумеется, никто никогда открыто не признавался, что говоря «реальный социализм», молчаливо подразумевает, что он не совсем то, что «теоретический» социализм Карла Маркса и Фридриха Энгельса, хотя иначе просто не понятно, зачем тогда вообще проводить это разделение между «теоретическим» и «реальным» социализмом.

Итак, социализм «реальный» и социализм «теоретический». В чем же разница? Очевидно, тот, кто говорит «реальный» социализм и призывает, то ли честно заблуждаясь, то ли исходя из каких-то своих интересов (в данном случае это не имеет никакого значения) как, например, А. Куньял, принимать его таким, каков он есть (если и можно его покритиковать, то бороться против него нельзя – грех великий! – ведь он РЕАЛЬНЫЙ! Шутки в сторону!), имеет ввиду, что «реальный» социализм лучше «теоретического». Почему? Да потому, что он – реальный, а не выдумка К. Маркса и Ф. Энгельса.

Мне, конечно, могут возразить – отличие «реального социализма» от «теоретического» всего лишь в том, что жизнь, практика, и это вполне естественно и закономерно, вносит неизбежные поправки в любую самую научную и прекрасную теорию. «Наша теория – это теория развития, а не догма, которую надо затвердить и механически повторять». Серьезное возражение, тем более, что высказано оно Ф. Энгельсом.

Своей задачей я и ставлю выяснение вопроса: действительно ли жизнь внесла коррективы в теорию К. Маркса и Ф. Энгельса, и если внесла, то какие именно?

2

Никогда я не мог понять, почему в социалистической стране, например, в СССР, одни (ничтожное меньшинство) пользуются всеми благами цивилизации и ни в чем не испытывают нужды, еще меньше людей – доли процента населения, несколько тысяч человек, разъезжают в роскошных лимузинах с личными шоферами, имеют загородные особняки, а несколько десятков человек – элита элиты – живут во дворцах, у теплых морей им отведены целые пляжи, каждого из этих людей обслуживают в целом сотни, если не тысячи человек – и почему-то эти люди называют себя самыми истинными коммунистами – может быть потому, что для себя они уже давно построили «коммунизм»?

Почему остальные – рабочие, крестьяне, подавляющая часть работников умственного труда, живут в постоянной нужде, не имеют даже самого необходимого из продовольствия, одежды, жилья? Почему для того, чтобы купить хоть что-нибудь на честно заработанные деньги люди должны простаивать часами в очередях, давать взятки или платить втридорога

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
спекулянтам? Почему человек, который всю жизнь проработал, получает в конце концов пенсию, на которую не то что человеку, а и собаке-то не прожить?

Почему экономическое положение в стране, которая, согласно заявлениям ее руководителей, развивается быстрыми и устойчивыми темпами и не знает кризисов, а народ един в своих устремлениях и сплочен вокруг своей «родной коммунистической партии», постоянно ухудшается, почему люди в этой счастливой стране с каждым годом, по их общему мнению, живут все хуже, почему растут пены, почему процветает беззаконие, воровство и спекуляция, почему небывальными темпами растет пьянство, почему социалистическая страна, которая выплавляет больше всех стали и производит много всего другого больше, чем любая другая страна, может неограниченно увеличивать производство водки, но не в состоянии производить мясо или бумагу в достаточном количестве, почему в СССР двое рабочих производят столько же, сколько один американский, а четверо крестьян столько, сколько один американский фермер, почему в результате бурного развития страна перешла со второго на третье место в мире по уровню валового национального продукта? Этот ряд вопросов можно продолжать и продолжать.

Тот, кто задаст себе эти вопросы (а их сейчас задают себе все), невольно должен задуматься – где он живет? В социалистической стране? Но все говорит против этого. В капиталистической? Но у нас нет капиталистов. «Связь между исторически данным распределением и исторически данными материальными условиями существования того или иного общества настолько коренится в природе вещей, что она постоянно находит свое отражение в народном инстинкте. Пока тот или иной способ производства находится на восходящей линии своего развития, до тех пор ему воздают хвалу даже те, кто остается в убытке от соответствующего ему способа распределения. Так было с английскими рабочими в период возникновения крупной промышленности. Более того: пока этот способ производства остается еще общественно – нормальным, до тех пор господствует, в общем, довольство распределением, и если протесты и раздаются в это время, то они исходят из среды самого господствующего класса (Сен-Симон, Фурье, Оуэн) и как раз в эксплуатируемых массах не встречают никакого отклика. Лишь когда данный способ производства прошел уже немалую часть своей нисходящей линии, когда он наполовину изжил себя, когда условия его существования в значительной мере исчезли и его преемник уже стучится в дверь, – лишь тогда все более возрастающее неравенство распределения начинает представляться несправедливым, лишь тогда люди начинают апеллировать от изживших себя фактов к так называемой вечной справедливости. Эта апелляция к морали и праву в научном отношении нисколько не подвигает нас вперед; в нравственном негодовании, как бы оно ни было справедливо, экономическая наука может усматривать не доказательство, а только симптом. Ее задача состоит, напротив, в том, чтобы установить, что начинающие обнаруживаться пороки общественного строя представляют собой необходимое следствие существующего способа производства, но в то же время также и признак наступающего разложения его, и чтобы внутри разлагающейся экономической формы движения открыть элементы будущей, новой организации производства и обмена, устраняющей эти пороки. Гнев, создающий поэтов, вполне уместен как при изображении этих пороков, так и в борьбе против проповедников гармонии, которые в своем прислужничестве господствующему классу отрицают или прикрашивают эти пороки; но как мало этот гнев может иметь значения в качестве доказательства для каждого данного случая, это ясно уже из того, что для гнева было достаточно материала в каждую эпоху всей предшествующей истории.»

Может быть социализм – красивая сказка, придуманная К. Марксом и Ф. Энгельсом? А может быть все проблемы возникли просто из неправильных, неумелых действий отдельных людей? Но, если мы живем в социалистическом обществе, где власть принадлежит народу, значит народ может и должен сменить этих руководителей? Мы все отлично знаем, что это невозможно, что народ у нас никого не сменяет.

Безусловно, руководитель (или руководители) может быть лучше или хуже, талантливым или бездарным, даже ничтожным, и ни одно общество не застраховано от того, что по какому-то стечению обстоятельств к власти может придти болван или негодяй, но все дело в том, каковы формы и степень контроля за этой властью. Экономические отношения не зависят от воли и желания отдельных людей, какие бы «царские посты» они ни занимали. Если в XX веке в течение 70 лет общество не может обеспечить себя всем необходимым, когда более или менее сносно обеспечивается лишь столица

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
государства, да и то потому, что революция слишком страшный призрак, когда после 30 лет мирного развития экономика страны начинает топтаться на месте и даже идти вспять, если через 70 лет социалистического развития по размеру национального дохода на душу населения страна занимает место в третьем десятке, то возникает вопрос – что же это за строй, в котором люди, работающие и живущие в отвратительных условиях, не в состоянии купить себе килограмм мяса или приличный костюм, что же это за строй, руководители которого являются выдающимися и даже гениальными деятелями, «верными марксистами-ленинцами», а после ухода их с политической сцены «выясняется», что они как на подбор были уголовными преступниками, извращали марксистскую теорию, да и просто были... дураками? Я говорю о Советском Союзе и далее в основном исследуется эта страна, хотя в любой другой дело обстоит примерно также, будь то Китай или Польша.

Советский Союз – первая и единственная (почему единственная – станет ясно позже) классическая страна «реального социализма», также как Англия в свое время была классической страной частного капитализма, а Французская революция классической буржуазной революцией. Естественно, что исследование «реального социализма» просто необходимо вести на примере СССР.

Наблюдения и размышления над окружающей советской действительностью, возникавшие вопросы, заставили меня обратиться к первоисточникам – работам К. Маркса и Ф. Энгельса. Постоянное расхождение громогласных заявлений официальной пропаганды с реальной жизнью, с реальными делами, возбудили во мне сильные сомнения насчет политической и экономической принадлежности существующего у нас строя и его руководителей.

Закономерным этапом стало применение теории научного коммунизма к реальным общественным отношениям в Советском Союзе.

Если моя работа вообще увидит свет, то впервые она будет, вероятно, напечатана где-то в чужой стране и на чужом языке, и тем не менее, хотя выводы, сделанные мной применимы к любой стране «реального социализма», работая над рукописью я прежде всего думал о своем народе, о своей стране и не только потому что я русский, а потому, что русский народ, как ни один народ в мире, заслужил своей трагической, великой и благородной историей, своими неисчислимыми жертвами не только ради себя, но и ради других народов, счастливую жизнь.

И я верю в то, что русский народ покажет всему миру пример, первым откроет дорогу человечеству к действительной свободе.

книга 1 Государственный капитализм

«Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу. У нее, правда, есть и консервативная сторона: каждая данная ступень развития познания и общественных отношений оправдывается ею для своего времени и своих условий, но не больше. Консерватизм этого способа познания относителен, его революционный характер абсолютен – вот единственное абсолютное, признаваемое диалектической философией».

Фридрих Энгельс
Часть 1 Политика

«Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сеть все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху абсолютной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять,»

КАРЛ МАРКС

1. Политическая история

Что же это такое – «реальный социализм»? Откуда он взялся и почему?

Великая Октябрьская социалистическая революция (которую первые годы почему-то называли сами участники «Октябрьским переворотом») произошла

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
25–26 октября (7–8 ноября нового стиля) 1917 года, в Петрограде.

Первая победоносная социалистическая революция, которая... Стоп, стоп! Каким образом социалистическая, то есть пролетарская революция, могла произойти в крестьянской стране, в стране с зачаточной промышленностью, в стране оплошного бескультурья, больше того – сплошной неграмотности?

В. И. Ленин ответил: Революционная ситуация, империалистическая война, разруха, голод, наличие организованного авангарда пролетариата – партии большевиков, буржуазно-демократическая (с февраля 1917 года) республика. На первый взгляд трудно спорить с этими доводами, но тот, кто знаком с марксизмом не по речам «верных ленинцев», должен понять, что как предпосылки социалистической, пролетарской революции эти доводы не стоят и ломаного гроша, потому что здесь нет главного – уровня экономического развития, позволявшего совершить социалистическую революцию. Вспомним слова Ф. Энгельса, приведенные мной в предисловии – только, когда данный способ производства прошел значительную часть своего пути по нисходящей, когда он в значительной мере изжил себя и т. д., – может ли человек в здравом уме говорить о том, что в России 1917 года капитализм достиг таких высот, что уже начал спускаться под гору? Капитализм в России был в начале своего развития. Ленин часто говорил, что царская Россия отстала от передовых капиталистических стран на столетие, но после февраля 1917 года он почему-то забыл об этом – о том, что уровень развития экономики России, уровень развития производственных, общественных отношений находится где-то на уровне Англии после окончания наполеоновских войн.

Вот каким был социальный состав населения России в 1913 году по оценке Немчинова:

Рабочий класс 14,8 % в т. ч. сельскохозяйственные рабочие 3,5 %

Крестьяне и ремесленники (без кулаков) 66,7 %

Буржуазия и помещики 16,3 % в т. ч. кулаки 11,4 %

Интеллигенция 2,2 %

Итак, почти 4/5 всего населения – крестьянство.

Численность рабочего класса.

1 вариант тыс, чел. %

Рабочие фабрично-заводской,

горнозаводской и добывающей отраслей промышленности 3643,3 18,4

Надомники, кустари городские и сельские 3500,0 17,6

Чернорабочие и поденщики 1500,0 7,5

Строительные рабочие 1500,0 7,5

Рабочие и служащие железно дорожного транспорта 1265,7 6,3

Рабочие и служащие водного транспорта 500,0 2,5

Рабочие и служащие учреждений связи 91,0 0,5

Сельскохозяйственные рабочие 5000,0 24,9

Рабочие и служащие торговых учреждений и предприятий 365,0 4,2

Домашняя прислуга и прислуга в учреждениях 2100,0 10,6

ВСЕГО: 19965,0 100,0

П вариант

Рабочие фабрично-заводских,

Рабочие надомники,
рабочие городской и сельской местной промышленности 3000 16,8
Работники транспорта и связи 1400 8,0
Строительные рабочие 1500 8,5
Чернорабочие и поденщики 1100 6,3
Сельскохозяйственные рабочие 4500 25,6
Прислуга в учреждениях, на предприятиях, в усадьбах и домашняя прислуга
2100 12,0
Рабочие, ученики и служащие в торговле, гостиницах,
ресторанах и т. д. 865 4,9
ВСЕГО: 17565 100,0

Возьмем за основу максимальную цифру, которую приводит Гапоненко.

Рабочие фабрик, заводов – 3 миллиона 643 тысячи человек. Со второй строки таблицы начинаются вопросы. Можно ли считать ремесленников рабочими? До сих пор ремесленник был ремесленником, а рабочий – рабочим. Разница между ними непонятна только ученым мужам, если же имеются ввиду «ремесленники», работающие по найму, на хозяина, то это уже не ремесленники в прежнем понимании и такие вещи надо расшифровывать, а не валить в кучу.

Сельскохозяйственные рабочие. Батраки, проще говоря, то есть безземельные или малоземельные крестьяне и до сельскохозяйственного рабочего им еще очень далеко. Процесс этот даже сейчас, спустя 70 лет еще далеко не закончился. Так что, извините, но батраков 1913 года я в пролетариат записать не могу. Что же касается ленинского «полупролетариата», то я считаю, что всерьез об этой детски-мошеннической проделке не стоит и говорить – чтобы «доказать» возможность социалистической революции в России Ленину надо было где-то отыскать недостающие полсотни миллионов рабочих и, не мудрствуя лукаво, он одним росчерком пера зачислил крестьян в рабочие. Ну а ля! Пролетариат составляет больше половины населения страны! Да здравствует социалистическая революция!

Работники транспорта и связи. Здесь рабочих смешали со служащими,

Рабочие торговых учреждений. Рабочие, конечно, есть в магазинах и даже ресторанах, но зачислять половых в трактирах, приказчиков в магазинах и лавках и уборщиц в учреждениях в пролетариат – дальше, кажется, идти уже некуда, Ан нет, «Домашняя прислуга» тоже попадает в «пролетариат», Ну, что ж – каков учитель, таковы и ученики. Интересно, понимали сами Гапоненко и Рашин, какую чушь выдают за научную работу? Нянька, качающая зыбку, официант в «Яре» – ай, да пролетариат!

Если говорить серьезно, то нельзя считать рабочим, пролетарием человека только потому, что он работает по найму, важно кем он работает и где он работает, важно кто он, иначе придется записать и управляющего имением и директора завода – в пролетариат. Прописные истины? Конечно, но мы только что убедились, что и их не всегда понимают. Служащие и рабочие – различные явления и различные понятия. Кроме того, есть большая разница между работниками так называемой сферы услуг (особенно в России начала XX века) и рабочими производственной сферы. Эта разница – качественная. Первые в подавляющем большинстве не производят никакой прибавочной стоимости, вторые – производят.

Что же у нас осталось в итоге? 8–9 миллионов пролетариев, то есть менее 1/10 части населения.

Крестьяне и прочая мелкая буржуазия – более 80 % населения.

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
Остальные – буржуазия, помещики, чиновники, интеллигенция.

И при таком классовом составе населения Ленин собирался строить социализм?!

Мне могут возразить, что дело еще и в качестве пролетариата. Ну, во-первых, когда десять человек навалятся на одного, исход борьбы предрешен, а то, что более половины рабочих было неграмотно, говорит о том, каким было качество тогдашнего пролетариата. Филистеры «реального социализма» объявят, конечно, что я «клевету на героический рабочий класс» – им не привыкать выплевывать пышные фразы, но я предпочитаю исследовать реальные отношения, а унижить рабочих 1917 года то, что в силу определенных исторических и экономических условий, они были неграмотны, малочисленны или имели в родной деревне надел земли, на котором применяли бывало наемный труд – никак не может. Это печальный для нашей истории факт, не более. Бояться реальной жизни, фактов могут и должны трусливые душонки лакеев «реального социализма», которым выдают за этот спасительный страх похлебку пожирнее, чем «героическому рабочему классу».

И последняя таблица.

На 1000 муж. На 1000 жен. На 1000 всего пола грамотных пола грамот. насел. грамот.

1897 г. 1920 1897 1920 1897 1920

1. Европейская

Россия 326 422 136 255 229 330

2. Северный

Кавказ 241 357 56 215 150 281

3. Сибирь(Западная) 170 307 46 134 108 218

ВСЕГО: 318 409 131 244 223 319

Источник: В. И. Ленин. «Странички из дневника».

Приведя эту таблицу Ленин далее пишет: «Это показывает сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы». (подчеркнуто мной – Н.С.)

Почему после октября 1917 года Ленин так и не завершил одну из своих главнейших(а может быть и самую главную) работ – «Государство и революция»? Уж не потому ли, что реальность не очень-то этому способствовала? Безусловно, «опыт революции» куда интереснее проделывать, чем писать о нем, но ведь писал и много писал! Только вот, то что ему приходилось писать, исходя из опыта Октября, нельзя было ставить рядом как продолжение «Государства и революции». На все у Ленина нашлось время – и на «ренегата Каутского» и на «детскую болезнь левизны» и т. д. и т. п., а вот для такого «мелкого» вопроса, как организация политической власти пролетариата у него видите ли «времени не нашлось». Нет, дело не в нехватке времени. Как прекрасно он все расписал на сотне страниц, как отлично исследовал работы К. Маркса и Ф. Энгельса, опыт Парижской Коммуны, и что же он сделал, придя к власти? «Как это обычно бывает, когда власть попадает в руки доктринеров, и те и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, что им предписывала доктрина их школы».

Главная, вернее первая задача пролетарской, социалистической революции – разбить, уничтожить государственную машину угнетения. Неужели тем, что министерства называли «наркоматами» (в 1946 году и это филологическое различие исчезло) и статских советников заменили партийными боссами, балтийскими матросами и питерскими рабочими (кстати эта замена произошла совсем не в тех масштабах, как показано в некоторых кинофильмах), могло что-нибудь измениться и машина угнетения вдруг стала «машиной свободы»? Дело не в том, кто сидит в кресле, не в том, кем этот человек был до того, как сел в это кресло, а в том, где, он сидит в кресле, выбран он народом

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
или какой-то узкой группой, может ли народ в любое время заменить его, в чьих интересах он действует.

На все эти вопросы приходится ответить в том смысле, что народ, больше того, даже рабочий класс – никакого влияния ни на выбор, ни на деятельность этих людей не имел.

Неубедительно? «Наш госаппарат, за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям. Он только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата... Я предвижу одно возражение, исходящее либо прямо, либо косвенно из тех сфер, которые делают наш аппарат старым, т. е. от сторонников сохранения нашего аппарата в том же до невозможности, до неприличия дореволюционном виде, в каком он остался и по сейчас...»

Но власть пролетариата, трудящихся, народа – несовместима с буржуазным государственным аппаратом – одно исключает другое. «Коммуна должна была о самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время,» (подчеркнуто мной – Н.С.). К. Маркс, Ф. Энгельс и Парижская Коммуна это доказали, Ленин в «Государстве и революции» повторил как символ веры... и через три месяца отрекся без лишнего шума на деле.

Так почему же эта пресловутая «машина угнетения» не была разбита вдребезги? Сил, что ли, не хватило? Или по злему умыслу? Взяли, мол, Ленин с Троцким, да и обманули народ, вместо социализма подсунули ему черт знает какую дрянь?

С кем собирался Ленин строить социализм? С неграмотным крестьянином? Ему можно оказать «бей помещиков, бей богатых». И он будет бить. И бил, потому что большевики дали ему землю, а ради этого крестьянин был готов на все, но построить социализм с крестьянином нельзя! Иначе социализм давным-давно произвели бы на свет средние века.

Рабочий класс? Ничтожная горсть в общей массе народа.

Страна? Нищая, неграмотная.

Экономика? Отстала от передовых стран лет на сто.

Из чего взяться социализму? Из деревянной сохи?

«Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и объединят действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее всей нации, всему обществу, разве это не будет централизм? Разве это не будет самый последовательный демократический централизм? и притом пролетарский централизм?».

Да уж, организовались «по коммунам» и «вполне свободно», если бы. А без этих «вполне свободно организованных коммун» от пролетарской демократии остается только централизм, который одинаково приложим к любому строю и любому режиму.

Или еще один ленинский тезис: «Возьмем власть, а потом уж создадим предпосылки для строительства социализма!»

Не говоря об оригинальной «марксистской» трактовке вопроса, допустим, что это возможно, то есть возможно, что «сначала соберем урожай, а потом засеем поле». Но как это можно осуществить реально? Предложить рабочим и (в первую очередь) крестьянам – надо создать экономическую базу социализма промышленность и т. д. и т. п., поэтому вы сейчас должны: жить в землянках, умирать от голода и надрываться на работе даром... И воодушевленные радужной перспективой грядущего в туманной дали сказочки-социализма, люди

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
добровольно пойдут в землянки, будут умирать от голода, будут есть собственных детей, отдавая пшеницу на «развитие тяжелой промышленности». Как отнесся народ к такой перспективе в действительности – показали крестьянские восстания и рабочие забастовки в 1920–1921 годах.

Следовательно, нужно заставить рабочих и крестьян создавать промышленность, то есть организовать для этой цели невиданное ограбление рабочих и крестьян, то есть объективно нужна была власть, которая сможет это сделать – ограбить и удержать в повиновении. Как оказалось, никуда не деться от необходимости «первоначального накопления».

Все практические действия Ленина после Октября идут вразрез с его прежними теоретическими взглядами, то есть с марксизмом, в верности которому он клялся всю жизнь. Любопытно, как неуклюже этот блестящий полемист и аналитик пытается объяснить сохранение старого госаппарата, «забывая», что это вообще нельзя объяснить, если не признать, что никакой социалистической, пролетарской революции не было: «Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох (Прошло уже более 60 лет с тех пор как он написал эти слова. Где же эти рабочие? – Н.С.) Он у нас, в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно (Парижская Коммуна „при войне, при голоде и т. п.“ проделала его за две недели! Если революция действительно социалистическая, народная, то война, голод или другие препятствия – всего лишь побудительный мотив для еще более быстрой переделки, а вернее разрушения старой машины угнетения и создания нового механизма власти народа – Н.С.). Поэтому тем „критикам“, которые с усмешечкой или со злобой преподносят нам указания на дефекты нашего аппарата, можно спокойно ответить, что эти люди совершенно не понимают условий современной революции. За пятилетие достаточно переделать аппарат вообще невозможно, в особенности при тех условиях, при которых происходила революция у нас. Достаточно, если мы за пять лет создали новый тип государства, в котором рабочие идут впереди крестьян против буржуазии, и это при условии враждебной международной обстановки представляет из себя дело гигантское. Но сознание этого никоим образом не должно закрывать от нас того, что мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и что теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата». (Не на преобразование, не на разрушение, а на «улучшение» вот ведь как! – Н.С.).

Как же можно создать новый строй, новое общество (а не «государство» это весьма знаменательная «оговорка» Ленина) с госаппаратом, «взятым от царя и буржуазии»? И почему сознание марксиста Ленина не запротестовало против этой явной несообразности, ведь всего пять лет назад в «Государстве и революции» он так горячо клеймил всех «рenegатов» и «оппортунистов», которые утверждали, что для построения социализма незачем ломать старую государственную машину, а нужно ее воспользоваться?

Почему же Ленин, защищая на словах теорию научного коммунизма, на деле проводил в жизнь совершенно не имевшую ничего общего с теорией практику?

Я далек от мысли приписывать ему какие-то личные интересы, но даже если они и были, от этого ровным счетом ничего не меняется по существу, чему пример – Сталин, разговор о котором впереди.

Величайший практик, чувствующавший как никто потребности времени, на словах защищая от крушения последнее прибежище цели всей своей жизни вывеску «социалистическая революция», Ленин был вынужден, чтобы не потерпеть крушения на деле. проводить в жизнь ту политику, которую эта жизнь требовала.

Величие Ленина не в том, что он был «вождем и учителем мирового пролетариата» – он не был таковым даже для российского пролетариата, а в том, что в отличие от других политических деятелей России (в том числе и своих ближайших соратников), он проводил реальную политику, политику, действительно отвечающую требованиям жизни. А жизнь, неграмотная, нищая, крестьянская Россия требовала земли и твердой власти, которая защитит эту землю, потому что крестьянин сам управлять обществом не может. И никто в той России кроме большевиков, не мог дать крестьянину того и другого одновременно, а так как одно было в тот момент немыслимо без другого, то большевикам пришлось взять на себя эту роль. Более того, если бы вопрос о

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
земле не стоял в течение всей революции и Гражданской войны, то большевики никогда не смогли бы удержаться у власти, какой бы «сверхкрасный террор» они не проводили. Они быстро приближались к краху, пока крестьянин не понял на собственной заднице, что только Ленин и большевики, которые дали ему землю, его же защитят и не дадут помещикам землю у него отобрать.

Если допустить только одно, а именно, что крестьяне в 1861 году получили землю так, как хотели или хотя бы приблизительно так и на тех условиях, о которых мечтали (правда, тогда и общее развитие пошло бы по-другому, но этого не могло быть, потому что 1861 год – закономерный результат предыдущего развития) или, хотя бы после февраля 1917 года русская буржуазия могла бы дать землю крестьянам, то «Великая, Пролетарская, Социалистическая» даже и не началась бы – потому что главным вопросом русской революции был земельный вопрос и противоречия между буржуазией и рабочим классом на этом фоне совершенно терялись.

Почему же русская буржуазия не могла отдать крестьянам землю и спасти себя? Случайность? Не нашлось умного человека среди буржуазии? Нет, не случайность и далеко не все капиталисты были дураками или болтунами-адвокатами. В дело вмешались куда более могущественные силы экономические законы, законы, определяющие в конечном счете развитие общества, законы, которые нельзя ни обойти, ни перепрыгнуть, тем более с помощью пары фокуснических фраз, как это пытался сделать Ленин.

Не буду здесь углубляться в исследование экономики дооктябрьской России – это великолепным образом сделал в свое время Ленин. Приведу всего лишь несколько цифр: Россия выплавляла чугуна в 2–8 раз, стали в 4–15 раз, добывала угля в 5–25 раз, производила продукции машиностроения в 2–25 раз на душу населения меньше, чем развитые страны. Удельный вес России в мировой промышленной продукции составил 2,6 %, Франция – 6,6 %, Англии – 12,1 %, Германии – 15,3 %, США – 38,2 %, то есть, если сравнивать население и территорию страны уровень развития капитализма в России был на порядок ниже, чем в странах Запада. В 1914 году заграничные инвестиции в акционерных предприятиях всех видов составляли около 1600 миллионов рублей или 34,1 % всего акционерного капитала в России. Удельный вес иностранного капитала в общем акционерном капитале отдельных отраслей хозяйства определялся следующим образом: в горной и металлургической промышленности – 53 %, в химической свыше 40 %, в электропромышленности – 75 %, в банках – свыше 40 %, в промышленности по благоустройству городов – свыше 40 %. С учетом облигационных капиталов доля иностранных инвестиций была еще выше. Нетрудно видеть, что иностранный капитал концентрировался в ключевых отраслях русской экономики. По некоторым подсчетам, удельный вес иностранных инвестиций в акционерном капитале предприятий 1 подразделения промышленности (средства производства) был втрое выше, чем во 2 подразделении («средства потребления») и т. д. А ведь хорошо известно, как не любят иностранные капиталисты вкладывать капиталы в тяжелую промышленность, где прибыль намного ниже, чем в легкой, но как же тогда русские капиталисты не хотели вкладывать в нее свои капиталы?! Один этот штрих к портрету русской буржуазии говорит очень много.

Своеобразие России и ее капитализма в слабости своей буржуазии и слиянии интересов слабой буржуазии и сильного дворянства, обладающего государственной властью при определяющей роли иностранного капитала. «Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, – а за последние годы она немало потрудились в этом направлении, – она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все. Но этого моему критику мало. Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются, – для того, чтобы придти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает, вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда, наиболее полное развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня... Таким образом, события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности». В этом отрывке из письма К. Маркса в редакцию «Отечественных записок» по сути заключены все ответы на вопросы о характере Октябрьской революции.

Россия, несмотря на относительно быстрое развитие капитализма после 1861 года, отставала от стран Запада по всем пунктам – от образования до производства стали. Россия не успела развиться в буржуазное государство хотя бы по существу, то есть экономически, не говоря уж о политическом развитии, а уже была привязана к развитому капитализму Запада. К октябрю 1917 года Россию душили в «объятиях» иностранные капиталы.

И своеобразие положения заключалось в том, что в феодальном абсолютистском государстве с деспотической властью царя, существовала буржуазия, которая не могла возглавить буржуазную революцию (доказательства – 1905 год, февраль 1917 года и последующие события). «Немецкая буржуазия развивалась так вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она сама оказалась враждебно противостоящей пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату. Она увидела во враждебной позиции по отношению к себе не только класс позади себя, но и всю Европу перед собой. В отличие от французской буржуазии 1789 года прусская буржуазия не была тем классом, который выступает от имени всего современного общества против представителей старого общества, монархии и дворянства. Она опустилась до уровня какого-то сословия, обособленного, как от короны, так и от народа, оппозиционно настроенного по отношению к ним обоим, нерешительного по отношению к каждому из своих противников в отдельности, так как она всегда видела их обоих впереди или позади себя; она с самого начала была склонна к измене народу и к компромиссу с коронованным представителем старого общества, ибо она сама уже принадлежала к старому обществу, она представляла не интересы нового общества против старого, а обновленные интересы внутри устаревшего общества, она стояла у руля революции не потому что за ней стоял народ, а потому, что народ толкал ее впереди себя; она находилась во главе не потому, что представляла инициативу новой общественной эпохи, а только потому, что выражала недовольство старой общественной эпохи; то был пласт старого государства, который сам не пробил себе дороги, но силой землетрясения был выброшен на поверхность нового государства; без веры в себя, без веры в народ, брюзжа против верхов, страшась низов, эгоистичная по отношению к тем и другим и сознающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам и консервативная по отношению к революционерам; не доверяющая своим собственным лозунгам, с фразами вместо идей, боящаяся мирового урагана и эксплуатирующая его в свою пользу; лишенная всякой энергии, представляющая собой сплошной плагиат, она пошла, потому что в ней нет ничего оригинального, она оригинальна в своей пошлости, она торгуется сама с собой, без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без всемирно-исторического призвания – точно старик, над которым тяготеет проклятие, осужденный на то, чтобы извращать первые молодые порывы полного жизни народа и подчинять их своим старческим интересам старик без глаз, без зубов, полная развалина – такой очутилась прусская буржуазия после мартовской революции у руля прусского государства». Поразительно! Заменяя «немецкая», «прусская» на «русская», мы получаем словно в волшебном зеркале полную характеристику русской буржуазии в марте 1917 года.

Но буржуазная революция назрела, она была необходима и неминуема. И было кому возглавить ее помимо буржуазии – рабочему классу. Так и произошло в феврале 1917 года. Больше того, была сильная организация профессиональных революционеров, идеологией которых был марксизм, то есть интересы пролетариата, да и всего народа, партия, которая считала, что она должна возглавить революцию (хотя, естественно, большевики считали, что революция будет называться несколько иначе – социалистической). «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия, благодаря беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые лежат непосредственно не в наших интересах, а в интересах общереволюционных и в интересах специфически мелкобуржуазных; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично понимаем, что они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, надо

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и прежде, чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу. В такой отсталой стране, как Германия, в которой имеется передовая партия и которая втянута в передовую революцию вместе с такой передовой страной, как Франция, – эта передовая партия должна обязательно очутиться у власти, как только дело дойдет до серьезного конфликта и как только будет угрожать действительная опасность. А для этой партии это было бы во всяком случае преждевременным. Однако все это не важно, и самое лучшее, что можно сделать, – это уже заранее подготовить в нашей партийной литературе историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет». Ну, что здесь можно сказать? Остается только еще раз написать «поразительно» и поставить страницу восклицательных знаков! Единственное, чего не мог предвидеть Энгельс так это того, что все произойдет через 64 года в России и в совершенно других условиях империализма, в условиях, когда классовая борьба и борьба за национальную свободу исключают возможность реакции в старом смысле слова, и реакция должна будет наступить, так сказать, изнутри самой революции.

«Октябрьская революция» была не самостоятельной революцией, а одним из этапов Великой Русской революции 1917–1920 годов. Она была продолжением февральской революции или, если угодно, февральских событий, февральского восстания. За восемь месяцев после февраля буржуазия поставила своим «руководством» страну перед национальной катастрофой. Шутка истории состояла в том, что для того, чтобы завершить буржуазную революцию, необходимо было избавиться от буржуазии. В этом, впрочем, нет ничего принципиально нового нечто похожее происходило во Франции – якобинцы рубили головы буржуа, стараясь как можно быстрее и полнее осуществить буржуазную революцию, хотя, конечно, сами они воображали, что создают «царство равенства, братства и свободы». «Однако как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов». Якобинцы XX века сменили нерешительных русских буржуа, но в отличие от якобинцев конца XVII века не отдали власть назад буржуазии, точнее, она не смогла, да и не могла, ее у них отнять.

К. Маркс говорил, что революции не совершаются по заказу. «Октябрьская революция» была «по заказу», то есть она и была не революцией, а переворотом – власть перешла от одной группировки к другой, что, кстати, отлично понимали непосредственные участники этого переворота, о чем я уже упоминал.

Народ, особенно крестьяне (несмотря на то, что крестьяне получили землю из рук большевиков, они еще долго были настроены против них, против непонятной им «коммунии» – во многом это объясняется тем, что крестьяне надеялись получить землю мирным «законным» путем от Учредительного собрания), на первых порах встретили этот переход власти из одних рук в другие довольно равнодушно и даже враждебно. Но еще более равнодушным и враждебным было отношение к правительству Керенского, которое все настолько презирали, что даже монархически настроенные офицеры хотели прихода к власти большевиков, надеясь, что на скорых развалинах этой власти, легче будет вернуть на трон «возлюбленного императора».

Крестьяне получили землю, дворян, буржуазию, интервентов сбросили в море.

Теоретически перед Россией как будто открывалось два пути:

I. Традиционный частно-капиталистический путь. Идти таким путем можно было бы, естественно, только во главе с буржуазией, частно владеющей средствами производства и обладающей политической властью.

II. Этот второй путь я называю – государственным капитализмом. то есть с государственной (не общественной, не общенародной), а именно государственной, то есть принадлежащей государственной машине, которая при государственном капитализме тождественна новому классу государственных капиталистов) собственностью на средства производства, а затем и на все остальное.

Разберем оба эти пути. Слабость буржуазии, ее заинтересованность в союзе с дворянством (в гражданской войне отечественная буржуазия играла столь

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
незначительную роль, что ее можно сравнить с «актером без реплики» вроде лакея с подносом; ударной силой, причем ударной силой кого? иностранной буржуазии, потерявшей в России едва ли не больше, чем русская буржуазия – было дворянство), точнее – невозможность ее существования без дворянства и иностранного капитала, более сильного в России, чем сам русский капитал – могли быть предметом споров до февраля 1917 года. В течение последовавших восьми месяцев была блестяще доказана самой русской буржуазией полная невозможность пребывания ее у власти. Безвластная власть русской буржуазии вела либо к военной диктатуре дворян, то есть к возврату старого царизма или даже еще более варварского, либо к превращению России в полуколонию Запада. Причем первое неминуемо означало и второе. Кроме того, буржуазия не разрешила и не могла такая буржуазия разрешить, главный вопрос русской революции – земельный, а значит в любом случае рано или поздно все должно было начаться сначала.

Никто, ни один человек (или группа) в России не хотел, чтобы положение оставалось таким, каким оно стало после февраля. Все хотели перемен – одни назад к прошлому, другие рвались вперед, третьи сами не знали, чего они хотели, причем часто и первое, и второе, и третье совмещалось в одном лице.

Дворяне хотели восстановления монархии во всей ее первобытной прелести (я, разумеется, везде говорю о классах, о подавляющем большинстве, а не об отдельных липах, тем более, исключениях из правил, вроде дворянина большевика или выходца из рабочих или крестьян – белогвардейца), буржуазия хотела поставить на место рабочих, но монархии дофевральской не хотела (хотя и была готова согласиться с ней в крайнем случае) – хотела «более умеренной». Единственное, что русской буржуазии понравилось в буржуазном государстве, так это то, что она сама, так сказать – непосредственно, запускала руку в казну, воруя так и в таких размерах, как ей и не снилось даже при «царе-батюшке».

Рабочий класс хотел (по крайней мере – большевики хотели, то есть несколько процентов от общей численности рабочих) сбросить со своей шеи буржуазию и, во всяком случае, рабочий класс хотел улучшения своего положения.

Крестьяне хотели земли.

И все, даже последний палач в белогвардейской контрразведке, хотели «истинной» свободы. Только понимал каждый свободу – по-своему.

Это – желания. Сами по себе желания тоже значат много, но так уж устроена жизнь на нашей планете, ничего тут не поделаешь, что желания вторичны, а первичны – проявления экономики. «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет „гражданским обществом“, и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжил в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г-на Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает, точно также нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество всегда ставит себе только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества».

Революции в Германии и Венгрии «по образу и подобию русской» не могли не потерпеть поражения именно потому что в отличие от России там не стоял так земельный вопрос, крестьянский, но были, конечно, и другие причины, главная из которых – частный капитализм еще далеко не исчерпал себя в этих странах, а те, кто встал во главе этих революций, довершили дело слепым копированием русского опыта, совершенно не подходящего для более развитых капиталистических стран. Это еще один довод против Ленина – в Германии, Венгрии создалась сходная с положением в России отчаянная обстановка, кроме двух главных моментов: более развитого капитализма и менее острого крестьянского, земельного вопроса. Ленин искал причины поражения Германской революции в «предательстве социал-демократов», «мировом империализме» и т. д., а действительные причины были куда более основательными, особенно в Германии; в менее развитой Венгрии, возможно, только прямая интервенция перетянула чашу весов. Но, если есть сила, которая организует крестьянство для борьбы за его крестьянские интересы – буржуазия или пролетариат, вернее организация, партия, считающая себя выразительницей интересов пролетариата, – в крестьянской стране, там победа обеспечена, как это и произошло в России. Польские крестьяне убивали красноармейцев не столько потому, что они были «москальи», а потому, что Дзержинский, со свойственной ему решительностью, вместо того, чтобы продолжить раздачу земли крестьянам, начал организовывать коммуны на уже розданной буржуазным правительством земле. Жизнь ответила Дзержинскому столь же решительно.

Ход мыслей Ленина известен – в феврале буржуазно-демократическая революция, потом «бурное развитие», а в октябре – революция социалистическая. Все это очень красиво и р-р-революционно, но за восемь месяцев Россия, конечно, не могла превратиться из крестьянской страны с отсталой, слабо развитой промышленностью и неграмотным населением в высокоразвитую страну с преобладанием пролетариата. «Что если полная безвыходность положения, удешевляя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?»

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный „уровень культуры“, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы». Да потому, что «деревья не растут да небеса», как говорил Энгельс, и нельзя собрать урожай до того как зреешь поле. Эта цитата – яркий пример того, как

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
материалист, марксист Ленин под влиянием реальных общественных отношений стал идеалистом и бланкистом. Что это за проповедь исключительности русского пути? Причем здесь другие государства, когда речь идет о России? Никакая даже сверхбезвыходная ситуация не может открыть никаких возможностей, если нет материальных предпосылок. Здесь марксизмом и не пахнет. Чистейшей воды авантюризм. Уровень культуры как раз во всех развитых западноевропейских государствах был примерно одинаков и на порядок выше, чем в России, Ленину это было известно лучше, чем кому бы то ни было, т. к. половину сознательной жизни он прожил в этих странах и не мог не видеть разительного контраста. Кроме того, он сознательно или бессознательно, но передернул – суть вопроса не в «уровне культуры», если ты, конечно, стоишь на позициях марксизма, а в уровне экономики, но здесь же надо сказать, что в общем-то Ленин говорил правильно, при одном условии – если бы он говорил не о социализме, а о государственном капитализме.

Каким образом народ остается ни с чем показывает опыт всех революций, так что нет ничего удивительного в том, что результатами борьбы воспользовалась кучка партийных вождей – государство, государственная машина, аппарат – перешли в их руки, что не значит, конечно, что субъективно они хотели именно такого развития событий. Я думаю, что они действительно верили в то, что строят социализм и т. д., но это ровным счетом не имеет никакого значения.

численность большевистской партии с лета 1917 года до окончания Гражданской войны колебалась от 200 до 400 тысяч человек, то есть составляла примерно 1/20 – 1/40 часть численности пролетариата России (если же учесть, что в партии были и крестьяне и ремесленники, и представители других слоев и групп населения, а верхушка партии состояла почти сплошь из выходцев из буржуазии, дворян и интеллигенции, то картина станет еще более ясной).

Всю власть осуществляла РКП(б)? В-первых, не вся РКП(б), а ее аппарат, верхушка, которая едва ли составляла во все времена даже 1 % от общей численности партии, но допустим даже, что вся партия властвует, хотя это и не так, но разве это можно назвать диктатурой пролетариата, когда 19/20 и более пролетариата отстранены от власти? А ведь пролетариат составлял в той России менее 1/10 от общей численности народа.

Так чья же это диктатура? «Из того, что Бланки представляет себе всякую революцию как переворот, произведенный небольшим революционным меньшинством, само собой вытекает необходимость диктатуры после успеха восстания, диктатура вполне понятно, не всего революционного класса, пролетариата, а небольшого числа лиц, которые произвели переворот и которые сами в свою очередь, уже заранее подчинены диктатуре одного или нескольких лиц... Однако и у наших лондонских бланкистов в основе лежит тот же принцип, что революции вообще не делаются сами, а что их делают; что их осуществляет сравнительно незначительное меньшинство и по заранее выработанному плану; и, наконец, что в любой момент может „скоро начаться“. Какая убийственная характеристика „Великой Октябрьской социалистической революции“!

диктатура нескольких тысяч (на первых порах – скоро их станет намного больше) людей, частью сменивших, частью просто занявших места в старой государственной машине, заменивших старую, неспособную управлять страной, приведшую ее на грань краха, русскую буржуазию. Это диктатура новой буржуазии – государственный капитализм. „Но ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил. Относительно акционерных обществ это совершенно очевидно. А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов. идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения“.

Общее владение всех членов олигархии совместно производительными силами, а не отдельно каждым членом олигархии отдельными частями производительных сил, дает возможность назвать этот строй и олигархическим капитализмом, но на мой взгляд определение государственный капитализм лучше передает суть дела потому что по-существу олигархии средства производства и прочее не принадлежат в старом смысле этого слова – все принадлежит государству, то есть никому, но олигархия и каждый ее член, когда и пока он находится у власти распоряжаются ими (здесь разгадка того, почему каждый член класса государственных капиталистов от низших до высших с таким удивляющим всех нас упорством маньяка до самой смерти судорожно цепляется за власть) и распределяют прибавочный продукт – весь прибавочный продукт.

Таким образом, государственный капитализм в чистом виде, без примеси частного – „реальный социализм“ – это государственная акционерная компания, это чистый капитализм, высшая точка капитализма. фраза: „Коренящееся в самом существе частного капиталистического производства отсутствие планомерности“ нуждается в значительном улучшении. Мне известно капиталистическое производство как общественная форма, как экономическая фаза, и частное капиталистическое производство (подч. мной – Н.С.) как явление, встречающееся в том или ином виде в рамках этой фазы. Но что же представляет собой частное капиталистическое производство? – Производство, которое ведется отдельным предпринимателем; а ведь оно уже все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами, это уже больше не частное производство, а в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство. но и отсутствие планомерности?» «На известной ступени развития становится недостаточной и эта форма; все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один „трест“, в союз, с целью регулирования производства. Они определяют общую сумму того, что должно быть произведено, распределяют ее между собой и навязывают наперед установленную продажную цену. А так как эти тресты при первой заминке в делах большей частью распадаются, то они тем самым вызывают еще более концентрированное обобществление: целая отрасль промышленности превращается в одно сплошное колоссальное акционерное общество, конкуренция внутри страны уступает место монополии этого общества внутри данной страны. Так это и случилось в 1890 году с английскими производством щелочей, которое после слияния всех 43 крупных фабрик перешло в руки единственного, руководимого единым центром, общества, с капиталом в 120 миллионов марок.

В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производства капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов. Но в этой своей форме эксплуатация становится настолько осязательной, что должна рухнуть. Ни один народ не соглашался бы долго мириться с производством, руководимым трестами с их неприкрытой эксплуатацией всего общества небольшой шайкой лиц, живущих стрижкой купонов.

Так или иначе, с трестами или без трестов, в конце концов государство как официальный представитель капиталистического общества, вынуждено взять на себя руководство производством».

Государственный капитализм играет все большую роль в частно-капиталистическом обществе, особенно в развивающихся странах что более, чем естественно. Перераспределение государством прибавочного продукта в развитой стране сглаживает кризисные явления, присущие капитализму, облегчает текущее положение народа, в отсталых – дает возможность сконцентрировать средства.

Где и кто видел буржуазное государство, где буржуазия не влияла бы на него непосредственно своей экономической властью? У пролетариата такой возможности нет(да и вообще в принципе пролетариат не может владеть только политической или только экономической властью), он не может оказывать прямого влияния в буржуазном обществе, только косвенное – всегда и везде в большей или меньшей степени любая политическая власть должна, вынуждена считаться с народом (я не говорю о непосредственном выступлении пролетариата, так как это уже вне обычных рамок политической жизни). Но самое главное в другом: отличие буржуазного государства в том, что оно осуществляет свою миссию в конечном счете в интересах буржуазии, в ее

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
классовых интересах исключительно и только. Государство пролетариата (если можно здесь вообще говорить о «государстве») может существовать, власть пролетариата в переходный период от капитализма к социализму будет осуществляться в интересах всего народа и для того чтобы вырвать политическую власть (социалистическая революция) и экономическую (во время и после социалистической революции) из рук буржуазии и передать ее всему народу. «Разнообразии истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразии интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия коммунистическое устройство было бы невозможностью и обманом. Политическое господство производителей не может существовать одновременно с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно и классовое господство. С освобождением труда все станут рабочими и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного класса». «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1. что существование классов связано лишь с определенными историческими формами развития производства, 2. что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3. что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов. Невежественные олухи, вроде Гейнцена, отрицающие не только борьбу но и само существование классов, доказывают этим только то, что они, несмотря на свой кровожадный и якобы человеколюбивый вой, считают общественные условия на которых покоится господство буржуазии, последним продуктом, крайним пределом истории, доказывают, что они – лишь слуги буржуазии. А это прислужничество тем отвратительнее, чем менее понимают эти болваны также и величие и преходящую необходимость самого буржуазного строя».

«Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплуататорский класс, т. е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее».

Каким же образом группировка, составляющая доли процента населения страны может постоянно, в течении многих десятилетий осуществлять свою собственную власть и одновременно строить социализм? Это что-то вроде козла на бойне, который ведет за собой стадо баранов, но где же тут социализм?!

Партия, организация пролетариата – может и должна возглавить социалистическую революцию, быть ее организующей силой, чтобы не дать организоваться контрреволюции, закрыть путь разгулу анархии и преступности неизбежной слепой ненависти части народа к прежней власти, ненависти столь сильной, что она даже переходит на плоды собственного труда, чтобы не дать утопить революцию не только в крови, но и в болтовне. Задача коммунистической, точнее – социалистической партии, потому что задачей партии, организации рабочего класса, является совершение, точнее – помощь при совершении, социалистической революции, помощь после революции всему народу в организации, установлении социалистического общества, после этого она становится ненужна, более того – вредна.

Забастовки польского пролетариата в июле-августе 1980 года и последующие события показали какие силы существуют в «реальном социализме» у рабочего класса. Они открыли насколько легко колеблется власть олигархии, когда на нее обрушивается увесистый кулак пролетариата, а не словеса интеллигенции (при всем моем уважении к интеллигенции). Исторический подвиг польских

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
рабочих перед человечеством в том, что они показали – и в «реальном социализме» пролетариат отнюдь не беспомощен, он – грозная, мощная сила, когда организован и решителен, когда он понимает, за что он борется и идет к своей цели, сокрушая на своем пути все преграды. А цели пролетариата это цели всего народа – свобода, удовлетворение материальных и духовных потребностей человека. Но эти же забастовки показали – поляки имели экономические цели и «экономическое руководство», «экономическую» организацию, но не имели и не имеют (я сужу о польских событиях на основе той «информации», которую можно получить в СССР, а это, конечно, весьма неблагоприятное занятие) ясных политических целей, политической организации и руководства – борьба их, по-существу, ограничилась требованием повышения зарплаты и косметической операции над политической жизнью, а не коренного переустройства (которого, кстати, нельзя «требовать», а можно взять только силой, что особенно относится к условиям государственного капитализма).

Именно поэтому польская олигархия пока что отделалась легким испугом события после «удовлетворения» экономических требований рабочих путем увеличения скорости печатного станка, пошли по накатанной дорожке – были убраны несколько наиболее одиозных фигур олигархов, на их место встали те, кому по истечении некоторого времени предстоит сыграть ту же роль козлов отпущения. ...Чтобы «стачки, вызвавшие увеличение заработной платы, вели к всеобщему повышению цен и даже росту нужды», – это одна из тех мыслей, идей, которые могут зародиться лишь в мозгу непонятого поэта... даже если бы единственным результатом коалиций и стачек были направленные против них усилия изобретательской мысли в области механики, то и в этом случае коалиции и стачки оказывали бы огромное влияние на развитие промышленности. «...общее повышение заработной платы повело бы не к всеобщему повышению цен, как утверждает г-н Прудон, а к частичному их понижению, т. е. к понижению рыночной цены товаров, изготовляемых преимущественно при помощи машин».

Увидев, что власть олигархии качается, увидев насколько она непрочна, рабочие, естественно, пытаются стихийно продолжить борьбу, но не имея пока политической организации, а главное не осознавая ясно антагонизма своих интересов и интересов государства олигархии, а в случае успеха своего выступления имея в качестве перспективы оккупацию Польши советскими войсками и войсками сателлитов, польский пролетариат фактически не имеет шансов на конечный успех, то есть на успех социалистической революции.

Хотя поляки и добились некоторого улучшения своего положения, особенно в политическом плане, вырвав кое-какие свободы явочным порядком (и которые, как только положение «стабилизируется», олигархия начнет потихонечку урезать) – суть строя осталась прежней, но эти, завоеванные долгой, тяжелой и опасной борьбой свободы в любом случае залог их дальнейших успехов. Сам факт возможности борьбы (причем даже мирной относительно борьбы) – залог успеха. Закончился лишь первый этап борьбы. «Бесспорно, во всякой борьбе тот, кто поднимает перчатку, рискует быть побежденным, но разве это основание для того, чтобы с самого начала объявить себя разбитым и покориться ярму, не обнажив меча?»

И хотя вряд ли социалистическая революция в Польше или другой стране «реального социализма» может победить окончательно без социалистической революции в СССР, борьба польского пролетариата – как первый удар грома перед грозой, он должен разбудить и разбудит рабочий класс всех стран «реального социализма», в которых государственный капитализм уже выполнил свою историческую миссию – подготовил экономическую базу социалистической революции и создания социалистического общества.

«Почему в СССР запрещены забастовки»? Забастовки у нас не запрещены, их нет не из-за запретов, а из-за того, что они лишены смысла, есть иные, куда менее болезненные (для кого?) пути, ведущие к удовлетворению справедливых (а кто решает «справедливые» они или «несправедливые»?) требований рабочих и служащих.

Наверное, именно потому что забастовки лишены смысла, 16 сентября 1966 года была принята серия указов в дополнение уголовного кодекса, а среди них статья 190 «Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок. – Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий, – наказывается лишением свободы на срок до трех

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
лет или исправительными работами на срок до одного года или штрафом до ста рублей» А теперь позвольте спросить «выдающихся марксистов-ленинцев» – что такое забастовка, если не «действия, нарушающие работу предприятий» и т. д.?

Пока не будет покончено с иллюзией пролетариата «реального социализма», что его интересы и интересы «реального социализма», то есть интересы олигархии, совпадают, и все портят лишь «отдельные» нехорошие лица, «случайно» попадающие в руководство партией и государством, пока не будет создана организация пролетариата, которая своей пропагандистской работой поможет ухудшающимся экономическим условиям существования рабочего класса разрушить эти наивные иллюзии, эту веру в «доброе царя» и «плохого царя», которая своей постоянной работой разъяснения покажет и докажет пролетариату, что интересы его и государства «реального социализма», то есть государственного капитализма, олигархии – в корне противоположны, и это противоречие неразрешимо никаким соглашением, что само такое «соглашение» есть всего лишь очередное поражение пролетариата в классовой борьбе с олигархией, до тех пор пока эта партия не организует хотя бы часть пролетариата для того, чтобы возглавить (а не стать выше всего) будущую революцию, до тех пор борьба рабочего класса в главном обречена на поражение – он сможет при благоприятных условиях ценой огромных усилий добиться временного и незначительного улучшения своего положения, добиться замены одного угнетателя другим, но власти, политической и экономической власти, он не получит, потому что власть не дают и не даруют, ее завоевывают в борьбе, а в борьбе побеждает тот, кто сильнее и лучше организован. Излишне говорить, что ни один класс, кроме рабочего класса (после победы социалистической революции), добровольно от власти не отказывался (и от того, что эта власть ему дает) и не откажется – это закон классовой борьбы, закон непреложный, так как он не придуман в чьей-то голове, а существует объективно, и тот, кто его не признает, тот не только не коммунист, но либо болтун, либо лицемер.

Собственно, «коммунисты», то есть олигархия, ничего из сказанного по поводу организации пролетариата и классовой борьбы (все это азы марксизма) не отрицают, только в силу вполне понятных причин, они по-своему все это «понимают». «Эксплуатирующее большинство не могло не лгать или, так как оно лгало не всегда сознательно, было лишено возможности не заблуждаться. А эксплуатируемое большинство не могло не чувствовать, где, как выражаются немцы, – башмак жмет ему ногу, и не могло не желать исправления башмака. Иначе сказать, объективная необходимость поворачивала глаза большинства в сторону истины, а глаза меньшинства – в сторону заблуждения. А на этом основном заблуждении эксплуатирующего меньшинства возводилась целая и чрезвычайно сложная надстройка побочных его заблуждений, мешающих ему смотреть истине прямо в глаза». Они никогда не отрицали, наоборот, всячески пропагандировали переходный период от капитализма к социализму. В СССР этот «переходный период» продолжается уже свыше 70 лет, и чтобы там ни говорили, как бы ни били себя в грудь представители олигархии и их лакеи, ни один здравомыслящий человек, не говоря уж о марксисте, никогда не поверит, что социализм, тем более «развитый социализм» – это то жалкое, нищее общество, погрязшее в преступлениях и хамстве, неспособное удовлетворить хотя бы платежеспособный спрос народа на самое необходимое (я уж не говорю о потребностях желудка), которое существует сейчас в нашей стране.

Каково действительное содержание социалистической революции и переходного периода? В чем их задачи? формы? Продолжительность?

В момент социалистической революции, политическая и экономическая власть де-факто переходит непосредственно к народу. Задача организации пролетариата не в том, чтобы оседлать революцию и «железной рукой гнать людей к счастью» – да это и не удастся никому, если революция действительно социалистическая, а в том, чтобы помочь пролетариату и всем трудящимся взять власть в свои руки и оформить народовластие, то есть демократию.

Организация, «оформление» социалистического общества в России 1917 года была невозможна. Как раз в первые месяцы после Октября попытка осуществить идеалистические мечтания для тогдашней России была предпринята. Красная гвардия, добровольная армия, выборность начальников, рабочий контроль и т. д. Эта дурацкая попытка не дала ничего кроме еще большей разрухи и дезорганизации, привела к тому, что новая власть оказалась перед угрозой краха. Жизнь вынудила Ленина идти единственно правильным для того времени путем и в последующие десятилетия этот путь тоже был единственно возможным

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
и правильным – путем диктатуры, безоговорочной диктатуры верхушки партии, опирающейся отчасти на «целиком старый госаппарат», доставшийся по наследству новому строю от царизма, отчасти на новый государственный аппарат, созданный и функционирующий на старых принципах государственной власти. Если бы он не сделал этого, вопреки наивным идеалистам внутри самой верхушки партии, то контрреволюция, дворяне, буржуазия, интервенты раздавили бы ничтожно малый российский пролетариат и разбили крестьян, яростно дерущихся за свою землю – по очереди, по деревне, как всегда подавляли крестьянские восстания феодалы, так как только диктатура, сильная власть могла в условиях той России 1917 года организовать крестьян против их воли, на то они и крестьяне, и в их интересах – на том этапе развития.

Сами по себе большевики были крестьянам абсолютно не нужны и не симпатичны – даже после того, как большевики дали им землю, крестьяне продолжали голосовать за эсеров, и только убедившись на собственном горьком опыте, что эсеры со своей болтовней о свободе, защитить их землю не могут, а большевики это делают, а если большевики уходят, то приходят помещики, которые землю отбирают, вот тогда только крестьяне выбрали из двух зол меньшее и повернули к большевикам, и это решило исход Гражданской войны, наряду с возвращением большевиков, вернее верхушки партии после кратковременного опыта (да и то не доведенного до конца – он и не мог быть доведен до конца) к старой организации политической власти, в том числе армии и других органов подавления, то есть сосредоточению ее в руках немногих – олигархии.

Это была победа в Гражданской войне, но это была и лебединая песня этой и всех последующих попыток непосредственной социалистической революции в крестьянской стране.

Государственный капитализм одержал победу над феодализмом и частным капитализмом – это вполне понятно. Было бы удивительно, если бы он, обладая огромными преимуществами, не сумел сделать этого.

Фактически попытка Ленина и его партии совершить социалистическую революцию в России была во всех отношениях попыткой с негодными средствами и просто авантюрой (не говоря уж о том, что революции не совершаются по заказу) – субъективно для них, а по существу – они совершили то, что требовала история, развитие России – у России (как и любой отсталой страны в то время) был только один путь действительно независимого развития в условиях существования в мире развитого частного капитализма – путь государственного капитализма.

Ленин вообразил, что за восемь месяцев «бурного развития» все изменилось. Непростительное заблуждение для такого умного марксиста (хотя это заблуждение и оказалось в конечном счете полезным). Ничего не изменилось в том смысле, как он думал. Изменилось другое – старая русская буржуазия доказала окончательно и бесповоротно, что она неспособна руководить обществом – ей нужно было подспорье в виде колониальной власти иностранного капитала.

Старую ничтожную русскую буржуазию история требовала заменить новыми энергичными людьми, но этот переход не мог произойти в прежних формах, частный капитализм должен был для этого смениться новым общественно-экономическим строем – государственным капитализмом (не путать с государственным капитализмом в недрах частного капитализма – при частном капитализме государственный капитализм может развиваться довольно значительно, но он отличается качественно – это всегда государственный капитализм в интересах частного капитала и управляют им люди, назначенные частными капиталистами – главное подтверждение этого – неоднократные денационализации государственных предприятий, целых отраслей, банков и т. д... При любом развитии государственного капитализма внутри частного определяющим остается частный капитализм, частное владение, хотя бы и в форме компаний, акционерных обществ и т. п.

Только государственный капитализм может аккумулировать все средства нищей, слаборазвитой страны за счет неимоверного ограбления народа и выставить свой интерес как всеобщий интерес, что в конечном счете правильно – на соответствующем отрезке исторического развития, и одним мощным рывком через трупы умирающих от голода и непосильного труда крестьян и рабочих, вырвать страну из вековой отсталости, поднять ее до уровня передовых западных стран, и обеспечить независимость страны, и держать народ в повиновении –

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
различными способами – от прямого подавления с помощью террора до одурманивания водкой и обещания «райской жизни» в «перспективе», то есть превращая научный коммунизм в религию, и используя эту религию для оглушения масс. Вот что было действительной задачей «коммунистов» 1917 года, 20-х, 30-х и последующих годов до наших дней. Все это перепуталось в их головах самым трагикомическим образом с социализмом.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали в свое время, что люди в классовом обществе мистифицируют свои действительные отношения и цели, которые ставят перед собой – история была до сих пор бессознательной, люди ставили себе одни цели, а фактически добивались совершенно другого. Так произошло и на этот раз. «Коммунисты» – большевики дрались за социализм и «мировую революцию», дворяне и буржуазия за республику частного капитала или монархию, но и то, и другое было одинаково невозможно.

Большевики в действительности боролись за государственный капитализм, контрреволюция боролась за Россию-колонию, за раздел России между Америкой, Англией, Германией, Францией и Японией. Даже Китай и Турция были не прочь отхватить куски от умирающего гиганта. Дворяне, погибавшие в боях с рабочими и крестьянами «за единую и неделимую Россию», гибли за уничтожение, распад России.

«Теоретический» спор «коммуниста» Ленина и «оппортунистов» меньшевиков и прочих – не стоил и выеденного яйца. Один, «развивая» марксистскую теорию, «неопровержимо» доказывал возможность и необходимость построения социализма и установления своей излюбленной «диктатуры пролетариата», которую он понимал вполне однозначно, как показали последующие события – как собственную диктатуру, другие с пеной у рта цитируя Маркса, столь же «неопровержимо» доказывали, что в России могла в то время существовать только буржуазная республика или на худой конец буржуазная конституционная монархия.

Ни тот, ни другой лагерь не желали видеть действительного положения вещей, да и не могли его видеть. И это также естественно, как и то, что жизнь, исторический прогресс, нельзя ни отменить, ни перепрыгнуть как в детской игре. «Именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена».

Никто в России не стал бы умирать за государственный капитализм, никто в России не стал бы умирать за то, чтобы она превратилась в колонию Англии, и в этом есть своеобразная мудрость истории.

Каждый класс, каждый человек боролся в России за свои цели и интересы, так как их понимал, в результате никто не получил того, чего хотел, потому что реальная жизнь, реальные экономические отношения, экономическое положение страны, расстановка классовых сил – требовали одного государственного капитализма.

Правда, крестьяне получили землю, но ведь всего-то на 10 лет. Что получили рабочие? Жалкие подачки до сравнения с СОЦИАЛИЗМОМ. Да и что реально можно было дать, если люди пухли от голода? ни политический, ни экономической власти они не получили и не могли получить.

Что получила верхушка партии и ее аппарат власти? Все.

Тезис Ленина – сначала завоеваем политическую власть, а там посмотрим для социализма, для построения социализма – авантюра. Власть-то можно захватить, но нельзя построить что-то из ничего. Средства для создания промышленности (огромные средства!) нужно было откуда-то взять, а взять их можно было только экспроприруя тех же рабочих и крестьян. Социализм в роли экспроприатора пролетариата? Оригинально. Государственный капитализм как раз и имеет то преимущество перед частным капитализмом (о социализме тут и речи быть не может), что проводит экспроприацию трудящихся быстрее и глубже и сознательно, организованно направляет экспроприированные средства на развитие промышленности.

Или может быть карточки на продовольствие через двенадцать лет после «победы Социалистической революции» были введены в связи с улучшением жизни народа? Или может быть в начале тридцатых годов миллионы умерли от голода в связи с улучшением своего положения в стране «победившего социализма»? Или может быть то, что даже в 1940 году потребление продуктов питания на душу населения было меньше, чем в 1913 году тоже находится «в связи» с улучшением положения трудящихся и построением «фундамента социализма»?

Естественно, что для столь наглой экспроприации нужна не свобода и демократия, а диктатура, и не «диктатура пролетариата» само собой разумеется, а диктатура новой буржуазии государственного капитализма и ее верхушки – олигархии.

«Культ личности», массовые убийства и прочие прелести – всего лишь следствия из существа строя госкапитализма, абсолютно неизбежные, что достаточно доказано историческим опытом других стран «реального социализма». Разве не удивительно, что к власти в этих странах приходят честные люди, революционеры, а после ухода их с политической сцены «выясняется», что они очень скоро превратились в мерзавцев, преступников, запятнавших себя кровью народа и собственных соратников по прежней борьбе за интересы народа? Разве не удивительно, что человек не щадил своей жизни ради народа, а после прихода к власти в течение буквально нескольких лет превращался в палача собственного народа? Как это объяснить? Если бы это произошло один раз в одной стране можно было бы сказать – «случайность». Но как быть с тем, что в каждой стране «реального социализма» с железной закономерностью происходило и происходит одно и то же? Нет, это не случайность, не умозрительные выводы – это реальность, это закономерность.

Естественно, что такое проявление государственного капитализма как массовый террор не может продолжаться в одной стране бесконечно – насилие в дальнейшем, после первого, самого жестокого этапа развития госкапитализма, периодически то смягчается, то усиливается, но, по-видимому, уже никогда не достигает высшей точки определенного периода этого строя. Это насилие вызвано, конечно, не какими-то «отрицательными чертами личности» (эти самые «черты» могут лишь наложить свой отпечаток на неизбежное насилие), а необходимостью держать народ в повиновении во время экспроприации. И действительно, если мы посмотрим, когда олигархия прибегает к террору, то увидим, что происходит это именно во время усиленной экспроприации народа, либо во- время борьбы за власть внутри правящего класса.

Интересен пример Китая. Эта страна к 1949 году была намного более отсталой, чем Россия в 1917 году, настолько отсталой, что без помощи извне от «завоевателя-наоборот» СССР там не смог бы установиться госкапитализм. Для экспроприации такой нищей страны понадобилась еще более жестокая диктатура олигархии. Вообще пример Китая – это пример навязывания государственного капитализма такой отсталой стране, где даже для государственного капитализма еще не созрели условия. Развитие госкапитализма там стало возможно только благодаря огромным вливаниям из СССР – на первом этапе до конца 50-х годов, когда благодаря этой помощи был создан фундамент для индустриализации, то есть страна приведена в положение примерно соответствующее положению России 1917 года. Для выхода из отсталости даже с чужой помощью такой нищей, крестьянской стране нужно намного больше времени, чем например, России, а чтобы держать народ в нищете и повиновении требовалось туго и надолго прикрутить гайки – вот истинные причины «большого скачка», «коммун» и «культурной революции». Но в результате даже всего этого оказалось недостаточно, что и вызвало введение «нэпа» по-китайски. Естественно, что путь в значительной мере навязанного госкапитализма не может детально повторить классический путь России. Да и вообще в истории нет и не может быть абсолютных повторов, хотя я и не исключаю, что «великий перелом» в Китае еще впереди, но это маловероятно – изменился мир, изменились внешние условия, внутреннее и международное положение Китая (но это, кстати, тоже потому что существует Россия такая, какой она стала в XX веке), совсем не те, что в России конца 20-х годов.

Историю государственного капитализма в России можно разделить на три этапа.

Первый – ускоренное развитие. Жестокая диктатура, связанная с необходимостью экспроприировать класс крестьян – мелких собственников земли и жизненных средств и пролетариат – для развития промышленности и необходимость в связи с этим держать народ в повиновении. В СССР этот

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
период продолжался с конца 20-х годов до конца 40-х годов.

Второй – стабилизация. С начала 50-х годов до начала 60-х годов. Ослабление гнета, вызванное объективной необходимостью: страна в известной степени вырвалась из отсталости и ликвидировала последствия разрушительной войны. Отпала необходимость в чрезмерной экспроприации, кроме того, олигархия понимала, что нельзя бесконечно кормить народ обещаниями – ничто уже в то время, ни война, ни прошлая отсталость не могли оправдать нищенского существования народа, жившего в основном в бараках и землянках. Рано или поздно это было чревато потрясениями, а на основе развившейся промышленности впервые представилась возможность поделиться кое-чем с народом без всякого ущерба для себя, но с огромной политической выгодой. И была сделана попытка, и в первое время всем даже казалось, что она удалась. Достигнутое улучшение положения трудящихся было, конечно, весьма относительным и, по сравнению с параллельным развитием Запада довольно жалким, но это уже можно было списать на гонку вооружений, «навязанную империалистами».

Стабилизация родила иллюзию, и не только у правящего класса, но и у народа, что страна реально в состоянии в ближайшем будущем «догнать и перегнать». Если исходить из темпов роста промышленности того десятилетия, то такие надежды были не совсем беспочвенными.

В общем, в этот период развитие страны было стабильным, и это стабильное развитие за счет прежних жертв, пока не требовало таких жертв в настоящем.

Но государственный капитализм ускоряет развитие общества по сравнению с частным капитализмом во много раз и период стабилизации, а с ним и «либерализация» скоро кончились. Кроме того (в результате начала упадка экономики не в последнюю очередь) власть внутри правящего класса перешла к другой группировке, которая вообразила, что уж она-то выведет страну на светлый путь. На самом деле эта группировка, хотя и более молодая, была еще менее способна управлять страной, чем прежняя, но это уже находилось в прямом соответствии с начавшимся Третьим и последним этапом – упадком и загниванием государственного капитализма, который закончится его гибелью – СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ.

Развив огромные производительные силы за счет ограбления народа, государственный капитализм оказался не в состоянии справиться с ними.

Государственный капитализм это в полном смысле преддверие социализма. Все условия, все что нужно для быстрого перехода к социализму – он создал. Намного, неизмеримо легче, превратить государственную собственность, нежели частную, на производительные силы – в общественную.

Каков реальный вклад В. И. Ленина в теорию научного коммунизма?

Чувствуя некоторую слабость в этом вопросе, апологеты Ленина обычно упирают на то, что он «защитил и отстоял» марксизм от оппортунистов, ревизионистов и пр., но даже если это так и было, то «защита» не есть вклад.

Первое: «империализм как высшая и последняя стадия капитализма».

Об империализме, трестах, финансовом капитале, не знаящем границ, колониализме и монополиях – знали и писали К. Маркс и, особенно, Ф. Энгельс, «Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах введение железных дорог ускорило социальный и политический распад, подобно тому как в более передовых странах оно ускорило последнюю стадию развития (подч. мной Н.С.), а следовательно, окончательно, окончательное преобразование капиталистического производства». «... они (железные дороги – Н.С.) послужили основой для возникновения громадных акционерных компаний и стали вместе с тем новым отправным пунктом для создания разного рода других акционерных компаний, начиная с банковских. Одним словом, они дали такой сильный толчок концентрации капитала, которого раньше никто не предвидел, и в то же время ускорили и расширили в громадной степени космополитическую деятельность ссудного капитала, благодаря чему весь мир оказался охваченным сетью финансового мошенничества и взаимной задолженности – этой капиталистической формой „международного братства“» «... Акционерный капитал как его совершеннейшая форма (подводящая к коммунизму), вместе с тем со всеми его противоречиями». «По-видимому, не только Бонапарт, его генералы и его армия захвачены в план Германией, но вместе с ним и весь империализм

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
(подч. мной Н.С.) со всеми его пороками акклиматизирован в стране дубов и лип». «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию, их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкуренты становятся монополистами. Если монополисты ограничивают взаимную конкуренцию посредством частичных ассоциаций, то усиливается конкуренция между рабочими, и чем более растет масса пролетариев по отношению к монополистам данной нации, тем разнуданнее становится конкуренция между монополистами различных наций. Синтез заключается в том, что монополия сможет держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу». Я привел все эти цитаты, чтобы показать – К. Маркс и Ф. Энгельс (см. «Анти-Дюринг») отлично понимали, что такое монополия, акционерный капитал, империализм, вывоз капитала и прочее – так что Ленин немного опоздал со своей «высшей» да еще и «последней» стадией капитализма, тем более, что она таковой не явилась чему мы все свидетели. Монополия, акционерный капитал, ссудный капитал, колониализм и т. д. – присущи изначально частному капитализму, ничего принципиально нового в частном капитализме не появилась. А вот «созданный» собственными руками государственный капитализм, новый общественно-экономический строй, Ленин проглядел.

Второе. «Развитие марксизма применительно к практике „реального социализма“ в России».

Взгляды и – основное – действия Ленина после Октября не имеют ничего общего с социализмом – почему не имеют и почему так произошло, я уже подробно рассматривал.

Третье. «Социализм может победить первоначально в нескольких или даже в одной отдельно взятой стране».

К. Маркс и Ф. Энгельс говорили о необходимости победы социалистической революции или во всех или в большинстве развитых капиталистических стран одновременно. Это самая слабая, самая уязвимая часть взглядов классиков, впрочем, в революционной практике они всегда были слабее, чем в теории, в отличие от Ленина.

В самом деле трудно понять, почему во Франции могла победить буржуазная революция 1789 года и выстоять против всей Европы, а пролетарская революция в той же Франции не смогла бы этого сделать? Очевидно, здесь был неправильно понят опыт Парижской Коммуны – французскую Коммуну никто бы не смог победить. Но французской Коммуны в XIX веке не могло быть – слишком неразвит был еще капитализм, далеко, очень еще далеко не исчерпавший огромных резервов своего развития. Два величайших гения человечества отдали здесь дань простой, естественной человеческой слабости – желая увидеть при жизни социализм, они построили умозрительную схему, абстрактно правильную – если бы возможна была в XIX веке социалистическая революция, то она в тех условиях могла бы победить только во всех сразу или в большинстве развитых стран. И мысль Ленина о возможности победы социалистической революции в одной или нескольких странах действительно была бы вкладом в научный коммунизм, если бы он смог правильно эту мысль обосновать. Вместо того, чтобы, пользуясь методом научного коммунизма, доказать, что это действительно возможно в стране, достигшей наибольшего уровня развития капиталистических производственных отношений, он пытался доказать прямо противоположное – революция должна, наоборот, победить в «самом слабом звене». Опять-таки понять такой не-марксизм можно – Ленин, думавший о России, желавший в ней революции, делавший для этой революции все, что было в его силах, не мог не видеть, что Россия среди капиталистических стран действительно самое слабое звено. В этом случае правильная марксистская оценка отодвигала социалистическую революцию в России за пределы его жизни, а с другой стороны, 1905 год доказывал, что революция возможна, правда, не социалистическая, но это уже другой вопрос. Отсюда теория возможности победы социалистической революции в одной или нескольких странах. Конечно, такая постановка вопроса тут же ставила другой огромный непреодолимый вопрос каким образом можно перепрыгнуть целую общественно-экономическую формацию, ведь российский капитализм находился еще в самом начале своего пути, а по сравнению с масштабами крестьянской, практически не затронутой еще цивилизацией, неграмотной страной – в зачаточном состоянии. Таким образом предлагалось, в вопиющем противоречии с научным коммунизмом, вместо того, чтобы, как трактует марксизм – с наивысшего развития капитализма перейти на еще более высокий уровень производственных отношений,

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
принципиально новый уровень социалистических производственных отношений, подготовленный предшествующим развитием капитализма – предлагалось, гордо поплеывая на неразвитые экономические отношения перепрыгнуть из феодализма в социализм (даже в коммунизм поначалу, это уж потом чуть притормозили – после крестьянских восстаний 1920–21 годов, после Кронштадта).

Итак, в действительности, реально от всего «вклада» Ленина остается просто мысль о том, что буржуазная революция может победить в одной стране, но так, собственно, происходило всегда, начиная с Нидерландов и Английской революции, так что это очень старая новость. Субъективно Ленин говорил о социалистической революции, но в действительности вел речь просто о буржуазией революции, и того, что в конце концов революция оказалась все-таки не буржуазной, а «государственно-капиталистической», он тоже не понял.

Что же остается от вклада Ленина в научный коммунизм, и можно ли говорить о «марксизме-ленинизме»?

В то же время, обвинять Ленина в том, что он «виноват» в «введении» на Руси государственного капитализма было бы также глупо, как обвинять якобинцев в том, что вместо свободы, равенства и т. д., они «преподнесли» французам капитализм. Такие вещи не зависят от воли отдельных людей, но от уровня развития производительных сил и производственных отношений.

Нет никакого сомнения в том, что лично, субъективно, Робеспьер искренне хотел свободы, равенства и прочих прекрасных вещей, точно также как Ленин хотел построить социализм, и нет ничего удивительного в том, что они думали, что идут по правильному пути, потому что другого пути в их время просто не было. также как нет никакого сомнения в том, что в действительности Робеспьер расчищал гильотиной место для наиболее полного утверждения капитализма, а Ленин, уничтожая старую буржуазию и дворян – физически уничтожая, что как раз при социалистической революции совсем необязательно расчищал место для олигархии госкапитализма, и оба они непосредственно, независимо от своих желаний создавали с помощью своих единомышленников, совсем не то, что хотели бы создать. «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать».

Роль Ленина в образовании и развитии партии и государства непомерно преувеличена, его «непогрешимость» может вызвать у здравомыслящих людей только усмешку. «Та часть рабочих, которая чувствует себя оскорбленной критикой Маркса, знает Лассалья только по двум годам его агитации, да и на это смотрит сквозь розовые очки. Но перед такими предрассудками историческая критика не может навеки застыть в почтительной позе». «Каждая общественная эпоха нуждается в своих великих людях и, если их нет, она их изобретает, как говорит Гельвеций».

Во всяком случае довольно странно слышать все это: то, что один человек организовал, создал и т. д. и т. п. и то, что этот человек никогда не ошибался, даже тогда, когда писал в пеленки (вообще такие заявления о «непогрешимости» должны сразу вызывать у думающих людей мысль о том, что кому-то выгодно их надуть и, что этот «непогрешимый» ошибался так крупно, что его апологетам нельзя упоминать даже о маленьких ошибках – как бы крупные не всплыли) – довольно странно слышать весь этот вздор от людей смеющихся называть себя марксистами. Как-то не вяжется это – непогрешимость одного «вождя» с одной стороны, и то, что он один все сотворил, а с другой стороны – серая толпа, называемая «по-современному» – «коллективным разумом». Все это больше подходит для Христа или, скорее, для египетских фараонов – и проявляется даже в искусстве (если это можно назвать искусством) – вождь размером с дом, а обожающие вождя людишки-букашки копошатся где-то внизу.

Как представляет официальная история события после 1924 года? Некая «партия», «здоровая ее часть» на протяжении нескольких лет после смерти Ленина вела напряженную борьбу с разными нехорошими людьми «оппозиционерами», которые стремились реставрировать в СССР капитализм. Усилиями этой здоровой части партии, подавляющего ее большинства во главе с твердым ленинцем И. В. Сталиным, оппозиционеры были разгромлены, исключены из партии, а Троцкого, от греха подальше, чтобы не реставрировал часом чего-нибудь, выслали за границу. Там он оказался не только евреем, но еще и

Разгромив и сплотившись еще теснее, партия, руководя нежно любящим ее народом, в короткие сроки добилась невиданных успехов. Деревня коллективизировалась, промышленность индустриализировалась, но тут начали твориться разные странные вещи, которые, правда, можно различно объяснить как объективно, так и субъективно. Пока творились эти странные дела было созвано два съезда партии и одна партконференция. Коммунисты сплотились еще теснее вокруг ЦК и любимого вождя.

Потом вдруг началась война. Несколькоими могучими сталинскими ударами она была победоносно окончена, правда перед этим погибло 20 миллионов человек (на самом деле эта цифра еще больше и неужели даже эта официальная цифра не заставляет никого задуматься – какими варварскими средствами по отношению к собственному народу велась эта война? какой страшный груз из миллионов трупов на всех этих «любимых вождях» и прочей мрази, боявшихся, ненавидевших и презиравших народ?!)

Война выявила полную неподготовленность сталинского государства к войне. Поразительная некомпетентность руководства на всех уровнях оборачивается в мирное время материальными потерями, в военное – жизнями людей. Нехорошая, отсталая царская Россия за три года не пустила немцев дальше границ исконно русских земель. Сталинская Россия за пять месяцев докатилась до Москвы. И если это произошло через целых пять месяцев, а в конечном счете Гитлеру так и не удалось пройтись по ее улицам, так это только потому, что хотя это и была «передовая, сталинская», но все же Россия!

Умер любимый вождь. Хотя на его похоронах погибли тысячи людей – нечто вроде гекатомбы «вождю», но все обошлось – вождь оказался сукиным сыном и убийцей миллионов (не считая миллионов погибших по его вине во время войны). Убийца стоял во главе государства тридцать лет.

После него руководил государством более либерально настроенный деятель. Он даже пытался провести кое-какие реформы. В конечном счете он оказался волюнтаристом, развалившим экономику, в просторечии – дураком. Дурак стоял во главе государства одиннадцать лет. Его убрали и заменили другим...

Началась «экономическая реформа». Она развивалась очень успешно – темпы экономического роста даже в обесценивающихся рублях стремительно падали, и насколько я понимаю, в последние годы правления дурака № 2 эти темпы стали отрицательными, т. е. экономика сокращается не только относительно, но даже абсолютно.

Во главе государства стоял стойкий, нет не оловянный солдатик – борец за мир. Пока он занимался этим безопасным и не слишком обременительным (что в его возрасте имело немаловажное значение) делом, экономика продолжала успешно разрушаться (тихо усопшую «экономическую реформу» давно уже никто не вспоминал), так успешно, что народ в удивлении только головой качал – если и дальше так пойдет в магазинах останется один портвейн и спички. Да, забыл, все это время партия еще теснее спланировалась вокруг ленинского центрального комитета и политбюро во главе с испытанным ленинцем. Если построить график «сплочения», начиная с 1917 года, то поневоле удивиться – почему из всех этих людей, так тесно столпившихся на таком тесном пятачке, дух не вылетел.

Меня могут упрекнуть, что я карикатурно изложил историю КПСС и даже страны, но я не могу с этим согласиться – я ничего не «окарикатуривал» и не «извращал» (кстати, это любимое словечко «коммунистов» для обозначения правды, которая им не нравится) а просто свел воедино оценки одних и тех же периодов истории данные в разное время одной и той же партией, точнее ее верхушкой (часто одними и теми же людьми), потому что никакой «партии» не существует с октября 1917 года. «Что касается Вашей попытки подойти к вопросу материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты». «Социалистическая революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины. Прежние революции нуждались в воспоминаниях о всемирно-исторических событиях прошлого, чтобы обмануть себя насчет своего собственного

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org содержания». Вспомните, как Ленин считал дни после 25 октября 1917 года и сравнивал продолжительность существования нового строя с временем жизни Парижской Коммуны, не имеющей никакого отношения к этому строю.

Тем не менее, поскольку за десятилетия существования государственного капитализма все привыкли к такому – «партия» – наименованию олигархии, я и дальше буду ее так называть.

Что же в действительности происходило после смерти Ленина? Конечно, подлинная, правдивая история России будет написана только после победы социалистической революции, когда у историков не будет необходимости подгонять факты и собственные взгляды под «мудрые указания» очередного «вождя», когда откроются тайные архивы и все преступления олигархии и всего правящего класса выйдут на свет, поэтому здесь, собственно, не исторический, а скорее политический очерк истории, причем очень краткий.

При жизни Ленина всякая фракционная борьба за власть была по существу бесперспективной – группировка Ленина в партии намного превосходила всю оппозицию вместе взятую. Властной рукой Ленин быстро приводил в чувство передравшихся партийных бонз, в то же время максимально используя способности каждого в целях укрепления нового строя, то есть всего нового правящего класса. Он мог себе это позволить, потому что, несомненно, своими личными способностями превосходил любого. Смерть его, на короткое время приглушившая открытую борьбу, была сигналом к схватке, а точнее – к грызне за власть. Понимал ли это сам Ленин? Я считаю, что да, понимал. Именно, поэтому генеральным секретарем был избран Сталин. Что же заставило Ленина остановить свой выбор на этом лично ему неприятном человеке? Сталин был «верным ленинцем», причем единственным крупным партийным работником и «верным ленинцем» одновременно. Никогда он не противоречил Ленину. Он был несомненно волевой и незаурядной личностью, и в то же время – никаких особенных фантазий, как от Троцкого или Бухарина, от него ждать не приходилось, а это было именно то, что нужно. Своего он ничего придумать не мог, поэтому он мог перегнуть палку, но никогда – повернуть ее в другую сторону, точнее – попытаться повернуть. Кроме того, Ленин, наверное, уже тогда обратил внимание на то, что, говоря одно, Сталин мог уверенно и с чистой совестью делать совершенно другое – это было, пожалуй, решающим фактором в условиях государственного капитализма, по воле исторического развития прикрывающегося марксизмом.

Троцкий, Зиновьев, Бухарин и пр. – все это были люди, несомненно, лично более одаренные, способные, но уже в силу этого они не только вносили нечто новое, но и не скрывали, что хотели бы идти другим путем (вопрос о том, смогли бы они действительно идти другим путем, я пока оставляю в стороне.). Сталин, которого обстоятельства в конце концов, неумолимо заставляли делать многое из того, что открыто предлагали эти «антипартийные» элементы, продолжал в то же время с упрямством осла твердить старые формулы. Пример. «Оппозиция» предлагала вести индустриализацию за счет крестьянства. За это их побили и исключили. А что представляет собой индустриализация, как не экспроприацию крестьян и всех трудящихся – в разной степени?

Как понимать «завещание» Ленина, в котором он предлагает переместить Сталина на другую работу, поскольку он нелоялен, капризен и груб?

Во-первых, неужели гений не разглядел этого за многие годы совместной работы?

Во-вторых, почему Ленин потребовал, чтобы Крупская передала письмо съезду только после его смерти?

И в-третьих, если уже за год до смерти Ленин решил, что Сталина надо убрать с поста генсека, почему он не сделал этого сам?

Из всего этого можно сделать только один вывод – Ленин сознательно сделал Сталина генсеком и своим преемником, хотя и не любил его, но был уверен, что Сталин действительно будет его преемником. Именно он наделил его необъятной властью, указав, что Председатель Совнаркома должен на 9/10 заниматься экономикой, а это значило, что политика, то есть реальная власть переходит в руки того, кто возглавляет партийный аппарат. Такой политик как Ленин не мог не понимать, что при таком разделении власти, какое он устанавливает, верх неминуемо должна взять «партия». Его по меньшей мере странная «посмертная просьба» переместить Сталина, естественно, не могла

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
найти отклика у делегатов съезда, каждый из которых, очевидно, задумался – а почему, собственно, товарищ Ленин сам Сталина поставил, но сам его не «переместил»? Сталин – «твердокаменный», за ним как за стеной, а тут троцкисты, зиновьевцы, оппозиция, одним словом. Неужели вносить разброд в партию только потому, что товарищ Сталин не кисейная барышня, а испытанный большевик-каторжанин? Их сомнения были более, чем справедливы – после критики Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова за их тяжкие грехи, «грубость» Сталина становилась какой-то легковесной. Кроме того, подавляющее большинство делегатов тоже были как раз такими «грубыми, нелояльными и капризными». Они закономерно были именно такими, а не другими.

Сам Ленин был уверен, по его словам, что «это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение». Но, во-первых, вообще нет такой мелочи, которая при определенных обстоятельствах не могла бы получить решающего значения, так что это пустые слова, а во-вторых, и это главное, все действия, а точнее бездействие Ленина в этом вопросе, что на него-то как раз и непохоже – когда он действительно хотел что-то сделать, этот невероятно целеустремленный человек, – может иметь только одно объяснение он хотел обелить себя на всякий случай перед историей и потомками. И это не первый случай в его политической карьере – достаточно вспомнить историю расстрела царя и его семьи.

Исход борьбы в партии был фактически предрешен. Сталин занял командные высоты и не собирался их сдавать. Вольно или невольно, но критика Ленина послужила в конечном счете ему на пользу – почти десять лет он таился и прибирал власть к рукам «тихой сапой», и неизвестно, удалось бы ему выйти победителем в этой борьбе не будь этой критики, и он бы сразу начал действовать со свойственной ему грубостью «в сапогах», как действовал ничуть не менее грубый и капризный Троцкий, о «грубости» которого Ленин почему-то «забыл».

Требование Ленина увеличить число членов ЦК тоже было в интересах Сталина – в тогдашнем ЦК он был в меньшинстве, а пополнив его своими людьми, он выиграл важный раунд борьбы за власть.

Сталин добивался власти и получил ее, именно получил из рук Ленина эту власть. Преимущество перед противниками у него сразу оказалось огромным, но он не зарвался. В хитрости ему не откажешь. Ничто, конечно, не «кружило ему голову», он не «зазнался», просто в начале тридцатых годов он решил, что пора показаться во всей красе. И едва не просчитался. Недовольные тем, что их оттирают на задний план старики дали бой Сталину и его группировке. Сталину повезло, если можно считать везением заблаговременный подбор кандидатур на съезд, но главной причиной победы Сталина было то, что уже тогда большинство нового правящего класса видело именно в Сталине выразителя своих интересов. С трудом, но Сталину удалось удержаться у власти. Он тогда пережил, наверное, самые тяжелые минуты в своей жизни – кто голосовал против него? Кто именно из этих трехсот человек улыбающихся и рукоплещущих ему? Но все это не только не заставило лебезить его перед «старой гвардией», что было бы его последней ошибкой, нет, он решил мстить. Главный же урок, который он извлек из происшедшего – не иметь около трона людей талантливых, тем более талантливей себя, а если есть в них нужда – вовремя их убирать за минованием надобности. А чтобы иметь возможность делать это, нужна организация, так сказать «карающий меч», только не революции и даже не партии, а лично его, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Через три месяца после 17 съезда умер председатель ОГПУ Менжинский. 1 декабря 1934 года был убит Киров – правда, забавная последовательность событий? Где уж там «тайнам мадридского двора» и отцам иезуитам – их оставили далеко позади по части применения яда и кинжала «строители социализма».

«Однако вскоре с именем Сталина стали (кто „стал“? – Н.С.) неправильно связывать все победы советского народа. К 17 съезду партии (1934 г) сложился культ личности Сталина. Уже на съезде проявились непомерные восхваления его заслуг перед партией и страной. Впервые за всю историю партии съезд не принял развернутого постановления по отчету ЦК, решив лишь руководствоваться выводами и положениями доклада Сталина. К этому времени Сталин, уверовав в свою непогрешимость, все больше отходил от ленинских норм и принципов в партийной жизни, нарушал коллективное руководство, злоупотреблял своим положением... По предложению Сталина был ликвидирован

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
единый орган партийно-государственного контроля – ЦКК-РКИ, мешавший сосредоточению в его руках необъятной власти. Взамен было создано два новых органа – Комиссия партийного контроля при ЦК ВКПб) и Комиссия советского контроля при СНК СССР. Многие делегаты 17 съезда партии, особенно те из них, которые знали ленинское завещание, считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу (охо-хо...). Сталин начал допускать произвол по отношению к видным деятелям партии, злоупотреблять властью. (Так вот почему они зашевелились, эти „видные деятели“. Когда Сталин „допускал произвол“ в отношении миллионов простых людей, это их не волновало, но когда речь зашла об их собственной шкуре, они забегали как тараканы)...

1 декабря 1934 г. в Ленинграде, в Смольном был злодейски убит С. М. Киров». «1937 год вскрыл новые данные об извергах из бухаринско-троцкистской банды. Судебный процесс по делу Пятакова, Радека и других, судебный процесс по делу Тухачевского, Якира и других, наконец, судебный процесс по делу Бухарина, Рыкова, Крестинского, Розенгольца и других, – все эти процессы показали, что бухаринцы и троцкисты, оказывается(!), давно уже составляли одну общую банду врагов народа под видом „право-троцкистского блока“.

Судебные процессы показали, что эти подонки человеческого рода (крепко!) вместе с врагами народа – Троцким, Зиновьевым и Каменевым – состояли в заговоре против Ленина, против партии, против советского государства уже с первых дней Октябрьской социалистической революции. Провокаторские попытки срыва Брестского мира в начале 1918 года (к которым и вы, „т. Сталин“ приложили руку), заговор против Ленина и сговор с „левыми“ эсерами об аресте и убийстве Ленина, Сталина, Свердлова весной 1918 года (весной 1918 года Сталин был „рядовым олигархией“; его авторитет и авторитет, например, Троцкого – были несоизмеримы); злодейский выстрел в Ленина и ранение его летом 1918 г.; (с этим выстрелом, точнее, выстрелами, тоже не все ясно – поспешный, прямо-таки неприлично – поспешный, расстрел Ф. Каплан в Кремле под шум мотора автомобиля пока Дзержинский был в Петрограде по делу об убийстве Урицкого... что за странная спешка, почему нельзя было подождать человека, известного своей преданностью Ленину и умением допрашивать? что такое узнал Свердлов во время допроса Каплан, если приказал немедленно ее расстрелять?) мятеж „левых“ эсеров летом 1918 г.; намеренное обострение разногласий в партии в 1921 г. с целью расшатать и свергнуть изнутри руководство Ленина; попытки свергнуть руководство партии во время болезни и после смерти Ленина (т. е. самих себя?); выдача государственных тайн и снабжение шпионскими сведениями иностранных разведок; злодейское убийство Кирова; вредительство, диверсии, взрывы; злодейское убийство Менжинского (на воре шапка горит?), Куйбышева, Горького – все эти и подобные им злодеяния оказывается(!) проводились на протяжении двадцати лет при участии или руководстве Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова и их прихвостней – по заданиям иностранных буржуазных разведок». В этом перечне забыты главные преступления этих «выродков и подонков» – они организовали белогвардейщину и иностранную интервенцию, распяли Иисуса Христа, а между этими мерзостями организовали победу Октябрьского переворота и победу в Гражданской войне, и сделали для этого каждый в отдельности больше, чем Иосиф Сталин, Ворошилов, Молотов и прочая шушера вместе взятая. Да, конечно, грубая, очень грубая, примитивная работа – для нас сейчас, сегодня, но не тогда, когда все это писалось – тогда это вполне отвечало культурному уровню и политическому самосознанию масс. Что же касается моего замечания о роли «врагов народа» в революции, то главными причинами реабилитации Бухарина и других, как проговорился некто, было то, что «иначе получалось, что революцию совершила банда убийц и вредителей» и то, что нынешнее поколение олигархии непосредственно не связано со Сталиным и его преступлениями в силу просто своего возраста. Кроме того, если Бухарина реабилитировали полностью, то Зиновьева и Каменева в партии не восстановили, а Троцкий вообще остался «врагом народа». Поскольку, теперь получается, что страной в течение тридцати лет правила шайка бандитов и убийц – «сталинских вурдалаков» как их теперь называют, то рано или поздно будет дан и здесь задний ход – если успеют.

«Начало массовым репрессиям было положено после убийства Кирова. Надо еще приложить немало усилий, чтобы действительно узнать, кто виноват в его гибели. Чем глубже мы изучаем материалы, связанные со смертью Кирова, тем больше возникает вопросов. Обращает на себя внимание тот факт, что убийца Кирова раньше дважды был задержан чекистами около Смольного и у него было обнаружено оружие. Но по чьим-то указаниям оба раза он освобожден. И вот этот человек оказался в Смольном с оружием в том коридоре, по которому

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
обычно проходил Киров. И почему-то получилось так, что в момент убийства начальник охраны Кирова далеко отстал от С. М. Кирова, хотя он по инструкции не имел права отставать от охраняемого на такое расстояние. Весьма странным является и такой факт. Когда начальника охраны Кирова везли на допрос, а его должны были допрашивать Сталин, Молотов и Ворошилов, то по дороге, как рассказал потом шофер этой машины, была умышленно сделана авария теми, кто должен был доставить начальника охраны на допрос. Они объявили, что начальник охраны погиб в результате аварии, хотя на самом деле он оказался убитым сопровождающими его лицами.

Таким путем был убит человек, который охранял Кирова. Затем расстреляли тех, кто его убил. Это, видимо, не случайность. Это продуманное преступление. Кто это мог сделать? Сейчас ведется тщательное изучение обстоятельств этого сложного дела.

Оказалось, что жив шофер, который вел машину, доставлявшую начальника охраны С. М. Кирова на допрос. Он рассказал, что когда ехали на допрос, рядом с ним в кабине сидел работник НКВД. Машина была грузовая. (Конечно, очень странно, почему именно на грузовой машине везли этого человека на допрос, как будто в данном случае не нашлось другой машины для этого. Видимо все было предусмотрено заранее, в деталях). Два других работника НКВД были в кузове вместе с начальником охраны Кирова.

Шофер рассказал далее. Когда они ехали по улице, сидевший рядом с ним человек вдруг вырвал у него руль и направил машину прямо на дом. Шофер выхватил руль из его рук и выправил машину, и она лишь бортом ударилась о стену здания. Потом ему сказали, что во время этой аварии погиб начальник охраны Кирова.

Почему он погиб, а никто из сопровождавших его лиц не пострадал? Почему позднее оба эти работника НКВД, сопровождавшие начальника охраны Кирова, сами оказались(!) расстрелянными (ну и лексикончик у олигархов – сами они себя что ли расстреляли? – Н.С.). Значит кому-то надо было сделать так, чтобы они были уничтожены, чтобы замести всякие следы. (Значит, именно значит, Никита Сергеевич, полно дурака-то валять!). Много, очень много еще не выясненных обстоятельств этого и других подобных дел». «Убийство Кирова, все обстоятельства которого до сих пор еще не выяснены, послужило поводом для массовых репрессий, направленных сперва против бывших оппозиционеров, а затем против честных, беззаветно преданных партии и советскому строю людей (лучше бы они были просто честными и преданными своему народу – Н.С.).

В первую очередь были репрессированы те, кто выражал протест против беззакония – П. П. Постышев, Г. Н. Каминский. Впоследствии жертвой произвола Сталина стали такие деятели партии и государства, как С. В. Косиор, Р. И. Эйхе, В. Я. Чубарь, А. С. Бубнов, Я. Э. Рудзутак, Н. В. Крыленко, М. Д. Орахелашвили, руководитель комсомола А. В. Косарев, крупные военачальники и многие другие. Немало командиров и политработников Красной Армии было брошено в тюрьмы и сослано. Другие выдающиеся деятели – Г. К. Орджоникидзе, Я. Гамарник, Н. А. Скрипник, поставленные в невозможные условия работы, покончили жизнь самоубийством. Руководящие работники партии и государства С. И. Аралов, А. Е. Бадаев, Г. И. Петровский, Г. В. Чичерин, М. М. Литвинов, Н. И. Подвойский и другие коммунисты-ленинцы были отстранены от активной государственной и партийной работы. Факты произвола и злоупотреблений властью со стороны Сталина были вскрыты лишь после его смерти (вот ведь казус-то какой!) и разоблачения банды авантюриста Берия. До этого народ верил, что меры в отношении так называемых „врагов народа“ являлись правильными... (а „не-народ“ тоже верил?).

Борьба против беззакония и произвола затруднялась тем, что народ видел в Сталине человека, который отстаивал СССР(?) от внутренних и внешних врагов. Поэтому всякое выступление против не могла быть поддержано народом (Откуда такая уверенность? Ведь никто и не пытался выступить, какая уж там „борьба“.) и расценивалось бы им как подрыв строительства социализма (вы бы попробовали, вдруг да не расценил бы?). Потребовались иные условия, чтобы правда восторжествовала... Однако культ личности не изменил природу советского общества, и не мог приостановить его поступательное развитие». Вот это – правда, не изменил, потому что нечего было изменять и приостанавливать – государственный капитализм развивался так, как и должен был развиваться.

Вернемся к 1934 году. Опасный соперник исчез, а до следующего съезда было

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
далеко – много дел можно было успеть переделать.

«Железный» нарком Ежов сделал всю грязную работу. Мавра можно было убрать, Ежова убили как нехорошего человека, товарищ Сталин выступил за бережное отношение к кадрам. Теперь он уже никого не боялся. Теперь можно было даже комедию поломать, вроде «бережного отношения», одновременно отдавая приказы о массовых казнях. Да и кого ему теперь было бояться? Все сколько-нибудь талантливые и авторитетные люди были уничтожены, наверху осталась одна дрянь – убийцы вроде Берии и мелкие душонки вроде Ворошилова и Калинина, готовые лизать ему пятки. Ну, а если все-таки объявлялся такой умный, что лез напролом...

Вообще, то, что «события» 1937 года развернулись вслед за принятием демократической конституции – выглядит очень пикантно. «Социалистическая» Россия, перешагивая через столетия вплотную приблизилась к орде Чингизхана. Не существовало никаких законов, права человека, в том числе и право на жизнь – не охранялись никем и ничем – все решала воля одного человека, – а поскольку один человек все за всех решить не может Берия в это время отлавливал на улицах Москвы школьниц и насиловал – но это уже отдельные недостатки.

Страна и до этого-то не знаящая хорошенько, что такое свобода, вновь оказалась в худших временах царской деспотии и произвола.

Заигрывания Сталина с народом – такие как «понижения» цен, не могли долго продолжаться, так как проводилось это в основном за счет обнищания деревни – испытанный сталинский способ, доведенный им до абсурда, до опасной черты. Снижение цен, не подкрепленное реальными экономическими достижениями в сельском хозяйстве, естественно должно было рано или поздно привести к краху экономики, либо эти снижения должны были стать (и стали) фикцией – за счет повышения цен на другие товары, увеличения денежной массы и т. д.

Недовольство, существовавшее в народе и даже в самой олигархии, не любящей, что вполне понятно, неустойчивости положения каждого своего члена, а попросту говоря самого себя, сдерживалось жестоким террором, косившим всех подряд – несогласных и подозрительных, и просто ни в чем не повинных людей (если даже считать, что недовольство режимом это – вина), которых хватало «для количества» и безудержной наглой социальной псевдокоммунистической демагогией.

После смерти «отца родного» и пр. и пр. никому из олигархов не улыбалось оказаться в застенках Берии. Был составлен заговор и, воспылавшие внезапную любовь к свободе и справедливости, подручные Сталина, несмотря на взаимную ненависть, договорились против общего врага.

Распределив сталинское наследство, партийные бонзы на время успокоились, переваривая добычу, но только на время, ведь аппетит приходит во время еды. Это было слишком неустойчивое равновесие, чтобы оно могло продолжаться сколько-нибудь долго. Хрущев, занявший верховный пост в партии, исподволь начал борьбу. Он не мог рассчитывать на полноту власти, пока ключевые посты продолжала занимать «сталинская гвардия». Не обладая особыми способностями, он имел одно важное преимущество – никогда не был на виду при Сталине, а значит не был в глазах общества запачкан в крови, как, например. Молотов – «естественный» наследник Сталина. «Разоблачение» Сталина почти автоматически убирало этих людей с его пути. Это, конечно, была опасная затея – тень преступлений падала на него самого, а кроме того люди обладают неприятным свойством ненавидеть тех, кто свергает их кумиров. Но это все был риск, которого нельзя было избежать, а удача приносила ему все.

Группировка Молотова, Булганина, Маленкова и других, прекрасно понимавших чем обернется для них это «разоблачение», пыталась дать бой, но, естественно, потерпела поражение, точно также как в свое время потерпела поражение «ленинская гвардия» – соотношение сил было не в их пользу верховная власть была в руках Хрущева, а его обеими руками поддерживали молодые, рвущиеся к власти партийные чиновники – разгром новой «опозиции» сулил им места «оппозиционеров». Конечно, Хрущеву, наперво, пришлось пережить несколько неприятных часов, когда в Президиуме ЦК «старики» имели большинство, но в сущности все это была буря в стакане воды – реальная власть была у него, основная масса правящего класса была за него и в любом случае «враги народа» получили бы свое. Им даже повезло, что срочно созванный пленум мирно отрешил их от власти, в противном случае они могли

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
бы просто потерять головы – в прямом смысле.

Все это интриги, довольно гнусные сами по себе, но была и объективная сторона дела. Как я уже говорил – строй вступил в полосу стабилизации – уже не нужны были чрезвычайные меры подавления народных масс. Да ведь и народ не стоял на месте – развивая своим трудом госкапитализм, он развивался сам. Были и другие обстоятельства – во время войны народ увидел другую жизнь, а терпение даже у русского народа не беспредельно. Нужна была новая, более гибкая политика, соответствующая новому этапу развития строя государственного капитализма.

Кроме целей захвата личной власти, у Хрущева, видимо, была еще и мечта недалекого человека – повернуть в какой-то мере историю вспять, начать, так сказать «сначала». Ничем другим нельзя объяснить странную затею с совнархозами, скончавшимися еще в 20-х годах. Вряд ли можно назвать даже в кавычках экономической реформой попытку оживить мертвеца.

Перед прорвавшимися к власти стояла двуединая задача, попытка разрешения которой сделала бы честь любому средневековому схоласту – осудить Сталина, но сделать это так, чтобы его... не осудить.

Партийные казуисты, собаку съевшие на том, чтобы черное представить белым, всю жизнь занимавшиеся такими проделками, с успехом справились с этой задачей и не только справились, они еще совершили эпохальное открытие оказывается каждое явление имеет две стороны: положительную и отрицательную, хорошую и плохую. Ну, кто бы мог подумать, что Маркс в «Нищете философии» сто лет назад издевался над такой «мудростью». «По его, г-на Прудона, мнению, всякая экономическая категория имеет две стороны: хорошую и дурную. Он рассматривает категории, как мелкий буржуа рассматривает великих исторических деятелей: Наполеон – великий человек; он сделал много добра, но он принес также много зла».

Оказалось (!), что в деятельности Сталина две стороны: положительная борьба с оппозицией, руководство государством во время индустриализации и коллективизации, во время войны, но и отрицательная – во время индустриализации и коллективизации Сталин допустил кой-какие ошибки, и во время войны, особенно в начале ее, тоже малость подошибся. Кроме того, очень отрицательная его черта – он допустил массовые репрессии против партийных и государственных деятелей, старых революционеров и вообще невинных рядовых граждан. То, что репрессии названы среди многих ошибок – это уже как-то смягчает, а то, что Иосиф Виссарионович допустил репрессии, пожалуй, снимает с него половину, если не больше вины – ну, допустил и допустил, что ж тут поделаешь? Не мог же он в конце концов знать все про всех, а может быть он вообще не хотел никаких репрессий – ведь он только допустил. Правда, напрашивается вопрос – почему для простой справедливости, которую в состоянии сообщать поддерживать даже дикари, в нашем все же сравнительно цивилизованном обществе понадобилось выполнение заведомо невыполнимого условия – чтобы один человек знал все, что происходит в его государстве, да еще к тому же и сам был справедлив как бог, а первое условие уже само по себе необходимо и достаточно, как говорят математики, чтобы справедливости, то есть соблюдения элементарных законов человеческого общежития и даже законов, установленных самим этим государством – не существовало в любом случае, независимо от того, справедлив или несправедлив диктатор, а уж бог он или не бог это дело десятое.

Если следовать логике господ «коммунистов», прикинувшихся дурачками, то и у Гитлера были положительные черты – он весьма успешно руководил государством, уничтожил безработицу, правда, при этом он совершал кой-какие ошибки, допуская репрессии...

Но сказать это, действительно открыто признать эти преступления, рассказать о них народу всю правду, и прежде всего молодому поколению, значило совершить политическое, а то и физическое самоубийство, вызвать взрыв народного негодования, который смел бы самих «разоблачителей». Быстрый пример Венгрии на добрых пять лет отрезвил Хрущева, а точнее напугал его.

Ну, а в «общих чертах» рассказать, разбавив при этом обычной «коммунистической» пропагандой – это совсем другое дело, тут «разоблачители» становились благодетелями, и никто кроме нескольких ученых чудаков уже их не спросит, где они сами-то были в те времена и чем занимались. Именно поэтому «великий ниспровергатель» Сталина Хрущев

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
действовал так трусливо – доклад о «расследовании последствий культа личности» читался на закрытом заседании да еще и ночью, и правды народ так и не узнал, вернее не услышал. Еще бы, «народные герои», вроде Ворошилова, «государственные деятели» вроде Молотова – ведь все они приняли посильное участие в репрессиях, то есть «оказывается», что на протяжении 30 лет страной владела шайка мерзавцев похлеще гитлеровской! Тут уж никакой «положительной стороны» не отыщешь, а миф о какой-то там «партии», которая «оставалась партией» несмотря ни на что, рушился бы как карточный домик. А пока это еще народ своим умом до этого дойдет! А если когда и дойдет – не та уж острота положения будет (во всяком случае они на это надеялись).

И не случайно не были реабилитированы «лидеры фашистского террористического блока» Зиновьев, Бухарин и другие, не случайно не реабилитирован и не будет реабилитирован Троцкий, ведь начни тут копать, бог знает, что может получиться с «самым способным» членом ЦК или «любимцем партии», как говорил в свое время Ленин соответственно об агенте гестапо и лидере фашистов. Нет уж, были они оппозиционерами, пусть ими и остаются, а то против кого же товарищ Сталин боролся?

Я отнюдь не хочу сказать, что Сталин был «плохой», а вот Троцкий «хороший» или Бухарин или и т. д. Нет, все они были одного поля ягоды, просто этим двум и другим таким же не повезло в историческом плане – они проиграли и не могли не проиграть в силу ряда причин. Но окажись они на месте Сталина неизвестно, совершили бы они те же преступления и в тех же размерах или же в еще больших – только и всего.

Что же касается так называемых «честных и преданных» партийных и государственных деятелей, то они получили то, что заслужили хотя бы в моральном плане – своим двурушничеством. Увидев, что происходит, как расправляются с их товарищами по революции, первое, что все они спешили сделать (за редчайшим исключением – да и были ли они в действительности эти даже редкие исключения? – ведь кроме слухов мы ничем не располагаем) спешили предать вчерашних товарищей и друзей, «осудить оппозиционеров» и бочком, бочком присоединиться к группировке, одерживающей верх и заверить Сталина в своей беспредельной преданности, но Сталину на это было наплевать преданность в соединении с прежними реальными заслугами его не интересовала, тем более в соединении с талантом – все это было для него опасно. Его интересовала преданность в сочетании с серостью, бесталанностью и полной зависимостью от него. Не случайно у большинства деятелей его времени нет прошлого – они подняты Сталиным из ничтожества, впрочем это как раз и неверно – они подняты им из безвестности ибо ничтожествами остались.

Новый акт борьбы за власть произошел в 1964 году. Периодические перетасовки Хрущевым в руководстве (бескровное издание сталинского террора) держали новое поколение олигархии в постоянном напряжении – «лихорадили кадры». Очередная перестановка, которая грозила большинству этой олигархии отстранением от власти, должна была произойти на съезде, до которого оставалось всего несколько месяцев, поэтому он состоялся через два года после переворота – новому «руководству» нужно было укрепить свои позиции, нужно было дать какое-то основательное объяснение стране и народу причин переворота. Во второй половине XX века уже нельзя было сказать как в середине ХУШ, что «император скончался от меланхолии». Мало обвинить прошлого царя во всех смертных грехах нужно было предложить какую-то альтернативу или хотя бы видимость ее – чтобы за время пока народ поймет, что его в очередной раз одурачили, намертво усесться в креслах.

Экономическая реформа! Ура! За шумом никто не заметил, что Брежнев чересчур молод и у него достаточно времени, чтобы превратиться из не хватающего звезд с неба чиновника в несокрушимого ленинца, борца за мир и выдающегося деятеля современности. Правда уже тогда вызывало некоторое опасение его несколько болезненное пристрастие к блестящим предметам. Впрочем, хватит! Всех мерзостей, совершенных олигархией, «коммунистами» за семь десятилетий мне все равно не перечислить да и нет у меня такого желания, но и тех, о которых я уже сказал вполне достаточно для того, чтобы спросить: как называется строй, при котором эти мерзости возможны? И чего этот строй заслуживает?

Нас хотят уверить, что строй хорош и коллективный разум партии замечателен, а вот руководители бывают плохими, если не целиком, то частично (умалчивая, какие именно части этих «руководителей» наиболее хороши). В чем же преимущество этого прекрасного строя, если он позволяет уничтожить миллионы

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
людей так, что никто не посмеет сказать об этом? Чем хорош этот строй если человек беззащитен в нем также как в первобытном лесу? Что замечательного в коллективном разуме партии, которая выбирала по очереди убийцу, дурака и ничтожество? А потом одобряла их действия, а еще потом также единодушно, так сказать в едином порыве, одобряла (и одобрит) их осуждение? Одно из двух – если партия действительно все это делала, то грош ей цена и ее членам – как партии коммунистов, а если не выбирала и не делала, а кто-то решал и делал за нее все это, то такой партии просто не существует как партии коммунистов. Что в лоб, что по лбу.

Также как народ в целом «выбирает» «депутатов» из... одного человека, уже выбранного неизвестно кем и где, так и в «правящей партии» господствует тот же принцип, что только естественно, ведь из партии они и привнесены. Рядовые «коммунисты» «выбирают» делегатов на партийную конференцию, на партконференции «выбирают» делегатов съезда, делегаты съезда «выбирают» ЦК, ЦК «выбирает» политбюро, секретариат и генерального секретаря. Даже если бы все эти «выборы» происходили в действительности, то они были бы четырехступенчатыми, что не снилось даже Николаю П при выборах в Думу. Уж он бы порадовался изобретению «коммунистов» и их «самой широкой» демократии. Но дело в том, что выборы эти не происходят. Рядовые члены партии никого не выдвигают и не выбирают. Все уже заранее решено без них. Эти строки были написаны в 1980 году. Кажется, что сегодня они явно устарели. Так ли? По существу, что такое предстоящие, вернее уже идущие выборы? Олигархия, правящий класс, хотя бы этими «выборами» усилить себя. укрепить свою власть, выбрать из своей среды так связать «лучших», то есть тех, кто в сегодняшней, резко изменившейся обстановке способен лучше обманывать народ, чем косноязычные и малограмотные «вожди», которые у нынешних «масс» ничего кроме презрения уже не могут вызвать. Достаточно посмотреть кого выдвигают в кандидаты в депутаты и кто выдвигает, достаточно сравнить возможности первого секретаря обкома и выдвинутого каким-нибудь «собранием жильцов микрорайона», вспомнить Запад, где множество чудаков также выдвигает свои кандидатуры без всякой реальной надежды на успех, чтобы понять чьим опытом решила олигархия воспользоваться в этот критический момент. Но и этого мало, Представьте себе, что Горбачев стал бы избираться как все...

Представили? А теперь представьте, что озлобленный его пустой болтовней и пустыми полками в магазинах народ прокатил его на вороных. Отсюда вся эта на первый взгляд идиотская выдумка с представительством от «общественных организаций» – это слегка закамуфлированная возможность без лишнего шума провести сотни своих в Верховный Совет, а уж получив большинство там не составит никакого труда выбрать тот постоянный состав Совета, который пожелаешь. Если же в него попадет несколько чудаков, то, во-первых это не так уж и страшно, а, во-вторых, поскольку ежегодно часть этого постоянного состава будет заменяться, то от них и избавиться всегда можно, притом на вполне «законном» основании. короче говоря, Горбачев говорит чистую правду, когда говорит об усилении роли партии в результате своих «реформ».

Как же называется строй, при котором вся власть в стране, политическая и экономическая принадлежит классу государственных капиталистов? Вряд ли Джек Лондон знал, что его предсказание о «железной пяте» осуществится так быстро и так страшно, и совсем не так и не там, где он думал. Но в отличие от Джека Лондона я уверен, что господство «железной пяты» – олигархии не продлится так долго, более того, я уверен, что выполнившему свою историческую миссию, загнившему и отжившему строю осталось смердеть и отравлять жизнь людей, лежать трухлявым бревном на пути к социализму не так уж и долго. Близится экономический, а за ним и политический крах государственного капитализма – СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ... право на революцию является единственным действительно «историческим правом» единственным, на котором основаны все без исключения современные государства... Заметим, кстати, что все до сих пор существовавшие в истории противоположности между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами находят свое объяснение в той же относительно неразвитой производительности человеческого труда. До тех пор, пока действительно трудящиеся население настолько поглощено своим необходимым трудом, что у него не остается времени для имеющих общее значение общественных дел – для руководства работами, ведения государственных дел, для отправления правосудия, занятия искусством, наукой и т. д., – до тех пор неизбежно было существование особого класса, который будучи свободным от действительного труда, заведовал бы указанными делами; при этом он никогда не упускал случая, чтобы во имя своих собственных

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
выгод, взваливать на трудящиеся массы все большее бремя труда. Только громадный рост производительных сил, достигнутый благодаря крупной промышленности, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путем сократить рабочее время каждого так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретически, так и практически. Следовательно, лишь теперь стал излишним всякий господствующий класс, более того: он стал прямым препятствием для общественного развития; и только теперь он будет неумолимо устранен, каким бы «непосредственным насилием» он ни располагал. «А если оставить в стороне случаи завоеваний, то там, где внутренняя государственная власть какой-либо страны вступала в антагонизм с ее экономическим развитием, как это до сих пор на известной ступени развития случалось почти со всякой политической властью – там борьба всякий раз оканчивалась ниспровержением политической власти. Неумолимо, не допуская исключений, экономическое развитие прокладывало себе путь...»

2. Правящий класс и олигархия

«Правящий класс, правящий класс», но возникает законный вопрос, а из кого он состоит, собственно, этот правящий класс. Его легко представить себе в виде «тройной пирамиды». Внизу хозяйственный аппарат, над ним государственный аппарат и над ним партийный аппарат. Разумеется, это всего лишь условное изображение, в действительности все эти три слоя правящего класса не только не отделены друг от друга, но взаимно переплетаются, «пропитывают» друг друга, при реально существующем верховенстве партийного аппарата. Низший слой правящего класса, «маленькие начальники» – это не только основа строя, но и своеобразный подвижный «фильтр», сквозь который пропускаются кандидаты наверх. Ну, а то, что вся эта пирамида в целом располагается на шее у народа я думаю, особо пояснять не надо.

Несколько слов к портрету так называемой «коммунистической партии Советского Союза».

Что такое эта пресловутая «коммунистическая партия»? Такая же мистификация истории, как и весь «реальный социализм».

В действительности есть олигархия – верхушка «партии» и «партия» основной аппарат власти олигархии, одновременно являющийся частью правящего класса. Миллионы же рабочих, крестьян, служащих, состоящих в «партии» это всего лишь миллионы одуроченных и одурочиваемых дойных коров правящего класса. Это какой-то особенный цинизм – содержать себя в значительной степени за счет добровольных пожертвований ограбленных.

Кстати об одурочивании – рабочие не хотят вступать в партию. Через шесть десятилетий после 1917 года рабочие составляли 42,4 % членов, крестьяне 13,4 %, служащие – 44,2 %. (книжка партийного активиста (далее КПА) 1979г. м. 1978 г.). При этом надо учесть, что эти 42,4 % включают не только рабочих в полном смысле этого слова. Но независимо от этого – служащих в «партии рабочего класса», «авангарде рабочего класса» – столько же, сколько и рабочих. Численность служащих в три раза меньше численности рабочих и крестьян, а половина членов партии – служащие. Менее 1/10 части рабочих и крестьян состоит в партии и это несмотря на все меры, принимаемые для сокращения числа вступающих в партию служащих и для увеличения доли рабочих – олигархия хотела бы иметь «рабочую» вывеску, но при столкновении с фактами эта вывеска разбивается вдребезги. Членов партии рабочих и крестьян – 55,8 %, среди кандидатов в члены и членов райкомов, горкомов, окружкомов партии и членов ревизионных комиссий рабочих и колхозников уже 41,1 %. Среди членов и кандидатов в члены обкомов, крайкомов партии, членов ЦК «компартий» союзных республик и членов ревизионных комиссий – 30,2 % (КПА, с. 31, 51, 53.)

О социальном составе членов ЦК эта книжонка «скромно» умалчивает. Мне пришлось самому произвести этот несложный расчет на основе биографических сведений помещенных в ежегодниках Большой Советской Энциклопедии. Оказалось, что авторы «КПА» имели все основания для «скромности»: в 1971 году на 24 съезде из 241 члена ЦК рабочих было избрано...10 и колхозников... 1, на 25 с. в 1976 году из 287 избранных членов ЦК рабочих было 9, колхозников – 1. Ну, что ж, почтим минутой молчания миф о «партии рабочего класса». Но все-таки, кто же они – члены ЦК? Работники аппарата ЦК, первые секретари обкомов, министры.

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
Болтовня олигархии о том, что вот «в Америке, в конгрессе нет рабочих и фермеров – одни миллионеры» основывается на том, что в Верховном Совете СССР социальный состав якобы полностью отвечает социальному составу населения. Но мы-то знаем, что реальная власть принадлежит не Верховному Совету, а ЦК. Это во-первых, а теперь, во-вторых, придется разрушить еще один миф. Данные взяты из книги «Верховный Совет СССР». М. 1975 г. и статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1979 г». Рабочие в 1978 году составляли 61,6 % от общей численности населения, а в Верховном Совете СССР в 1979 году их было 34,8 %. А вот работников партийных органов было в Верховном Совете 16,6 % – больше, чем колхозников (16,5 %) при несравнимо меньшей общей численности. Зато в местных советах олигархия расщедрилась – в районных советах рабочих было 60,5 %, в городских 60,3 %. В краевых, областных и окружных – 40,3 %, автономных республик – 35,7 %, союзных республик – 31,6 %. Чем выше, тем меньше представителей народа, а в органе реальной власти – ЦК – их вообще нет.

Как я уже говорил Верховный Совет не имеет никакой власти, власть, точнее, та ее доза, которую олигархия отпустила на его долю, сосредоточена в Президиуме Верховного Совета СССР. Каков же его состав? Данные взяты из стенографического отчета «1-я сессия Верховного Совета СССР, десятый созыв. 18–19 апреля 1979 г». М. 1979. с. 39–42.

Состав президиума – 38 членов и секретарь – всего 39 человек. Из них 31 профессиональный политик, проще говоря – член олигархии. Писатель – 1. Врач – 1. Ученый (директор института) – 1. Женщин – 4. Рабочих – 1 ткачиха, 1 бригадир строителей, 1 фрезеровщица, 1 бригадир шахтеров – всего 4 человека. Колхозников: бригадир колхоза – 1.

Итак, рабочих в составе 39 членов президиума Верховного Совета СССР – 4 человека. Почтим память еще одного мифа «народной власти». Аминь.

Правящий класс и бюрократия – понятия отнюдь не идентичные. Любой член правящего класса – бюрократ, но далеко не все бюрократы – члены правящего класса.

Член политбюро, министр, секретарь обкома, секретарь райкома, директор завода – члены правящего класса и, несомненно, бюрократы. Делопроизводитель – бюрократ, но считать его членом правящего класса может только глупец. Больше того, в виде исключения, какой-то член правящего класса может и не быть бюрократом, по крайней мере, в начале своей деятельности. В конечном итоге система заставит его стать бюрократом или вышвырнет вон.

Критерии размыты как в любом классовом обществе, кроме, может быть, феодального. С какой черты считать членом правящего класса, капиталистом хозяина магазина, бензоколонки? А хозяин газетного киоска в центре Нью-Йорка, к тому же, если он не использует наемного труда? Можно ли такую «мелочь» считать членом правящего класса, капиталистом? Вроде бы нет. Но земля под этим киоском стоит сотни тысяч долларов. Как быть? Директор завода при госкапитализме – член правящего класса? Какого завода? 50 тысяч человек и 50 человек работает на разных заводах.

Критерий при частном капитализме все же достаточно ясен – отношение к средствам производства и эксплуатации наемного труда, но даже при частном капитализме не всегда это можно четко определить и вводится понятие «мелкая буржуазия», которая может эксплуатировать наемный труд, но далеко не всегда это делает.

Некоторую аналогию, по-моему, можно провести и здесь – директор «завоудишки» или конторы в 20–30 человек и т. д., заведующий отделом, лабораторией – мельчайшие командные должности – это «мелкая буржуазия» государственного капитализма, «фильтр», о котором я уже говорил. Эти люди подобно мелкой буржуазии частного капитализма также недовольны своим положением, насколько и довольны, равновесие это, естественно, очень неустойчиво, настроение их настолько же изменчиво, они в постоянном колебании, и в зависимости от обстоятельств, точно также как мелкая буржуазия частного капитализма, могут примкнуть как к правящему классу, так и к пролетариату – с единственной, но очень важной поправкой – поскольку пролетариатом (в широком смысле как наемные рабы класса госкапиталистов) является не только рабочий класс, но и практически все остальное население, удельный вес, а значит и роль в будущих событиях «мелкой буржуазии» государственного капитализма по сравнению с ролью мелкой буржуазии частного капитализма не будет иметь не

3. философия олигархии

Сказать, что руководители СССР – «ревизионисты», значит ничего не сказать, «...ревизионисты приобрели себе печальную славу своим отступлением от основных воззрений марксизма и своей боязнью или своей неспособностью открыто, прямо, решительно и явно „рассчитаться“ с покинутыми взглядами». Как видим характеристика, которую дал ревизионистам Ленин, как нельзя лучше подходит к нему самому и Сталину, если говорить не о словах, а о делах, но совершенно не подходит к представителям нынешнего правящего класса, взращенным госкапитализмом, потому что они никогда и не были марксистами. Вопрос о ревизионизме советских руководителей стоит в том же ряду, что и вопрос: «можно ли считать Рокфеллера коммунистом?» Я думаю, что любой человек в здравом уме ответит на этот вопрос отрицательно, но я также уверен, что тот же самый человек окажется в затруднении перед первым вопросом о «ревизионизме» или, как теперь модно стало говорить «о деформациях социализма, об отступлении от социализма и т. д».. Почему? Да потому, что советская олигархия уже семьдесят лет твердит: «Мы коммунисты!» И это вошло в сознание людей прочно, как предрассудок. И самое большее, на что способен здравомыслящий человек марксистских взглядов после знакомства с «реальным социализмом» – признать олигархов «ревизионистами» и «предателями» и... не заметить, как этот ответ, превращает его словно по мановению волшебной палочки из марксиста в идеалиста. Считать, что изменение идей в головах, нескольких головах, чьих бы то ни было, привело к изменению действительности – что может быть чистокровнее этого идеализма?

Идеи изменили действительность.

Сознание определяет бытие.

Эти две фразы разными словами определяют одно – кредо идеализма. Чем отличаются эти две фразы по существу? Ничем, но вторая фраза – «формула антихриста», которую зубрят уже в школе и в таком словесном выражении она не подходит для пропаганды – идеализм из нее прямо-таки «прет». А поскольку все же бытие определяет сознание и, соответственно, действительность определяет идеи, то олигархии и ее лакеям пришлось протаскивать идеализм под маской «марксизма-ленинизма», в завуалированном виде, потому что марксизм, научный коммунизм, отнюдь не подходит для идеологии государственного капитализма (хотя я почти уверен, что сама олигархия этой подмены не осознавала и не осознает, именно потому что государственно-капиталистическая действительность, бытие олигархии, определяла ее идеи, ее идеализм в философии и в жизни – эта подмена происходила под влиянием неосознанной, во всяком случае четко не осознанной, действительности – понемногу, по капельке и незаметно, ежедневно десятилетиями происходил в официальной идеологии отказ от марксизма, который в действительности, в жизни и под влиянием именно жизненных потребностей того времени страны и народа, произошел в один день – 25 октября 1917 года).

Под влиянием реальных экономических отношений и выраставшей на них надстройки, идеология научного коммунизма, диалектический материализм, превратился в идеологию государственного капитализма – эклектический идеализм.

Именно поэтому и приходится нам слышать от «выдающихся марксистов-ленинцев» такую пошлятину: «В народном хозяйстве еще имеются узкие места и диспропорции. Причины тут разные. Среди них – и действие объективных, не зависящих от нашей воли обстоятельств, и недоработки в планировании и управлении, и недостаточная требовательность ряда партийных органов и хозяйственных руководителей, нарушения дисциплины, проявления бесхозяйственности. Но, пожалуй, самая главная причина состоит в том, что еще не полностью преодолены сила инерции, традиции и привычки, сложившиеся в тот период, когда на первый план выступала не столько качественная, сколько количественная сторона дела». Как вы думаете, кто это сказал? Горбачев? Рыжков? Нет, говорил это Брежнев. А как современно звучит. Так что же изменилось во взглядах, идеологии правящего класса? Правильно, ничего. Оказывается, главная причина развала экономики – в инерции мышления отдельных людей. Здесь не место обсуждать смелое утверждение этого деятеля о том, что в количественном плане все проблемы решены – об этом поговорим в разделе «Экономика». «Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя; что в каждом выступающем в

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
истории общества распределение продуктов, а вместе с ним и разделение общества на классы или сословия, определяется тем, что и как производится, и как эти продукты производства обмениваются. Таким образом, конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи. Пробуждающееся понимание того, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, что „разумное стало бессмысленным, благо стало мучением“ является лишь симптомом того, что в методах производства и в формах обмена незаметно произошли такие изменения, которым уже не соответствует общественный строй, скроенный по старым экономическим условиям. Отсюда вытекает также и то, что средства для устранения обнаруженных зол должно быть тоже налицо – в более или менее развитом виде – в самих изменившихся производственных отношениях. Надо не изобретать эти средства из головы, а открывать их при помощи головы в наличных материальных фактах производства».

Или вот еще перл олигарха: «Каким будет человек, как он будет трудиться – таким будет и наше общество». Из этой ленинской мысли партия исходила и исходит всегда. («Аплодисменты»). Напрасно автор приписывает свою глупость Ленину, что же касается „невыдающихся“ Маркса и Энгельса, то они думали как раз наоборот – каким является общество, таким будет и человек, так он будет работать. Эта правильная мысль основателей научного коммунизма поставлена с ног на голову, и, конечно, не только по невежеству. Признание этой мысли означало бы, что сейчас у нас не существует социализма – ведь смешно даже говорить о том, что при социализме рабочий может работать хуже, чем при капитализме и уж совсем граничит с идиотизмом признание возможности забастовок рабочих при социализме. Какие могут быть трудовые конфликты при социализме? С кем будет конфликтовать коллектив рабочих? С самим собой? Это также реально как и возможность забастовки капиталиста на собственном предприятии.

Наша действительность полна самых невероятных противоречий, но их пока мало кто замечает, и на то есть причины. Единственное, что сейчас все замечают – ухудшение своей жизни.

К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали и доказывали свои утверждения – после социалистической революции старое буржуазное государство будет разрушено (собственно, даже не после, а во время нее), а остатки государственности начнут постепенно отмирать сразу же после их установления народом. Ленин полностью присоединялся к их взглядам... до октября 1917 года. Нынешние „марксисты-ленинцы“ столь же уверенно утверждают: „По мере продвижения к коммунизму роль государства и партии“, (т. е. олигархии) непрерывно возрастает!»! Ну, еще бы, иначе куда вам деться – не начинать же работать, заниматься общественно-полезным трудом и... приводят в подтверждение своих слов цитаты из Ленина, естественно, послеоктябрьские, потому как-де он «творчески развил марксизм».

Маркс, Энгельс, Ленин – остатки пролетарского государства начинают отмирать сразу после социалистической революции. «Марксисты-ленинцы» – роль государства возрастает. Отмирать – возрастать. Это ли не кричащее противоречие?! «Марксисты-ленинцы», конечно, возражат, что они творчески развили марксизм нашей эпохи. Посмотрим. «Пролетариату нужно государство это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса, и „забывают“ добавить, что, во-первых, по Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. А, во-вторых, трудящимся нужно „государство“, „то есть организованный и господствующий класс пролетариат“». «На деле здесь Энгельс говорит об „уничтожении пролетарской революцией государства буржуазии“, тогда как слова об отмирании относятся к остаткам пролетарской государственности после социалистической революции. Буржуазное государство не „отмирает“, по Энгельсу, а „уничтожается“ пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство».

Отмирание пролетарского государства (остатков государственности) это не слова и не благое пожелание Маркса и Энгельса. Это один из краеугольных камней научного коммунизма. Если роль государства возрастает, это не социализм.

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
Или государство или коммунизм. Третьего не дано. Государство и коммунизм вместе это «сапоги всмятку». И потом, если «роль государства при социализме по мере продвижения к коммунизму возрастает», то как это вы себе, господа «коммунисты» и «марксисты-ленинцы» представляете? Государство развивается, развивается, а потом вдруг 7 ноября.. года исчезает? Как исчезает? Как может исчезнуть государство (я имею в виду, конечно, не страну-государство, а институты государства, машину государственную)? Только в результате революции. Но при переходе от социализма к коммунизму нет нужды в революции, это вы же сами утверждаете, потому что вам это выгодно – мол, раз у нас социализм, то никаких революций.

В общем, как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. Впрочем, у вас, господа «коммунисты» есть прекрасный выход – общественный договор Руссо. Какой прелестный выход – n-го числа n-го года (это очень удобно никто не знает когда и можно переносить эту одновременно точную и туманную дату все дальше и дальше) – (только, я думаю, господа, вам не долго осталось переносить даты) «гармонические личности» сойдутся на полянке и объявят «общественный договор» (если, конечно, успеют до того, как милиция упрячет их в кутузку за нарушение общественного порядка, а КГБ не схватит за «организацию заговора с целью свержения законного правительства») – «с сегодняшнего дня государство отменяется». Лев мирно живет с ланью, волк с овцой и т. д., в вашем, господа, духе. Или еще лучше – соберите свой карманный «Верховный Совет» и очередной «выдающийся деятель современности» под бурные аплодисменты и здравицы объявит тоже самое.

Что, вам, не нравится нарисованная мной картина? Вы считаете себя обиженными? «Неужели так трудно понять, что каждый должен нести последствия своих поступков? Как постелешь так и спать ляжешь». Вы привыкли безнаказанно молоть вздор и по началу критика вам непривычна и обидна. Полно, господа олигархи, хочешь кататься, люби и саночки возить. Ничего, привыкайте дальше будет хуже. Я-то вас критикую словами, пролетариат будет «критиковать» оружием. «Как бы то ни было, они (немецкие социал-демократы Н.С.) настолько успели заразиться парламентским идиотизмом, что считают себя уже выше критики и всякую критику громят как оскорбление величества».

Вы, конечно, попытаетесь еще барахтаться, вопить об «извращении марксизма» и ваших «взглядов». Да будет вам, господа, какие уж там у вас взгляды – одно шкурничество, пожалуй, небывалое в истории человечества.

4. Методы

Единственная гарантия политических и экономических прав – это реальная возможность выбирать, контролировать и сменять всех должностных лиц от управдома до представителей высшего органа власти. Единственная цель «политической реформы» Горбачева в том, что олигархия, чтобы не потерять власть решила дать народу словесную погрешушку в виде болтливых советов, не имеющих никакой власти, чтобы отвлечь от себя внимания народа с помощью этой действительно детской уловки, не понимая, что время для таких уловок безвозвратно упущено.

Никакая самая успешная борьба пролетариата за улучшение своего положения в рамках государственного капитализма, также как и частного, не приведет к коренному улучшению его положения, т. е. переходу экономической и политической власти в его руки. Пока власть будет принадлежать группе несменяемых, неподотчетных народу людей, даже если это будут самые что ни на есть распрекрасные люди (что само по себе – утопия) – социализм невозможен.

Даже, если представить, что каким-то чудом к власти при госкапитализме пришли самые идеальные и гениальные люди, они смогут помочь строительству социализму только одним путем – уйти, передать власть народу. В противном случае неумолимые законы классовой борьбы заставят их обеспечивать, охранять свою власть, власть своего класса – что, собственно, и произошло после октября 1917 года (с единственной разницей – тогда такая передача даже в принципе была невозможна, даже теоретически – просто потому что ее, власть некому было тогда передавать).

При государственном капитализме олигархия настолько малочисленна (по сравнению хотя бы с частным капитализмом, где буржуазия, особенно мелкая, составляет довольно значительный процент населения и сама по себе, без государственной машины, является значительной силой), настолько беспомощна

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
сама по себе без аппарата власти, машины угнетения народа в виде армии милиции, КГБ, тюрем и т. д. и в силу полного своего вырождения к настоящему моменту, что она боится даже дать возможность народу «выбирать» даже не имеющих реальной власти депутатов – каких только уловок не было придумано – от «многомандатных округов» до окружных предвыборных совещаний. Апофеозом «плюрализма» стало назначение трети депутатов – от «общественных организаций».

Класс государственных капиталистов и его олигархия куда менее устойчивы, чем буржуазия частного капитализма, еще и потому, что в результате прихоти исторического развития, идеологически госкапитализм «основан» на научном коммунизме, а это облегчает (но и затрудняет, конечно, в одно и то же время) просвещение масс.

Государственный капитализм выполнил свою историческую миссию и теперь, как только народ поймет, что живет не при социализме, а в самом обыкновенном государственном капитализме, дни олигархии будут сочтены в буквальном смысле слова, а экономика, вернее, ее упадок, сама позаботится об этом просвещении, которому поможет новая, действительно, коммунистическая партия. При этом я не исключаю возможности того, что в силу тех причин, о которых я уже говорил, «коммунизмофобия» народа окажется настолько сильной, что действительный социализм какое-то время будет – существовать и развиваться под каким-то другим названием – в принципе в этом нет ничего страшного, но нет и ничего хорошего – всякая маска, скрывающая действительную суть строя, общественно-экономической системы в конечном счете приносит больше вреда, чем пользы и рано или поздно от нее все равно придется отказаться – но такое развитие событий возможно. О пропагандистской литературе для своих противников олигархия сама позаботилась – произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина напечатаны многомиллионными тиражами во всех странах государственного капитализма – на свою погибель, при этом в своей неподражаемой тупости олигархия борется «с проникновением идеологически вредной литературы».

Именно по причине ее исключительной слабости, ничтожности социальной опоры, олигархию корчат судороги, если критика в ее адрес исходит даже от одного человека. «Буржуа, а именно буржуа, возведенный в сан государственного мужа, дополняет свою низость в практических делах теоретической высокопарностью. В качестве государственного мужа он, как и противостоящая ему государственная власть, становится высшим существом, с которым можно бороться лишь возвышенным, торжественным образом». Поскольку нашему «государственно-капиталистическому буржуа» государственная власть отнюдь не противостоит, а, наоборот, принадежит, он настолько «возвысился», что с дуру вообразил, будто любая борьба против него – преступление против человечества и никак не меньше. «Коммуна не претендовала на непогрешимость, как это делали все старые правительства без исключения. Она опубликовывала отчеты о своих заседаниях, сообщала о своих действиях; она посвящала публику во все свои несовершенства».

Олигархии приходится мобилизовать весь свой пропагандистский аппарат оглушения масс и репрессивный аппарат, огромные силы и средства, чтобы справиться с несколькими людьми, что же с ней станет, если против нее поднимутся миллионы? «Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий. Для этого необходимо наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. У дикарей и полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстановить его снова нам и в голову не может прийти уже по одному тому, что из этого состояния, с развитием общественных производительных сил, необходимо возникают классовые различия. Только на известной, даже для наших современных условий, очень высокой ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства».

Какой позор для нашей страны, для нашего великого народа, когда фабрикуются идиотские письма «с осуждением»? Кто «осуждает»? Люди, которые не читали книг Солженицына, которые не слышали выступлений Сахарова и т. д. Это ли не

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
доказательство глупости и ненужности самой системы сейчас, системы, которая бросает тень на умственные способности целого народа?! Они бы выслали и Сахарова за границу как Солженицына, если бы он не был ученым-атомщиком. Олигархия не хочет подарить его мозг частному капитализму, который использует его куда более эффективно, и ссылает его, унижает, не дает возможности работать, уничтожает человека. Прекрасный пример того, как олигархия относится к человеку. как она «считается» с человеком, его человеческим достоинством, с его правами и свободами.

Никогда не поверю и ни один нормальный человек не поверит, что народ может бояться одного человека с какими бы даже самыми нелепыми и вредными для общества идеями он ни выступал!

О деятельности так называемых «диссидентов». Само слово какое-то неподходящее для русского уха – творчество Запада. Непонятно зачем притягивать пуритан 17-го века к России конца 20-го. Но дело не в названии. Насколько я знаю, насколько я могу знать в стране госкапитализма об их взглядах – они чистой воды реакционеры, хотя субъективно честные, вероятно, люди, во всяком случае, наверняка, не все они жулики и растлители малолетних, как представляет их народу олигархия. Их призывы вернуться к частному капитализму и буржуазной демократии вообще не стоят того, чтобы говорить о них всерьез. Призывы же к защите прав человека в условиях государственного капитализма могут привести только вред рабочему классу и в целом народному движению за действительную свободу и действительные права человека, так как дезориентируют массы и фактически играют на руку олигархии.

Невозможно без смеха слушать заявления лакеев олигархии, вроде таких: «Диктатор Южной Кореи учредил новую конституцию, которая ликвидирует все политические партии, свободу печати, демонстраций» и т. д. и т. п. Вас обижает, господа, что диктатор совершил наглый плагиат, переписав вашу «конституцию»? Разумеется, он должен бы был вас поблагодарить и заявить что семь десятилетий успешного подавления всех прав и свобод в России соблазнили его перенять ваш опыт. Только и вы и он – ошибаетесь. И олигархии и таким диктаторам история оставила мало времени. Частный капитализм в силу присущей его частной природе собственности эластичности, имеет больше возможностей приспосабливаться и может быть просуществовать чуть дольше, но исторически все эти формы изжили себя также как в свое время рабство и феодализм, их крушение скоро и неминуемо. У человечества есть только один путь дальнейшего развития – социалистическая революция, социализм и коммунизм.

Неудивительно, что рабочие индустриального Запада, живущие материально намного лучше, чем рабочие в СССР, отнюдь не спешат в «социальный рай» госкапитализма. Они явно дорожат такими пустяками как свободное выражение своего мнения, забастовка и, пусть ограниченная, но все же определенная свобода выбора. Пусть эти свободы в конечном счете ограничены буржуазией, самим частно-капиталистическим способом производства, но лучше такие, чем никаких. Доказательства? За семьдесят лет ни в одной развитой стране так называемые «коммунистические» партии не смогли привлечь на свою сторону большинство рабочего класса, не говоря уж о всех трудящихся данной страны. Ни разу рабочий класс Запада не сделал попытки силой свергнуть буржуазию (были локальные попытки вроде «Баварской Советской Республики»). Разумеется и здесь главным было то, что частно-капиталистический способ производства еще не исчерпал себя, но зачем пролетариату Запада было «побеждать» в тех условиях? Чтобы впасть в куда более наглое рабство у «коммунистической» олигархии?

Фарисеи – олигархи, наварное, воображают, что совершили что-то доселе небывалое, что-то очень хитрое, когда объявили любое выступление за политические или экономические права уголовным преступлением. Единственное, что действительно может поразить здесь, так это их глупость – зачем вообще объявлять эти выступления уголовными преступлениями, если любой человек в прекрасном СССР может просто (очень просто) бесследно исчезнуть и никто не сможет выяснить его судьбу, потому что не захочет, чтобы с ним случилось тоже самое.

Например, я, пишущий эти строки. По советским «законам» за то, что я пишу (не выступаю на улице, не расклеиваю листовки, а только пишу для себя) мне полагается до 7 лет каторжных работ и еще 5 лет ссылки, это, конечно, если я не попаду в «автомобильную катастрофу» или психиатрическую лечебницу.

До недавнего времени было еще хуже, особенно при Сталине. Но собственная глупость и необходимость выставить себя поборницей защиты демократических свобод... в других странах, сыграли с олигархией злую шутку – Запад получил повод интересоваться положением с этими правами и свободами в самом СССР и пользуется им в борьбе со своим противником довольно успешно. – ведь «реальный социализм» поистине несжатая нива для разоблачений, которая разрастается с каждым днем. Теперь каждая репрессия в отношении инакомыслящих, особенно всемирно известных людей, оборачивается грандиозным позором для олигархии, показывает ее истинный звериный оскал всему миру. Все это может дать представление о том, как поступают с никому неизвестными героями, первыми вступившими в неравную борьбу с «чудищем обло, стозевно и лай».

Чего стоит одна фраза: «В СССР не судят людей за убеждения, за то, как они мыслят, их судят за противозаконные действия» – любимая фраза цепных псов олигархии. А к противозаконным относятся: любое выступление, словесное или печатное или рукописное и даже... хранение «противуправительственной» литературы. Великолепно! Спасибо вам, господа олигархи, за то, что вы не судите за мысли. Ах, ах, как демократично и социалистично! Все диктаторы, живые и мертвые, смахнули слезу умиления – «ведь и мы такие же, а нас...» Но вы бы и за мысли «судили» (если можно назвать расправу судом), только руки коротки – нет у вас, к счастью, такой возможности – контролировать мысли, а то бы вы каждому заглянули в черепную коробку.

«Социалистическое общенародное государство»! «Сапоги всмятку да с лучком»!

Уже читая преамбулу «новой» «конституции» СССР не знаешь, то ли плакать, то ли смеяться: «Выполнив задачи диктатуры пролетариата, Советское государство стало общенародным. Возросла руководящая роль Коммунистической партии – авангарда всего народа». Можно только поражаться с каким неподражаемым апломбом, оказывается, можно сидеть в луже непроходимой тупости людям, мнящим себя «выдающимися марксистами». «В той же мере, в какой исчезает анархия общественного производства, отмирает политический авторитет государства. Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами, самих себя – свободными». Если, как заявляет олигархия, в СССР полностью ликвидирована анархия общественного производства, политический авторитет государства должен отмирать, а не «возрастать по мере продвижения к коммунизму», а т. к. эта анархия, по заявлениям все той же олигархии, ликвидирована в СССР давным-давно, то, следовательно, мы в данный момент практически не должны иметь уже никакого государства, в свете чего нужно воспринимать и заявления нынешних олигархов о «строительстве» некоего «правового государства». «Это животное (В. Либкнехт – Н.С.) верит в будущее „государство демократии“!» «Об „отмирании“ и даже еще рельефнее и красочнее – о „засыпании“ Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе после „взятия средств производства во владение государством от имени всего общества“, т. е. после социалистической революции. Мы все знаем, что политической формой „государства“ в это время является самая полная демократия». Это «мы все знаем» – просто великолепно. «В „Коммунистическом манифесте“ подведены общие итоги истории, заставляющие видеть в государстве орган классового господства и приводящие к необходимому заключению, что пролетариат не может свергнуть буржуазию, не завоевав сначала политической власти, не получив политического господства, не превратив государства в „организованный, как господствующий класс, пролетариат“, и что это пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно». «Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана „буржуазного права“, освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм». «Коммунистическое устройство вернуло бы обществу телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, „государство“, кормящийся за счет общества и задерживающий его свободное движение». «„Коммуна не была уже государством в собственном смысле“ – вот важнейшее, теоретически, утверждение Энгельса. После изложенного выше, это утверждение вполне понятно. Коммуна переставала быть государством, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство эксплуататоров; буржуазную государственную машину она разбила; вместо особой силы для подавления на сцену выдвигалось само

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
население (подч. мной – Н.С.). Все это отступления от государства в собственном смысле. И если бы коммуна упрочилась, то в ней сами собой „отмерли“ бы следы государства, ей бы не надо было „отменять“ его учреждений: они перестали бы функционировать по мере того, как им становилось бы нечего делать». «Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: „свобода“ и „государство“. Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства». «Всякое государство есть „особая сила для подавления“ угнетенного класса. Поэтому всякое государство несвободно и ненародно. Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли это своим партийным товарищам в 70-х годах». «„Свободное народное государство“ было программным требованием и ходячим лозунгом немецких социал-демократов 70-х годов. никакого политического лозунга, кроме мещански-напыщенного описания понятия демократии, в этом лозунге нет». «...„народное государство“ есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и „свободное народное государство“. „Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавлять своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать“». «По мере того, как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть принимала все более и более характер национальной власти капитала над трудом, общественной силы, организованной для социального порабощения, характер машины классового господства».

Диктатура пролетариата не может стать, перерасти, вылупиться и еще как вам угодно – в «общенародное государство», потому что никакого «общенародного государства» существовать просто не может. Это абсурд. Очередные «сапоги всмятку». И вам господа, это должно быть известно, если вы вообще знакомы с марксизмом, а тем более с «ленинизмом» – почитайте работу В. И. Ленина «Государство и революция» (Полное собрание сочинений, 5 изд. т.33) – в ней всего сотня страниц, а пользы она вам много принесет.

Диктатура пролетариата уже не является (точнее – не будет являться) государством в старом смысле этого слова. Когда же задачи диктатуры пролетариата будут выполнены (отнюдь не за семьдесят лет, а гораздо, гораздо быстрее), то она не «разовьется» в какое-то мифическое «социалистическое общенародное государство», рожденное, вашей, господа «коммунисты», буйной фантазией, взращенной государственным капитализмом, а просто-напросто станет социалистическим самоуправляющимся обществом без профессиональных политиков и чиновников всех видов – военных, полицейских и т. д. в том числе и партийных, т. к. в социалистическом обществе, где властвовать будет весь народ, политических партий в современном понимании не будет, а будут свободные ассоциации, союзы единомышленников без «партийных тайн», несменяемой бюрократии и прочих прелестей старого общества.

В свете всего этого читатель сам сможет оценить любое новейшее изобретение олигархии, вроде «социалистического правового государства».

И еще мне крайне интересно было бы узнать, каким образом в «общенародном государстве» существует какой-то «авангард», да еще «играющий руководящую роль», кроме того, хотелось бы узнать, чем отличается в таком случае ваше «общенародное государство» от, допустим, Франции или любой другой капиталистической страны в принципе – ведь там тоже «общенародное государство», а буржуазия всего лишь – «авангард, играющий руководящую роль»?

В конце преамбулы «конституции» сказано: «Высшая цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление». Тоже, видимо, «во главе с коммунистической партией, играющей руководящую роль, идущую впереди» и т. д. и т. п.? Как всем известно, к высшей цели можно идти очень долго. Многие не доходят. «От программы не следует отказываться, только осуществление ее должно быть отложено на неопределенное время. Ее принимают, но, собственно, не для себя, не затем, чтобы следовать ей в течение своей жизни, а лишь затем, чтобы завещать ее

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
детям и внукам». Христианская религия, например, вот уже две тысячи лет ожидает страшного суда. «Общественное коммунистическое самоуправление получит развитие»(и только!) лишь в туманном далеке коммунизма, а когда он будет – сие неведомо. Сама постановка вопроса говорит ясно и откровенно о том, что высшей целью советского государства является не построение бесклассового коммунистического общества, а затуманивание мозгов обывателей. Оказывается, при коммунизме будет «самоуправляющееся общество»! При коммунизме, который именно поэтому и называется коммунизмом – не будет ни самоуправляющегося, ни «кем-то управляемого» общества, а будет общество свободных людей, свободных именно потому что ими не нужно будет управлять – каждый из них будет тогда достаточно сознателен, чтобы не разворовывать общественные запасы, не нарушать правил общежития людей во всех отраслях взаимоотношений – те люди будут не потому сознательны, что просто будут сознательнее нас, а благодаря тому, что целая череда поколений их предков, живших в самоуправляющемся социалистическом обществе, передаст им уже не правила и законы, а нормы поведения, которые ребенок будет бессознательно вначале впитывать в себя по мере взросления. Кому придет в голову украсть, ударить и т. д., если все есть, что нужно, а по-другому себя просто никто не ведет? Этим людям просто в голову не придет проделывать такие несуразные вещи – нормы общественного поведения будут для них также естественны и необходимы, как, например, принятие пищи – это будет совершенно другой уровень поведения. А главное, при коммунизме не будет экономических причин, заставляющих людей воровать и, в конечном счете, совершать все остальные преступления.

Не общественное самоуправление, а общественное мнение, вот что будет главным при коммунизме. Если при социализме «засыпают» остатки государства, то при коммунизме «засыпают» остатки общественного самоуправления.

«Самоуправляющееся коммунистическое общество» – такая же идиотская выдумка олигархии и ее лакеев, как и «социалистическое общенародное государство». Что это вообще значит – «самоуправляющееся общество»? Разве буржуазное, феодальное или рабовладельческое общества не были самоуправляющимися? Ими что, дух святой управлял и управляет? Если и можно говорить о самоуправляющемся обществе – в котором все члены общества будут на равных участвовать в управлении обществом, то о социалистическом самоуправляющемся обществе, потому что социалистическое общество тоже классовое еще общество, хотя постепенно различия между классами и группами будут исчезать до тех пор, пока при коммунизме не исчезнут совсем вместе с классами и нельзя уже будет сказать – вот это рабочий, а вот это интеллигент, и люди впервые станут полностью свободными людьми, действительными людьми, а не рабочими, чиновниками, солдатами, крестьянами, капиталистами и т. д. Хотя в социалистическом обществе не будет класса угнетателей, но будут классы рабочих, крестьян, работники умственного труда и прочие прелести остающиеся новому обществу в наследство от старого – вроде пьянства, преступности, которые не исчезнут словно по мановению волшебной палочки в одно мгновение потребуются годы и годы, чтобы общество искоренило в себе хотя бы самые тяжелые пороки в их массовом проявлении и поколения, чтобы они исчезли совсем.

Далее. «Советский народ и т. д. закрепляет основы общественного строя и политики СССР, устанавливает права, свободы, и обязанности граждан, принципы организации и цели социалистического общенародного государства и провозглашает(!) их в настоящей конституции».

Я с изумлением протираю глаза и читаю вновь: «Советский народ... закрепляет». Позвольте, господа, но ведь «конституцию» принял Верховный Совет, избранный (как он был «избран» об этом потом) до опубликования проекта «конституции». Каким же образом «советский народ» может что-то там «закрепить», если его мнения побоялись спросить? Впервые за многие десятилетия народ мог осуществить выбор, сказать «да» или «нет», но даже этого права он был лишен.

Глава 1 ст.2. «Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР».

Как может народ осуществлять государственную власть? Если народ сам управляет собой, то никакой государственной власти и государства не существует.

«Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов». А не-государственные? Например, КПСС? Она тоже «подконтрольна и подотчетна»? На кого рассчитано это кривлянье? Все мы знаем различие между обкомом КПСС и облисполкомом, между ЦК и Верховным Советом, знаем, кто в действительности кому подотчетен. Партия неподконтрольна и неподотчетна народу и советам – она выше всех и власть у нее. Но ведь «вся власть в СССР принадлежит народу»?

Ст.3 «Организация и деятельность Советского государства строятся в соответствии с принципами демократического централизма: выборностью всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетностью их народу» и т. д.

Ко многому привыкаешь, когда живешь в таком государстве, как СССР. Допустим, что, формально, министры и прочие высшие чиновники выбираются. Ну, а остальные чиновники, хотя бы того же министерства, кем они выбираются? Кем выбирается директор завода? Директор института, директор магазина и т. д.? Тут весьма сложная система «выборов». А уж о подотчетности народу можно говорить только потеряв остатки всякого стыда. Любой, самый ничтожный чиновник – начиная с вахтера, имеет достаточно власти, благодаря своей полной неподотчетности народу (как это ни смешно звучит применительно к ним), чтобы оскорбить вас, унижить и виноваты при этом будете вы – потому что вы никто, тот самый знаменитый «винтик». Что же говорить о настоящем чиновнике, обладающем немалой властью, обо всем этом племени чугунных бюрократов, возвращенном нашей родной советской действительностью?!

Ст. 4. «Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан...»

Это совсем уж курам на смех. Нет никого беспомощней и беззащитней советского «гражданина» – потому что все, что он может, это уповать с детской наивностью, что те, кто властвует над ним – «порядочные люди», и они не воспользуются возможностями, которые предоставляет им их бесконтрольная и ничем не ограниченная власть.

Ст. 5. «Наиболее важные вопросы государственной жизни выносятся на всенародное обсуждение, а также ставятся на всенародное голосование (референдум)».

Разрешите узнать, почему же такой вопрос как принятие новой конституции не был поставлен на всенародное голосование? Очевидно, для властвующей элиты этот вопрос недостаточно важен. Ну, что ж, здесь я с ними вполне согласен, в конце концов что значит простой клочок бумаги?

Ст. 6. «Руководящей и направляющей силой советского общества ядром (чугунным, должно быть, вроде тех, что приковывали к ногам каторжников) его политической системы, государственных и общественных организаций, является коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. (Наверное, именно поэтому, когда какой-нибудь глупый народ этого не понимает, ему это внушают с помощью танков). Вооруженная марксистско-ленинским учением коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма».

Все остальное «коммунистическая» партия великодушно оставляет народу. «Концентрация орудий производства и разделение труда также неотделимы друг от друга, как в области политики неразлучны концентрация государственной власти и расхождение частных интересов». Да и в самом деле – партия в лице «выдающихся» деятелей, конечно, руководит и направляет, народ – работает и молчит. Ну, чем не идиллия?

А чего стоят нынешние разговоры забеспокоившейся олигархии об «исторически сложившейся однопартийной системе»? При этом скромно умалчивают о том, как исторически она сложилась – путем политических запретов, провокаций и прямого террора – память отшибло. Ведь и самодержавие к нам не метеоритами было занесено – оно тоже «исторически сложилось», и не значит ли это, что

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
(не говоря о более поздних примерах) декабристам следовало «искать выхода из создавшегося положения в рамках... самодержавия»? Смешно? Да ведь это легко проверить, господа «коммунисты» – всего-навсего разрешить создание политических партий и сразу станет ясно сложилась исторически однопартийная система или нет и возможна ли она сейчас. Ну, что же вы?

В ст.14 зафиксирован такой всемирно-исторической важности вопрос как: «Оно (государство – Н.С.) определяет размер налога на доходы, подлежащие налогообложению.»

Я все-таки никак не могу понять, кто же «осуществляет государственную власть»? Народ или государство? Народ, так сказать, как английская королева – царствует, но не управляет, государство великодушно берет на свою долю самую грязную и неприятную работу – руководит. Счастливый народ веселится и поет патриотические песни, восхваляющие «родную коммунистическую партию». А как сформулировано – «государство определяет». Но ведь государство большое а кто именно? Совет Министров? Верховный Совет? Министерство финансов? Петр Петрович?

Одним словом – государство это все и вся. Хорошо еще, что «государство» не присвоило себе исключительного права на ловлю блох – это было бы всего лишь логическим завершением липовой «власти народа». «Всякий общий интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, всеобщий интерес, вырывался из сферы самостоятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности, – начиная от моста, школьного здания и коммунального имущества какой-нибудь сельской общины и кончая железными дорогами, национальным имуществом и государственными университетами Франции».

Ст. 29. «Отношения СССР с другими государствами строятся на основе соблюдения принципов суверенного равенства...»

Все положения этой статьи были сразу нарушены, когда в Афганистан был введен «ограниченный» контингент советских войск. Вообще в нашем брэнном мире все ограничено чем-нибудь и как-нибудь, кроме самой Вселенной, и с которым протитуированные писаки твердят об «ограниченном» контингенте, свидетельствует либо о их тупости, или, скорее, о лицемерии, ставшем их второй или даже единственной натурой. Во Вьетнаме тоже был «ограниченный» контингент американских войск. И во всех других войнах тоже сражались «ограниченные» контингенты. В одном случае этот «ограниченный контингент» ограничивался сотней человек, в другом – миллионами. Как будто эта присказка об «ограниченном контингенте» оправдывает захватническую войну, оккупацию чужой страны и свержение правительства этой страны – каким бы оно ни было. Чтобы случилось с миром, если бы сильные страны начали повсеместно свергать под любыми предлогами неудобные правительства в слабых странах? Тут уж рукой подать до мировой войны, и никакая «забота» о своих границах, конечно, не может служить оправданием. Представьте на минуту, что США под этим предлогом вводят войска в Мексику, какова была бы реакция СССР? Скажут, что в свое время США так и поступили, да и позже делали это, но чем же тогда отличается Союз Советских Социалистических Республик от Соединенных Штатов Америки? «Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу, огромные и не встречавшие никакого сопротивления захваты этой варварской державы, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах Европы, указали рабочему классу на его обязанность – самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении; в случае же невозможности предотвратить эту деятельность – объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами. Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса».

Своего рода перл ч.2 ст.32: «Обязанности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан по обеспечению безопасности страны и укреплению ее обороноспособности определяются законодательством Союза ССР». Для того, чтобы написать такую галиматью в ст.24: «В СССР действуют и развиваются государственные системы

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
здравоохранения, социального обеспечения, торговли и общественного питания(!), бытового обслуживания(!), и коммунального хозяйства(!)» место нашлось, а для определения обязанностей по обеспечению безопасности страны места не хватило. Государство (общенародное, конечно!) благоразумно оставило себе полную свободу рук.

Ст.39, ч.2: «Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан». Опять недоглядели, бедняги, выболтали, что в «общенародном государстве» государство и общество противостоят друг другу. А поскольку всегда можно «доказать», что наносит, а закона, ясно и четко определяющего порядок пользования правами и гарантии этих прав – нет, а в «конституции» об этом, «естественно» ни слова не сказано, то все эти «права» и «свободы» гроша ломаного не стоят. Их просто нет, и именно поэтому нет правил пользования ими – зачем правила пользования тем, чего нет?

Ст.47: «Гражданам СССР в соответствии с целями коммунистического строительства гарантируется свобода научного, технического и художественного творчества». Поскольку любое творчество в два счета можно объявить несоответствующим, что и делается, кстати, постоянно, то «гарантированная свобода» становится просто насмешкой и издевательством.

Ст.48: «Граждане СССР имеют право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения». Даже сама формулировка стоит того, чтобы высечь ее на мраморе как памятник лицемерию: «граждане имеют право участвовать в управлении». Не сказали: «Граждане СССР управляют». Ну, как же – боязно, а ну как и вправду захотят управлять? Уж лучше пообтекаемей – вроде как бы имеют, но в тоже время как бы не могут. Как именно может гражданин участвовать в управлении, осуществлять это свое право? В ответ одни общие фразы. ...нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав. Олигархия очень любит первую часть этой формулы, но «забывает» о второй. «И если у варваров, как мы видели, едва можно было отличить права от обязанностей, то цивилизация даже круглому дураку разъясняет различие между ними, предоставляя одному классу почти все права и взваливая на другой почти все обязанности.

Но этого не должно быть. Что хорошо для господствующего класса, должно быть благом и для всего общества, с которым господствующий класс себя отождествляет. Поэтому чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждена набрасывать покров любви на неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, прикрашивать их или лживо отрицать – одним словом, вводить в практику общепринятое лицемерие, которое не было известно ни более ранним формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации и которое, наконец, достигает высшей своей точки в утверждении: эксплуатация угнетенного класса производится эксплуатирующим классом единственно и исключительно в интересах самого эксплуатируемого класса, и если последний этого не понимает и даже начинает восставать против этого, то это самая черная неблагодарность по отношению к благодетелям – эксплуататорам». Как будто сегодня написано!

Ст.99: «Голосование при выборах депутатов является тайным: контроль за волеизъявлением избирателей не допускается».

На «выборах» избиратели должны вычеркивать кандидатов, которые им не подходят. Ну, и что тут такого? Ведь это удобно избирателям, экономит время, по сравнению с тем, если бы они вписывали кандидатов собственноручно. Но все дело в том, что «кандидат» – единственный. И если вы идете в зашторенную кабинку, то это значит, что вы идете вычеркивать единственного кандидата «нерушимого блока коммунистов и беспартийных», т. е. выступаете против народа и автоматически становитесь врагом народа. При такой «свободе» выборов каждый гражданин (а каждый гражданин полностью зависит от олигархии – это нужно постоянно помнить) должен выбирать не депутата, которого он в глаза не видел, которого он не знает совершенно до такой степени, что часто даже не знает фамилии того, за кого «голосует» по причине полного равнодушия как к кандидату так и к выборам, на которые идет исключительно из страха перед неприятностями, а должен выбирать – становиться ли ему самому «врагом народа», т. е. врагом олигархии, от которой он зависит всей своей жизнью, жизнью своей семьи, детей – свободой и жизнью в самом прямом смысле. Естественно, что при такой постановке вопроса и самих выборов, количество голосов, поданных против – ничтожно,

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
ведь далеко не каждый в обычное время способен на гражданский подвиг, тем более – безвестный подвиг – легче дозвониться из ада по телефону, чем узнать и рассказать миру о том, что решила скрыть олигархия. И все-таки, как бы ни было невелико число таких людей – они есть. На каждых выборах десятки тысяч человек осмеливаются голосовать против олигархии (причем большинство голосов «против» подается в сельской местности – где зависимость от милости олигархии меньше, чем в городах и труднее осуществлять контроль за людьми).

Эти «выборы» выявляют всего лишь сколько людей олигархии удалось запугать. Но ясно также и другое – никакое запугивание неспособно вечно держать в страхе человека, которому нечего терять. Непрерывно ухудшающееся экономическое положение неизбежно приведет к революционному взрыву. Пусть сейчас 99,9 % народа запуганы олигархией, но эти же 99,9 % ненавидят олигархию. Я уж не говорю о том, что действительный процент, являющихся на «выборы» намного меньше – как правило голосовать приходит один член семьи, чтобы не тратить время на эту бессмысленную, но обязательную процедуру.

Итак, здравый смысл подсказывает советскому гражданину, что честный человек кабинкой со шторами пользоваться не будет, а прямо и честно опустит бюллетень с единственной фамилией в прямо и открыто стоящую посреди зала урну рядом с пионерами.

Вот оно наглядное проявление заботы партии и правительства, всего советского общенародного государства о рядовом труженике – ему не нужно ломать голову, зачеркивать или вписывать кого-то, он вообще может быть слепым или неграмотным – в любом случае вся процедура «выборов» займет несколько секунд. Больше того, после всего этого остается непонятным только одно – зачем вообще беспокоить трудящихся?

Кто же имеет право выдвигать кандидатов в депутаты? Все. Кроме рядового, горячо любимого партией и правительством труженика. А те, кто имеет это «право», выдвигают...тех, кого им назначит начальство.

Таким образом, вся система «выборов» приобретает стройный и законченный вид. ...кто может помешать чиновникам до начала голосования бросить в избирательные урны несколько сот «за»? Печати больше не существует проверять будет некому. «Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков – хорош социализм! Но к этому непременно придешь, если поверишь буржуазии в том, чему она сама не верит, а только прикидывается, что верит: будто государство – это социализм!» Сто лет назад Энгельс, словно предчувствуя ход истории ударил олигархию этим сарказмом в самое ее большое место.

Ст.100: «Гражданам СССР и общественным организациям гарантируется свободное и всестороннее обсуждение политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты, а также право агитации на собраниях, в печати, по телевидению, радио». Пользуйтесь, граждане! Чего это вы стоите с такими мрачными лицами? Вперед, на радио, на телевидение! Что? Там милиционер стоит? Не пускает? Вот беда-то. «Свобода личности, печати, слова, союзов, собраний, преподавания, совести и т. д. – неперемный генеральный штаб свобод 1848 г. – были облачены в конституционный мундир, делавший их неуязвимыми. Каждая из этих свобод провозглашается безусловным правом французского гражданина, но с неизменной оговоркой, что она безгранична лишь в той мере, в какой ее не ограничивают „равные права других и общественная безопасность“...» «А для пролетариата обычная полицейская практика все равно сделала совершенно иллюзорными все законы о свободе передвижения, о праве гражданства, об отмене паспортов и т. д».

Пусть те наивные люди, что поверили в демагогию нынешнего поколения олигархии о демократизации, гласности, выборах и т. д. и т. п. помнят эти слова Ф. Энгельса об «обычной полицейской практике», которая делает «совершенно иллюзорными все законы».

Ст.100: «Расходы, связанные с проведением выборов в Советы народных депутатов производятся за счет государства».

А государство возьмет и не даст. Оно ведь государство. А ты кто? Рядовой...труженик. Вот и иди, трудись – за тебя умные головы думают, заботятся. Что? В магазинах хоть шаром покати? Ты думаешь они не знают? Знают. На то у них все есть, чтобы знать. Знаешь, как они о тебе, рядовом

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
труженике, беспокоятся? Знаешь? Вот и молчи, пока в кутузку не упekli.

Ст.101: «Гражданин СССР не может, как правило, быть избран более, чем в два Совета народных депутатов».

Если может быть избран не в один. а хотя бы в два, то в два или сто два уже не имеет никакого значения.

Ст.49: «Преследование за критику запрещается. Лица, преследующие за критику, привлекаются к ответственности».

Теперь давайте сравним ответственность за критику и ответственность за преследование за критику.

Уголовный кодекс РСФСР, ст.70: «Антисоветская агитация и пропаганда». «Агитация и пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершение особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение (!) в тех же целях литературы такого же содержания – наказывается лишением свободы на срок от пяти месяцев до семи лет(!)и со ссылкой на срок от 2 до 5 лет или без ссылки или ссылкой на срок от 2 до 5 лет. Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет и со ссылкой от 2 до 5 лет или без ссылки».

Вы обращали внимание, что «критике» подвергаются должностные лица только до заместителя министра и «министерство», но никогда министр, или до секретаря обкома и «обком», но никогда первый секретарь обкома? Я уж не говорю о... ну вы сами знаете. Критика «политических, деловых, личных» и прочих качеств членов ЦК является «антисоветской агитацией и пропагандой», т. е. особо опасным государственным преступлением. Недурно олигархия себя застраховала от критики? Но этим же она снова выдала себя с головой признав, что государство это и есть она – олигархия.

Что же касается преследований людей, в своей наивности решивших начать действительно бороться с «негативными явлениями» как «призывает нас партия» то это общеизвестно.

Ст.50: «В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Осуществление этих свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио».

Старая песня. Поскольку всегда можно объявить, что «то-то и то-то» не в соответствии и не в целях, то... правильно.

Ст.108: «Принятие Конституции СССР, внесение в нее изменений и т. д., осуществляется исключительно Верховным Советом».

Вот это демократия! Социалистическая, даже уже где-то на подходе к коммунизму! Одни и те же люди составляют конституцию, они же принимают ее, они же изменяют, сами себе определяют круг своих прав. Кто, кроме народа имеет право на это?!

Ну, вот, кажется, уже ясно, что вся эта «советская конституция» – всего лишь пустая болтовня, ложь и лицемерие от начала до конца, какие бы изменения в нее не вносили, а главная причина этого до смешного проста реальная власть принадлежит олигархии.

Отмечу напоследок, одно, весьма, на мой взгляд важное обстоятельство. У нас любители, да и любят шегольнуть «марксистской» фразой, вроде «парламентского идиотизма у них». Но разве у нас нет разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную? Это разделение, конечно, сугубо формальное, так как в действительности вся власть безраздельно принадлежит олигархии, но все же. Если у нас нет парламентского идиотизма (теперь есть) то его нет потому что, во-первых, у нас нет парламента, а во-вторых, в том хлеву, который имеют наглость называть «Советом народных депутатов» даже не

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
болтают (теперь еще и болтают, единственным результатом чего стало еще большее раздражение народа), а только занимаются физзарядкой, «голосуя». У нас нет парламентского идиотизма, потому что весь строй – идиотизм. «Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет». Таким образом, речь идет совсем не о том, чтобы депутат работал как рабочий, служащий и т. д. – на своем прежнем, до избрания депутатом, рабочем месте, а работал именно, как депутат, речь идет не о том, чтобы народные избранники собирались два раза в год на 2–3 дня (или два месяца – дело не в сроке, а в сути их деятельности) и штамповали (или штамповали, предварительно поболтав), а совсем, совсем наоборот – о том, чтобы они работали как работали депутаты коммуны, т. е. отвечали за свой участок жизни общества. «Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в „работающие“ учреждения. „Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы“... В парламентах только болтают со специальной целью надуть „простонародье“» Любой современный буржуазный парламент более работающее учреждение, чем нынешние «советы». «В одно и то же время законодательствующее и исполняющее законы» – какому трезвому человеку придет в голову утверждать, что нынешние «советы» удовлетворяют этому требованию?

Поистине «титанические» усилия приложили те люди, которые так составили эту «конституцию», а то, что в течение 6 лет по существу старательно переписывали старую, «сталинскую конституцию», так что в действительности эта так называемая «новая» всего лишь разбавленная громкими фразами старая, красноречиво свидетельствует об «эффективности» самой олигархии.

Пусть олигархия тешит себя, объясняя нарастающее сопротивление народа «происками империализма», также как буржуазия частного капитализма тешит себя объяснением усиления революционной борьбы в мире «происками Москвы», ни тем, ни другим это не поможет, потому что борьба народа вызывается не чьими-то «происками», хотя сами эти «происки» и с той и другой стороны могут иметь место, а законами развития человеческого общества.

Государственный капитализм искусственно поддерживает более высокий уровень жизни в столице, опасаясь взрыва в центре власти, но даже, если ему удастся избежать «взрыва в центре», это ничего не изменит, как показывает пример Польши в принципе революция может начаться и в провинции.

Почему первые попытки народного, рабочего движения произошли в странах Восточной Европы – позже вставших на путь государственного капитализма, чем СССР? 1956 год – Польша и Венгрия, 68 – Польша и Чехословакия, 70 – Польша, 80 – Польша. Во-первых, потому что этим странам, в отличие от России, госкапитализм был в значительной мере навязан извне, уровень развития в «предреволюционный» период в этих странах был намного выше, чем в России 1917 года, во-вторых, развивались они быстрее, чем в свое время СССР, потому что находились в тепличных условиях, созданных для них СССР – в них не было Гражданской войны, особой разрухи, они не тратились на оборону, не искали пути, и, в-третьих, эти страны имеют не только «память» о прежней буржуазной демократии, но и постоянно имеют возможность соприкоснуться с жизнью западных стран лично и с помощью средств массовой информации, которые доходят в эти страны в неизмеримо больших количествах, чем в СССР. Эти страны своеобразный «санитарный кордон наоборот» 20-х годов – тогда они «защищали» Запад от «большевистской заразы», теперь роли переменялись – они «защищают» СССР от «империалистической пропаганды».

И главное, конечно, не в «злой империалистической пропаганде», а в том, что в той же Польше производство сельскохозяйственной продукции на душу населения значительно больше, чем в СССР – например, мяса в полтора раза, зато в соседних западных странах, где постоянно живут миллионы поляков и куда ежегодно выезжают еще 10 миллионов, (почти треть всего населения Польши) – производство этих и других продуктов и товаров гораздо больше и уровень жизни гораздо выше, а ущемление прав человека гораздо ниже и, пожалуй, ни в одной западной стране нет такого явного, наглого противоречия

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
между словами и делами тех, кто обладает властью и богатствами, нет такого явного разрыва в материальном и правовом положении простых людей и властвующей элиты.

Нужно различать два исторических периода в развитии государственного капитализма в СССР – первый, когда он был необходим и единственно возможен с 1917 года до начала 60-х годов (развитие и стабилизация), и второй – с начала 60-х годов, когда он стал ненужным, бесполезным, более того вредным, как тормоз экономического, а значит и социального развития общества.

Если построен не просто социализм, а «социализм, победивший полностью и окончательно», даже «развитый социализм» – то, кого же и зачем подавлять? Народ? Иначе, зачем эта чудовищная машина подавления, которая существует сейчас? «Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир. Все это требует известной формы государства, но вовсе не требует особого военного и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц». Все верно, но, как я уже говорил, автор этих правительственных слов забыл их буквально на следующий день после того как пришел к власти. «Централизованная государственная власть, свойственная буржуазному обществу, возникла в эпоху падения абсолютизма. Два учреждения наиболее характерны для этой государственной машины: чиновничество и постоянная армия».

Если же в действительности социализм, даже самый плохонький, не построен, то почему за 70 лет он не построен? Ни на первый, ни на второй вопрос олигархия ответить не может.

«В документах, адресованных в ЦК КПСС, запрещается указывать в адресе отдел или должностное лицо» – из инструкции по ведению делопроизводства. В каком же страхе перед собственным народом надо жить, как надо чувствовать, а может быть и осознавать свою классовую противоположность народу, чтобы от этого страха дойти до такого маразма?

Как объяснить «коммунисты» тот факт, что НАТО ни разу не ввело войска, не изменяло с помощью военного вмешательства правительство ни в одной из стран НАТО, а СССР делал это дважды? НАТО и США вводили войска в другие страны, воевали в Корее и Вьетнаме. Ну, что ж, опять-таки мы подходим к тому же – частный капитализм и госкапитализм одинаково реакционны, только и всего. Кроме того, ввод войск в страны-союзницы – свидетельство беспомощности госкапитализма СССР – он не может найти другого выхода, у него нет другого выхода – у него нет ни политических, ни экономических средств, остается грубая сила. Во это признак не силы, а слабости общественного строя, признак того, что госкапитализм уже совершенно изжил себя. Афганистан еще одно подтверждение этому, как и то, что в конце концов олигархии пришлось с позором оттуда убраться. Пожертвовав десятками тысяч наших детей, пролив реки крови чужого народа, олигархия ничего не добилась. Там и так и нельзя было ничего добиться.

5. Аппарат насилия

Олигархия заинтересована в международной напряженности – ведь если бы ее не было, а жизнь становилась все хуже и хуже – это было бы довольно трудно объяснить. «Борьба за мир» и оправдание катастрофического экономического положения военными расходами – здесь такая же лицемерная политика как и во всем – официально военные расходы сокращаются, а в лекциях пропагандисты, выступающие на предприятиях и в учреждениях, получают указание свихнуть на «вынужденные империализмом военные расходы» как основную причину трудностей в экономике – это, несомненно, лучшее, что можно было придумать для обольщивания масс. Поэтому, с одной стороны, широковещательные, заранее неприемлемые, специально так составленные, чтобы быть нереальными, чтобы их отвергла другая сторона, предложения, а с другой – тихие или громкие (как в Афганистане) меры для срыва любой реальной возможности, как только она возникнет.

В 1972–73 гг. между СССР и США была заключена серия договоров, в том числе ОСВ-1. И что же? Жизнь народа непрерывно ухудшалась. Естественно, люди стали задаваться вопросом – как же так, гонка вооружений уменьшилась, т. е. военные расходы сократились, а жить нам становится все хуже? Олигархия тоже задумалась над этим и плодом ее раздумий стал нулевой...результат восьми (теперь уже 16!) лет переговоров об ОСВ.

Было бы неправильно, конечно, все сваливать только на советскую олигархию. Частный капитализм поступает точно также, только мотивы у него несколько другие – в первую очередь прибыль от производства оружия, хотя и в существовании постоянной армии и в оболванивании народа он также заинтересован, но все-таки у них это оболванивание не достигло таких размеров как у нас.

Нынешняя армия на основе всеобщей «почетной» обязанности, забривания лбов и профессионального офицерства, службы солдат и матросов в течение 2–3 лет и т. д. не имеет ничего общего ни с вооружением пролетариата, ни, тем более, народа, «(а) гибельное влияние больших постоянных армий на производство достаточно доказывалось на буржуазных конгрессах всевозможных наименований, на мирных, экономических, статистических, филантропических и социологических конгрессах. Поэтому мы считаем совершенно излишним распространяться на эту тему.

Мы предлагаем всеобщее вооружение народа и всеобщее обучение пользованию оружием.

Мы допускаем в качестве временно необходимой меры существование небольших постоянных армий, служащих школами для обучения командного состава милиции; каждый гражданин мужского пола должен в течение очень короткого времени служить в этих армиях». Армия прогнала также как и все государство. Затраты на армию, КГБ, МВД – главная и, по-видимому, самая большая статья расходов олигархии. 17 миллиардов рублей «по бюджету» – это первобытная хитрость, достойная умственного развития олигархии. Несложный подсчет показывает, что на эти деньги, грубо говоря, даже портянки солдатам не купишь. Хотя, естественно, в «народном государстве» народ не знает численности своей армии – сие для него великая тайна, которую потенциальный противник – Запад прекрасно знает, причем знает не только общую численность, но и расположение, вооружение и многое, многое другое, вплоть до фамилий начальников частей.

В договоре ОСВ-1 записано, что контроль осуществляется национальными средствами, т. е. каждая сторона знает, имеет полную возможность контролировать дислокацию и количество стратегических ракет – этого важнейшего современного оружия, святая святых, так сказать, государственных и военных тайн. Что же тогда говорить о других «тайнах»? Так от кого же эти «тайны»? Запад все эти «тайны» прекрасно знает, значит тайна (без кавычек) от собственного народа?

Хотя численность Советской Армии – «тайна», тем не менее примерно можно ее оценить. Каждый год в СССР имеется примерно 1 миллион человек призывного возраста или чуть более того. Таким образом, при 2-х годичном (на флоте – 3) сроке службы, имеем более 2 миллионов человек. С кадровыми офицерами и сверхсрочниками дело обстоит сложнее, но если мы оценим их количество в 1 миллион человек, я думаю большой ошибки не будет, разве что в сторону уменьшения общей численности армии. Кроме того, во всякой армии существует гражданский обслуживающий персонал.

Поскольку между СССР и США существует примерное военное равенство, можно оценить военные расходы СССР довольно легко. Первый способ – зная данные о численности и вооружении армии США попытаться рассчитать соответствующие затраты СССР. Второй способ – зная, что военный бюджет США составляет примерно четверть всего их бюджета, надо лишь взять тот же процент от бюджета СССР. Но тут надо учитывать важный «нюанс» – в СССР через бюджет даже формально распределяется значительно большая часть национального дохода, чем в США, а фактически – весь национальный доход распределяется государством. Отсюда возникает простое желание – взять тот же процент от национального дохода, что и в США. Но и это будет не совсем правильно, так как тогда не учитывается вес национального дохода, куда более значительный, чем в СССР. 10 % от 2 триллионов долларов, совсем не то, что 10 % от 500 миллиардов рублей, а ведь СССР должен затратить столько средств, чтобы идти наравне с противником. Наиболее верный путь, по моему мнению, (не говоря о единственно верном пути – просто честно подсчитать статистику сколько в действительности тратится денег на оборону) нужно брать одинаковый процент от государственного бюджета, а затем, учитывая, что через госбюджет США распределяется примерно треть национального дохода, увеличить соответственно сумму СССР (принимая одновременно во внимание разницу методик подсчета национального дохода) и получим грубую оценку – 100–150

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
миллиардов рублей. Таким образом, военный бюджет СССР составляет около четверти национального дохода страны, т. е. нам приходится тратить на военные пели (относительно) в три раза больше, чем США.

«Соперничество между отдельными государствами принуждает их с одной стороны, с каждым годом затрачивать все больше денег на армию, флот, пушки и т. д., следовательно, – все более приближать финансовую катастрофу; с другой стороны, оно заставляет их все более и более всерьез применять всеобщую воинскую повинность и тем самым обучать в конце концов весь народ умению владеть оружием, так что народ становится способным в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству. И этот момент наступит, как только народная масса – деревенские и городские рабочие, а также крестьяне – будет иметь свою волю».

Милиция. Эта организация, охраняющая интересы правящего класса государственных капиталистов, также как и армия не имеет ничего общего с вооружением народа. Уже одно то, что данные о количестве преступлений, их динамике и проценте раскрытия, числе заключенных не публикуются, говорит о том, что эта за организация, каковы ее успехи в борьбе с преступностью и для чего она создана олигархией. «Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и страдания трудящихся масс необходимым условием существования общества. Количество преступлений возрастало с каждым годом». Статистические сведения о преступности и количестве заключенных – тайна за семью печатями «реального социализма». Еще бы! Можно себе представить как были бы ошарашены «рядовые советские граждане», если бы узнали, сколько преступлений происходит в СССР и каких, если бы ежедневно газеты обрушивали него водопады крови и мерзости всякого рода, которая происходит постоянно. Ведь сейчас пишут об «их нравах» и полуофициально проповедуют, что, мол, пусть у нас жизнь беднее, зато порядок, нет такого разгула преступности, как у «них», в США, например. Таким образом, олигархия лишилась бы огромного козыря в обмане народа – что же это за государство, в котором уже 70 лет строят социализм, а мы не только беднее капиталистов, но и в моральном отношении ничуть не стали лучше? Почему? Какие такие материальные условия могут вести при социализме к росту преступности? Весьма неприятные вопросы для олигархии. Сегодняшним представителям олигархии хватило ума понять, что надо отказаться от прошлого, но они не способны, конечно, понять, что отказавшись от него, они остаются в положении голого короля. Отказываясь от «сталинизма», «застоя» и т. д. им волей-неволей приходится приоткрывать, только приоткрывать, страшную правду, но теперь, зная хотя бы часть правды, через некоторое время народ задаст им вопросы – почему положение не улучшается, а ухудшается, и отвечать на этот вопрос придется им – не Сталину, а им самим при жизни. Когда часть правды становится известна после смерти преступника, спросить не с кого, а вот с них – спросят. Я думаю, что они скоро поймут это. Но выхода у них нет – оставить все по-старому они не могли, осознав наконец-то, что это верная гибель, а начав проводить свои куцые реформы, они хоть стали питать надежды на благополучный исход, которого, конечно, не будет. Если будет опубликована полная статистика преступности – через три года, через пять лет, то у народа неминуемо возникнет вопрос – при чем здесь Сталин, «застой», если преступность растет сейчас. А ведь кроме чисто уголовных совершается море экономических преступлений, так называемых «хищений социалистической собственности», о «нормальном» обмане в магазинах покупателей я не говорю.

Даже по тому, что сейчас просачивается в печать можно себе представить, что ныне происходит с преступностью в СССР. Все больше самых диких преступлений на счету несовершеннолетних. Мотивы? Главный – «нужны были деньги на выпивку, на мотоцикл» и т. п. Второй главный «мотив» – «так... скучно было...выпили... подрались...убили...»

Но «реальный социализм» не стоит на месте – кроме малолетней проституции, процветавшей давно, после мудрых антиалкогольных решений партии и правительства добавилась волна наркомании и токсикомании, пришедших на смену алкоголизму, а вернее все же – добавленных к нему.

Можно полицию назвать народной милицией, полицейского можно назвать не только народным милиционером, но даже воплощением Иисуса Христа на грешной земле, от этого он не перестанет быть тем, кто он есть на самом деле государственным чиновником, находящимся на службе у государства, на содержании у государства и в полной зависимости от государства – то есть он является одним из орудий угнетения народа правящим классом государственных

Государственный капитализм никогда не мог справиться с преступностью более того, уже при его рождении она во много раз превысила преступность в старом обществе. Загнивая, он начинает своим смердением заражать и отравлять все большую часть народа, особенно страшно – он калечит, уродует души молодых – будущее народа. Как и всякий умирающий строй он не просто умирает, он хочет утащить с собой в могилу все общество или по крайней мере заразить своим трупным ядом будущее общество – «мертвый хватает живого».

Достоинством госбезопасности является то, что она «контролируется ЦК» (т. е. – олигархией) – иначе говоря, официально признано, что государственная организация контролируется не государственными органами, не «советами народных депутатов», а сугубо партийной организацией. Но любопытно, что именно этим признано, что эта государственная, якобы, организация – КГБ, стоит над государством, как таковым. Разумеется, олигархия не в состоянии понять, что здесь она попала впросак – у нее не может и мысли такой появиться, что она и государство – две разные вещи. И она права в том, что составляет единое целое с государством, что государственная машина и олигархия – это, собственно, одно и то же. И нет ничего удивительного, что в данном случае олигархия осуществляет свою власть «напрямую», без обычной маскировки – она даже близко боится подпустить к основному органу своей власти чужаков, даже формально. Без этого органа террора, который стоит над всеми законами, организациями и абсолютно ничем не связан в своих действиях, кроме соображений выгод олигархии («цель оправдывает средства»!), олигархия сразу же потеряла бы 9/10 своей власти. Удивительно другое – то, что после глубоких размышлений олигархия решила этот принцип возвести на пьедестал и распространить повсеместно. Что это глупость? Нет. Олигархия, инстинктивно, чувствуя приближение решающей схватки, собирает в свои руки все остатки власти, которые еще не подгрела под себя, даже те, что оставила сознательно для обмана народа.

В «сталинской конституции» и слова нет о партии – строй был на подъеме, а правящему классу вполне хватало фактической власти – реальных противников у него не было. Строй покатился к гибели и вот уже в ублюдочной «брежневской конституции» появляется партия в качестве «ядра общества». Строй балансирует на краю пропасти и Горбачев предлагает «в целях разделения власти»... объединить в одних руках и партийную и государственную власть, создать нечто вроде института генерал-губернаторов. И ничего – проходит. И «демократы» как ни в чем не бывало уже разъясняют тупому народишку, как это хорошо разделять функции партийных и государственных органов, передавая власть из двух рук в одни. В отличие от этих купленных шавок, олигархия отлично понимает – даже видимость свободных выборов может привести к началу неуправляемого процесса – что скажут народу, если он выберет Верховный Совет, который отвергнет диктат правящего класса? Конечно, это маловероятно и никто этого не допустит, но главное не в этом – в условиях «демократии и гласности», когда много стали болтать, митинговать начали – нужна сильная власть, сосредоточенная в одних руках – нет уже времени, как в прежние добрые старые спокойные времена идти по цепочке, а кроме того, события в Армении показали, что не только совет может плюнуть на партию, но даже и начальник милиции в условиях революционного подъема может задать вопрос первому секретарю обкома партии – а кто ты такой, чтобы отдавать мне приказы? Вот откуда эта «неожиданная» идея Горбачева.

Перефразируя Маяковского, можно сказать: «Когда мы говорим государство – мы подразумеваем олигархию, когда мы говорим олигархия – мы подразумеваем государство».

6. Национальный вопрос

Национальности, насильственно присоединенные к России, конечно же, под предлогом «освобождения», как же иначе, получили возможность вырваться из азиатской отсталости, став при этом порядочной гирей на шее русского народа, особенно в первое время и, как это ни парадоксально, в последнее время. Но сейчас, так же как и другие колонии в мире, они уже давно отплатили долг русскому народу своими природными богатствами. За сравнительно быстрое в прошлом развитие им пришлось заплатить не только лишениями как русскому народу, но и национальной независимостью. «По моему мнению, собственно колонии, т. е. земли, занятые европейским населением, Канада, Кап, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские,

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
португальские, испанские владения, пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже вероятно, и, так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальные войны, то с этим придется примириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться и в других еще местах, например, в Алжире и в Египте, и для нас это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома. Раз только будет реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами потянутся за ними; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные фазы и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливливания, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода...»

Одной из первых задач русского пролетариата, и, естественно, задачей каждого национального пролетариата – является предоставление (завоевание) независимости каждой национальности. «Без установления независимости и единства каждой отдельной нации невозможно ни интернациональное объединение пролетариата, ни мирное и сознательное сотрудничество этих наций для достижения общих целей». «Искреннее международное сотрудничество европейских наций возможно только при том условии, если каждая из этих наций полностью распоряжается в своем собственном доме». «Чтобы обеспечить международный мир, надлежит прежде всего устранить все какие только возможно, национальные трения, каждый народ должен обладать независимостью и быть хозяином в своем собственном доме».

Когда я слышу, что Украина или Литва не могут существовать без России (о Туркмении или Грузии и говорить не приходится) меня не удивляет неприязнь иди даже ненависть к русским со стороны национальных меньшинств (также как меня не удивляет все возрастающая неприязнь русских к другим национальностям – они не без оснований считают их обузой, как впрочем, правильно и обратное) – эта взаимная неприязнь вполне соответствует интересам олигархии и не нуждается в глупом открытом подогревании национализма – экономические трудности делают это сами собой, более того, в этих условиях олигархия, сама, собственно и создавшая эти трудности самим фактом своего существования, получает возможность в нынешних условиях играть роль некоего «третьейского судьи».

Почему Бельгия с населением в 10 миллионов может быть независимым государством, а Узбекистан или Белоруссия с большим населением и территорией – «не могут»? Почему Польша с населением в 35 миллионов может быть независимым государством, а Украина с 50 миллионами населения и гигантской промышленностью, не уступающей крупнейшим европейским государствам, с сельским хозяйством, хотя бы по объему производства, не имеющим себе равных в Европе – «не может»? Почему Норвегия может быть независимым государством, а Латвия нет, почему Люксембург или какие-нибудь «острова» с населением в 300 человек – могут быть независимыми государствами? Почему небольшие и даже крошечные народы могут быть независимыми, а национальности СССР – «не могут»? Это ли не расизм, не шовинизм и не колониализм в самом наглom виде?

«Свобода отделения», о которой так «пекся» Ленин, давно уже не существует даже формально, если вообще существовала хотя бы на бумаге. «Народ, поработавший другой народ, кует свои собственные цепи». Весь государственный механизм задействован так, чтобы малейшее поползновение к независимости пресекалось в корне. Даже высшее национальное руководство члены олигархии, не имеет никакого влияния, например, на размещение на территории «республики» войск. Второй секретарь каждой «национальной компартии», и во всех крупных организациях – русский. И так далее. «Одно дело необходимость сплочения против империалистов Запада, защищающих капиталистический мир. Тут не может быть сомнений. И мне излишне говорить о том, что я безусловно одобряю эти меры. Другое дело, когда мы сами попадаем, хотя бы даже в мелочах, в империалистские отношения к угнетаемым народностям, подрывая этим совершенно всю свою принципиальную защиту борьбы с империализмом» Очень много здесь слов о «принципиальности», но поскольку

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
под «меры борьбы с империализмом» при желании можно подвести все, что
угодно, это была борьба с самим собой.

7. Взаимоотношения частного и государственного капитализма

В последние годы у СССР, точнее у олигархии, народ здесь, естественно, ни при чем, особенно явно проявилась тенденция «безопасных границ», в соответствии с которой СССР имеет право нагло вмешиваться во внутренние дела стран, расположенных по крайней мере в «непосредственной близости» от границ СССР. А поскольку государственный капитализм побеждает в разных странах «третьего мира», то в результате сфера «жизненных интересов» СССР охватывает все большую часть планеты, но, естественно, все это делается под предлогом... борьбы за мир, безопасность народов, против империализма и за социализм. Государственный капитализм, олигархия, не стесняется пачкать понятия с которыми у трудящихся связаны самые чистые и светлые помыслы. «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том, смысле как понимают это буржуазия».

В течение примерно полувека – в конце XIX и начале XX веков частный капитализм стал господином положения во всем мире. Он пожрал все, что было возможно, захватил в виде колоний весь земной шар и в результате, когда не осталось ничего, что можно было бы хапнуть, три главных хищника Великобритания, Франция и Германия сцепились между собой, втянув в войну своих шакалов – Австро-Венгрию, Россию и прочих.

Но история не стоит на месте. Воспользовавшись чужой дракой на первую роль стали претендовать США, а Россия, поставленная перед угрозой утери политической и экономической самостоятельности нашла в себе достаточно сил (если говорить сухим языком экономики – задел, созданный развитием частного капитализма в России с 1862 года, оказался достаточным), чтобы кардинально преобразовать общество на новых началах государственного капитализма и на этой основе за какие-то десять лет совершить рывок и пройти путь, который занял у частного капитализма в прежних условиях по меньшей мере столетие. Пример России – дерзнувшей из отсталости, в противостоянии со всем остальным миром, стать сначала одной из мировых держав, а затем и одной из двух сверхдержав – воодушевил колонии и полукolonии и вызвал к жизни национально-освободительное движение, постепенно набравшее силу, часто даже там, где не было экономических условий для действительного освобождения.

Чудовищный монстр – гибрид частного и государственного капитализма, созданный Германией, потерпевшей поражение в первой мировой войне, набросился на вчерашних победителей и тем пришлось выбрать из двух зол меньшее, чтобы уничтожить бешеного пса фашизма, которого он сам же и породил, частному капитализму пришлось на время заключить военный союз с государственным капитализмом, который ему не менее отвратителен. Союз этот в принципе не мог существовать сколько-нибудь долго – не дольше, чем длилась сама война и распался также естественно, как неестественно был заключен под давлением обстоятельств.

У частного капитализма не хватило сил уничтожить госкапитализм в колыбели, тем более это стало невозможно после победы и многократного усиления СССР. Перед лицом нового могущественного противника частный капитализм не мог больше позволить себе роскошь сохранения колоний, где начинала полыхать война – предпринимались отдельные попытки: Вьетнам, Алжир, но они были обречены на неудачу именно потому, что СССР отвлекал на себя большую часть сил и внимания частного капитализма, которому пришлось безусловно отбросить прежние привычки взаимного мордобоя и объединиться под эгидой США. Западу приходилось (и приходится) маневрировать – лучше уступить ненужную в общем политическую власть в колониях и продолжать экономическую колонизацию, чем потерять все. Конечно, политическая власть над колониями облегчала их грабеж, но нужно было снова выбирать меньшее из зол.

И вот в такой обстановке значительная часть освободившихся стран выбирает путь государственного капитализма. Как правило путь этот выбирали страны наименее развитые даже из этих отсталых стран – там, где зачастую не было даже зачаточной буржуазии, которую уходящие колонизаторы могли бы поставить у власти. А этим странам, не имеющим минимальной промышленной базы для

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
подлинного перехода к госкапитализму, кроме желания нужна была мощная поддержка извне, огромные вливания извне.

В совершенно изменившейся под влиянием госкапитализма СССР обстановке в мире в принципе национальные буржуазии могли и могут сейчас спокойно, обычными буржуазными темпами развивать экономику – внешнее вторжение им не грозит, наоборот, постепенно до Запада все же дошло, что ему выгоднее всемерно поддерживать своих «братьев по классу» меньших, чем толкать свои бывшие колонии в объятия врага – вот почему Индия, Пакистан и другие страны пошли обычным частно-капиталистическим путем с большими или меньшими элементами госкапитализма в экономических и политических структурах.

Госкапитализм в Китае вряд ли победил бы без помощи СССР – а помощь эта была огромна, начиная с передачи всего вооружения Квантунской армии. Но и после военной победы с чужой помощью, у госкапитализма не было шансов победить в средневековом Китае – опять-таки без помощи СССР. Затем цепочка протянулась дальше – победа госкапитализма во Вьетнаме стала возможной только после победы в Китае.

В Европе положение было еще парадоксальней – госкапитализм был привнесен не только в отсталые страны, более или менее готовые к нему, но и в высокоразвитые, такие как Восточная Германия и Чехословакия, что во многом хотя и не во всем затормозило их общее развитие. Но как бы там ни было, в результате европейские госкапиталистические страны теперь готовы к социалистической революции, за исключением, может быть, Албании.

В Азии – в Китае, Вьетнаме, Корее, госкапитализм, утратив по разным причинам (и политическим и экономическим) всю или значительную часть помощи СССР, стал корчиться в судорогах. Возврат к частному капитализму невозможен в этих странах, но и до готовности к социалистической революции им еще очень далеко – поэтому НЭП в Китае был введен не после Гражданской войны как в России (потому как восстанавливать там, в Китае, было нечего) а где-то в середине госкапиталистического пути. Это своеобразное внешнее завоевание (о котором говорил Ф. Энгельс – но у него внешнее завоевание рассматривалось только в одной, известной тогда, плоскости – с целью разграбления и уничтожения производительных сил завоеванной страны, а в нашем случае – с целью развития производительных сил госкапитализмом, нуждающимся в союзниках и пытающимся ускорить их появление на свет) Советским Союзом привело к неестественному развитию госкапитализма там, где для него не было еще объективных внутренних условий. Парадокс состоит в том, что СССР, занимающий шестую часть планеты, одним своим существованием делал объективно ненужным госкапитализм – уже не было нужды, скажем для Индии рваться на пределе сил народа вперед – внешнее завоевание ей не грозило, колонией она только что перестала быть и национальная буржуазия вполне могла осуществлять руководство в такой сравнительно спокойной обстановке – как делала это буржуазия Англии в XVIII веке, например.

Перед страной, не имеющей ни промышленности, ни буржуазии, ни рабочего класса есть два пути, один из которых она и выбирает – мирно происходит передача власти бывшими колонизаторами своим креатурам или в результате партизанской войны создается организация революционеров, способная в принципе занять место буржуазии. И вот тут важно, кто окажет помощь – Запад или Восток, США или СССР. Так произошло, например, в Анголе. Но пока надстройка стоит в такой стране в сушности на голом месте, а точнее – висит в воздухе, в такой обстановке возможны самые неожиданные колебания, чему мы и являемся свидетелями.

ИТОГИ

Каждый человек руководствуется в жизни своими интересами вольно или невольно, прежде всего и в конечном счете экономическими хотя, конечно, тут постоянно бывают отклонения, большие или меньшие, бывают и исключения, например, капиталист Энгельс, но, во-первых, пока что-то не видно других Энгельсов, а, во-вторых, именно экономическая необходимость, в том числе помощь Марксу, заставила революционера Энгельса убить свои лучшие годы на «проклятую коммерцию». Каждый класс, тем более, руководствуется своими интересами, прежде всего своими экономическими интересами, и если среди представителей класса бывают исключения, то никогда и нигде ни один класс не шел наперекор своим экономическим, а значит и политическим интересам.

Как могут люди, экономические и все другие интересы которых противоречат

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
интересам рабочего класса, всего трудового народа, защищать интересы пролетариата, народные интересы? Смешно и подумать, что человек, проработавший несколько лет рабочим (да и таких среди олигархии меньшинство), а затем в течение нескольких десятилетий стоявший над пролетариатом, пользовавшийся всеми благами, недоступными рабочему, вдруг восплачет к нему такой любовью, что станет защищать его интересы вопреки собственным! Даже если бы такое случилось – а пока такого что-то не случилось – олигархия в целом, этот класс сверхугнетателей, «железная пята», тут же уничтожила бы его.

Член олигархии имеет все блага современной цивилизации, все возможности в его распоряжении и распоряжении его семьи. Рабочий, крестьянин, служащий по сравнению с членом олигархии – нищий, пролетарий. Что может быть общего между миллионером и рабочим, богачом и нищим? Как и почему богач, купающийся в роскоши и живущий в постоянном страхе перед бесправным и обездоленным народом может защищать интересы этого народа?! Абсурд. Ни один нормальный человек в это не поверит. Да никто и не верит.

Безудержная социальная демагогия и самая беззастенчивая лесть «героическому рабочему классу», который она презирает и боится, прикрытие истинных антирабочих и антинародных целей и действий псевдосоциалистическими лозунгами – методы олигархии.

Ни один господствовавший в различные периоды истории класс не мог обеспечить эффективное управление обществом в интересах всего общества, тем более каждого члена общества. Олигархия государственного капитализма обеспечивала довольно эффективный контроль и управление обществом в своих интересах до тех пор, пока ее интересы совпадали с интересами развития общества, т. е. до тех пор пока производственные отношения не противоречили интересам развития производительных сил общества, поэтому до недавних (по историческим меркам) пор существование олигархии было фактором прогресса.

Свою историческую миссию государственный капитализм, а с ним и олигархия, в России уже выполнили. Каждый лишний год теперь, когда неэластичный в силу самой своей природы государственный капитализм, в отличие от частного капитализма, имеющего больше возможностей к приспособлению именно в силу своего частного характера (хотя и далеко не безграничных) будет теперь лишь усиливать отставание от Запада, потому что при государственном капитализме отсутствует материальная заинтересованность в результатах своего труда. Рабочий не заинтересован в результатах своего труда, а если нет даже непосредственного материального интереса (государственный капитализм не в состоянии его создать – это станет ясно в разделе «Экономика»; единственное, что он может – это либо отступать к частному капитализму, либо забегать вперед к социализму, но будучи не в силах полностью внедрить ни того, ни другого, он только ускоряет этими конвульсиями свою гибель), не говоря уж о более возвышенных интересах, которые при социализме обязательно должны сочетаться с непосредственным материальным интересом каждого, а раз нет у человека интереса, то он и работает соответственно и бежит в более удобное место при любом удачном случае. Если никому нет до него дела, если кроме красивых слов ничего не делается для улучшения его труда и жизни, что может быть удивительного в том, что человек не выдерживает и плюет на общество (точнее на олигархию) также как оно плюет на него?

Ценность русского опыта заключается отнюдь не в «строительстве социализма», а в том, что он показал путь, пойдя которым, отсталые страны могут сократить время, необходимое для развития экономики и создания предпосылок перехода к социализму.

Государственный капитализм имеет важное преимущество перед частным капитализмом – он полностью подготавливает почву для социализма, и в этом диалектика истории – отсталая страна, как, например, Россия, в результате лучше подготовлена к социализму, чем столетиями развивавшиеся частно-капиталистические страны – не нужно экспроприировать капиталистов и помещиков, что почти неизбежно ведет к гражданской войне – все это проделал в свое время государственный капитализм, так что никакого чуда здесь нет как говорится, за все уже уплачено ранее. Нужно только отстранить от власти олигархию, ничтожный процент населения, и провозгласить то, что фактически давно уже ждет, чтобы ему дали дорогу и имя – непосредственное руководство трудящимися своими предприятиями путем выборов аппарата управления – «администрации» при условии полной подотчетности коллективу и сменяемости в любое время и власть народа, действительную социалистическую демократию,

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
уничтожение бюрократической машины власти олигархии и привлечение
многомиллионной армии чиновников к полезному труду.

Советы – готовая форма (сейчас это – формальность), которую можно будет наполнить содержанием только, когда народ возьмет власть в свои руки. Я часто говорю «народ», а не «трудовой народ», «трудящиеся», «пролетариат» потому что фактически при государственном капитализме все, исключая олигархию – наемные работники. Рабочие, крестьяне, служащие – все они трудятся на одного хозяина – государство-олигархию, и по сути, все они пролетарии. Вряд ли стоит говорить при этом о кардинальном отличии рабочего класса от всего остального угнетенного народа – в силу своей экономической природы он обладает той боевитостью и организованностью, которые только и могут решить окончательный исход борьбы.

Миллионы и миллионы людей, фактически безработных, все отличие которых от западных безработных состоит в том, что все они обречены на безработицу на всю жизнь, в том, что это не просто безработица, а изощренное издевательство, т. к. за «пособие» по размеру значительно меньшее, чем на Западе, их заставляют как каторжников выполнять бессмысленную работу, и издевательство вдвойне, т. к. эти несчастные в сущности люди, бесцельно живущие и ничего хорошего в жизни не видящие (как впрочем и все наемные рабы олигархии – производительные и непроизводительные) и ничего полезного (более того, вольно или невольно они приносят вред) не делающие, оказывается должны еще... благодарить «горячо любимых партию и правительство» и в отдельности каждого олигарха за то, что над ними издеваются, благодарить за то, что их жизнь – череда серых, бессмысленных и нищих дней. Это безработные. Но чем лучше участь тех, кто все же занят производительным трудом, основных создателей общественного богатства – рабочих? Каково это положение в действительности – ярко показали выступления польского пролетариата в 1970 и 1980-81 годах – первые ласточки непосредственных столкновений пролетариата и олигархии государственного капитализма. Положение пролетариата еще хуже, чем положение безработных или действительно нужной в любом обществе интеллигенции – врачей, учителей и т. д., части инженеров – занятых действительно организацией производства. Рабочему «великодушно» предоставляют «право» на труд и у него, создателя и законного хозяина общественного богатства, после того как ему милостиво разрешили повкалывать, отбирают 19/20 того, что он создал! У всех других категорий трудящихся олигархия отбирает столько же, сколько и у рабочих, но разница между ними в том, что только рабочий (и крестьянин) создает прибавочный продукт и прибавочную стоимость, из которой олигархия уделяет малую толику безработным и интеллигенции.

Какие могут быть «гарантии свобода», если в обществе государственного капитализма нет ни одной группировки людей, нет ни одного человека, не зависящего полностью, своей жизнью, от олигархии? Все – наемные работники олигархии. Все подчинены ей, все зависят от нее. Армия, милиция, госбезопасность, суд, чиновники, так называемые «независимые» «общественные» организации, каждый человек – рабочий, служащий, старик, ребенок – все и вся.

Рабочий при частном капитализме хотя бы в принципе может перейти на другую фабрику, уехать в другой город, обратиться в суд, в профсоюз, он может проголосовать за «коммунистическую» партию или любую другую партию, он может выйти на демонстрацию, объявить забастовку – и все это рабочие действительно делают. У рабочего при государственном капитализме формально есть некоторые из этих возможностей, кроме, естественно, политических – он может перейти на другую работу или уехать в другой город, хотя это не так просто, если этого хочет рабочий, но не хочет государство – это, кстати, главное объяснение так называемой «текучести» кадров, принявшей у нас огромные масштабы – бывает, что за год полностью обновляется состав работников – человек, несмотря ни на что, остается человеком даже при госкапитализме и пытается найти себе лучшее место в жизни. Постепенно он начинает понимать, что это невыполнимая задача, ведь что толку, если он перейдет с одного завода на другой, из одной конторы в другую – везде одно и то же, хотя вряд ли он понимает почему это так.

Таким образом, при госкапитализме нет даже тех отдушин, которые существуют при частном капитализме. А так как в отличие от частного капитализма при государственном капитализме противостояние предельное: с одной стороны весь народ, состоящий исключительно из наемных работников, а с другой – только один капиталист-государство, то и крушение государственного капитализма

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
будет быстрым и сравнительно безболезненным (так как возможность гражданской войны исключена), хотя те несколько дней, которые понадобятся для социалистической революции, будут довольно суровыми.

Сейчас у рабочих госкапиталистических стран нет (кроме Польши) организации защищающей их хотя бы экономические интересы, но борьба только начинается. Скоро социалистические организации пролетариата, всех трудящихся, возникнут не только в странах госкапитализма, но и во всем мире, потому что созданные по образцу и подобию госкапиталистических «коммунистических» партий, «коммунистические» партии частно-капиталистических стран, не имеют ничего общего о борьбой за настоящие социализм и коммунизм неудивительно, что за семьдесят лет ни одна из них не смогла завоевать большинство даже в рабочем классе какой-нибудь развитой западной страны. Деятельность этих партий только дезориентировала рабочий класс. До второй мировой войны и после нее неоднократно складывались условия, подводившие к революции и в значительной мере «заслуга» государственного капитализма и этих «коммунистических» партий в том, что они не переросли в революцию.

Современные «компартии» в странах частного капитала всего лишь своеобразный курьез истории, время которого прошло, как прошло время госкапитализма в России, вместе с которым, а может быть и раньше него, они исчезнут. Поскольку «коммунистические» партии состоят из людей, думающих, что они действительно борются за социализм, за исключением верхушки, «партийной олигархии», для которой партия это всего лишь дойная корова, по выражению Энгельса, и место интриг за власть, то все, что нужно для превращения их в действительные социалистические партии (как бы они не назывались – дало не в названии, а в сути) в условиях буржуазной демократии – это всего лишь осознание действительных целей социалистической революции, путей построения социализма большинством рядовых членов партии и изгнание партийной верхушки из партии с одновременным установлением в партии действительной демократии. «Единство – прекрасная вещь, пока оно возможно, но есть вещи поважнее единства». «Впрочем, еще старик Гегель сказал: партия доказывает свою жизнеспособность тем, что идет на раскол и способна выдержать этот раскол. Движение пролетариата неизбежно проходит через различные ступени развития; на каждой ступени застревает часть людей, которая дальше не идет. Только этим и объясняется, почему „солидарность пролетариата“ в действительности повсюду осуществляется в виде различных партийных группировок, которые борются между собой не на жизнь, а на смерть, подобно христианским сектам в Римской империи в период тягчайших преследований.

Вы не должны также забывать и того, что если у „Neuer(Social-Demokrat)“ больше подписчиков, чем у „Volkstaat“, то это объясняется тем, что каждой секте непременно присущ фанатизм, и благодаря этому фанатизму – в особенности же там, где секта нова (как, например. Всеобщий германский рабочий союз в Шлезвиг-Голштинии) – она добивается гораздо больше крупных немедленных успехов, чем партия, которая без всяких сектантских причуд просто представляет действительное движение. Но зато фанатизм недолговечен». «По-видимому всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития вообще».

Возникновение после 1917 года «коммунистических» партий, конечно, не просто курьез, их возникновение – отражение объективной реальности развития частного капитализма. Курьезом здесь является лишь то, что в силу определенных исторических условий часть пролетариев частного капитализма временно взяла на вооружение не научный коммунизм К. Маркса и Ф. Энгельса, а извращенный псевдомарксизм государственного капитализма – «ленинизм». Таким же отражением объективной реальности – 1.развития частно-капиталистического общества и реальных нужд пролетариата в борьбе с этим обществом; 2. развития госкапитализма и нарастания его противоречий – явилось усиление трений и расхождений между «компартиями» Запада и олигархиями госкапитализма, прежде всего олигархией СССР – единственной реальной силой среди всех госкапиталистических стран, исключая Китай. То, что действительные причины расхождений не осознаются участниками этих расхождений, приводит к величайшей путанице в умах и делах. «Компартии» Запада в буквальном смысле бредут на ощупь, а это, прямо надо сказать, жалкое положение для партии рабочего класса через столетие после создания научного коммунизма. Отсюда возникновение таких недоносков как «еврокоммунизм», «социализм, окрашенный в национальные цвета» (как будто социализм это платье, которое каждый может перекроить и переокрасить на свой вкус), и прочая пошлятина, измышляемая прогнанными партийными олигархиями.

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
Как, например, итальянская «компартия» собирается строить свой «итальянский» социализм? Очень просто. На 26 съезде «КПСС» Пайетта заявил, что они, оказывается, будут строить итальянский социализм на основе...конструктивного (!) диалога с буржуазными партиями, в военном союзе с... НАТО и экономическом союзе с «Общим рынком»! Можно только приветствовать, когда «ИКП» выступает, например, против агрессии олигархии в Афганистане, но приведенные выше «коммунистические» взгляды заслуживают только одного – презрения. «Несомненно, что критика наша многим неприятна, но больше, чем от всяких некритических комплиментов, партия выигрывает от того, что за границей у нее есть люди, свободные от влияния запутанных местных условий и частных эпизодов борьбы, которые время от времени измеряют партийные события и выступления масштабом теоретических положений, действительных для современного пролетарского движения во всех странах, и отражают перед партией то впечатление, которое эти выступления производят за пределами Германии».

Основная ошибка всех критиков общественно-экономической формации, существующей в СССР, состоит в том, что они упрекают это общество за несоответствие принципам марксизма, т. е. впадают в заблуждение, навязанное им демагогией (хотя бы и неосознанной) олигархии, либо объявляют это общество «ошибкой истории», «случайностью», а такие легковесные заявления сразу выбивают почву из под ног самих этих критиков. Иначе говоря, первые хотят улучшить «существующее» социалистическое общество, вторые хотят сделать вид, что вообще никакого общества не существует. Критика первых производится сквозь розовые очки, вторых – с позиции страуса, зарывшего от страха голову в песок. А суть дела заключается всего лишь в том, что существующее общество в России не случайно, а закономерно, и «улучшить» его можно только одним способом – социалистической революцией.

«Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, развить мировые сношения, основанные на взаимной зависимости всего человечества, а также и средства этих сношений; с другой стороны – развить производительные силы человека и обеспечить превращение материального производства в господство при помощи науки над силами природы. Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира подобно тому, как геологические революции создали поверхность земли. Лишь после того, как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов, – лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых».

Что же осталось в «реальном социализме» из «теоретического» социализма К. Маркса и Ф. Энгельса?

1. Диктатура пролетариата? Которая сейчас «переросла» в «общенародное государство»?

Что же такое диктатура пролетариата и существовала ли она вообще? Диктатура пролетариата это власть пролетариата, которую он временно осуществляет в интересах всех трудящихся с тем, чтобы создать основы социалистического общества (отнюдь не государства) без антагонистических классов, без эксплуатации одного класса другим. Когда же и где пролетариат осуществляет свою власть? Уж не тогда ли, когда в связи с успехами индустриализации и коллективизации миллионы умирали от голода и погибали в лагерях? Или может быть чуть позже, когда «корифей» марксизма-ленинизма, «товарищ» Сталин с такой силой осуществил свою невиданно свободную конституцию 1936 года, что уничтожил в СССР членов «коммунистической» партии больше, чем Гитлер в Германии? Это что ли нам хотят выдать за диктатуру пролетариата? Диктатура? Да! Но при чем тут пролетариат? А «общенародное государство», все значение которого для самого «свободного» народа исчерпывается двумя словами – работать и терпеть?

Все это не имеет никакого отношения к К. Марксу, Ф. Энгельсу и научному коммунизму, созданному ими. Все это прелести «реального социализма», которому я их с удовольствием и отдаю безраздельное пользование вместе со всеми «деформациями».

2. Всеобщее вооружение народа, (или хотя бы пролетариата)? Где и когда это было? По-прежнему, в полном соответствии с определением Энгельса, все

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
прерогативы государства остались у самого государства, как в любом обществе построенном на эксплуатации человека человеком – особые отряды вооруженных людей для подавления народа и придатки в виде тюрем и т. д. Все дело в этом незаметном, сереньком словечке: «особые». Не вооруженный свободный народ сам осуществляет свою власть, свою волю, а особые отряды вооруженных людей осуществляют власть, волю своих хозяев. «Свободное общенародное государство» означает только лишь то, что государство свободно от контроля народа.

3. Экономика.

Принадлежит экономическая власть народу? Рабочие управляют заводом? Избирают директора, мастера и т. д.? Убогая «выборность» ничего не изменила по сути – выбирают директора из предварительно отобранных кандидатур, т. е. это всего лишь более изощренная форма издевательства. «Выбранный» директор утверждается райкомом, обкомом, министерством или... не утверждается. Вот такие выборы. И что может сделать хотя бы и «выбранный» директор? Я не хочу распространяться здесь на эту тему, поэтому приведу только один пример выборного председателя колхоза. Не государственного предприятия, а кооперативного! Еще примеры, убеждения в лживости политики нынешней олигархии нужны?

Что же остается в таком случае в «реальном социализме» от «теоретического»? Ничего. Зато остается государственный капитализм – вполне реальный и теоретически объяснимый.

Часть II Экономика

«...экономическое положение есть основа политических учреждений...»

Ф. Энгельс

«Орудия дикаря обуславливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия – капиталистическое общество».

Ф. Энгельс

1. Экономическая история

Прежде чем перейти к рассмотрению современного экономического положения СССР, необходимо кратко осветить некоторые узловые проблемы нашей истории.

Древнейший период истории России проходил более-менее сходно с развитием соседних европейских племен, но поскольку галлы, германцы и др. близко соприкасались с Римской империей, с ее экономикой и культурой, в том числе с политической культурой, разложение общинного строя произошло у них быстрее. Здесь намечалось первое отставание России. Но в течение X и первой половины XI веков это отставание исчезло, более того, чтобы компенсировать огромные пространства Киевской Руси, потенциальное развитие производительных сил здесь должно было идти и шло быстрее, чем на Западе. Но произошло то, о чем говорил Ф. Энгельс – один из тех немногочисленных случаев в истории, когда закономерное поступательное экономическое развитие прерывается нашествием менее развитых завоевателей – в данном случае монголов, разрушивших производительные силы страны. Прошло полтора века. прежде чем Русь компенсировала этот экономический ущерб и на поле Куликовом смогла дать бой завоевателям и победить, пусть и неокончательно. Таким образом сформировалось наше отставание на 100–200 лет от спасенного Русью Запада. Последующее развитие, и, особенно, реформы Петра, назревшие, кстати, и робко начатые еще при его отце (а то, что они назрели доказывает хотя бы то, что Петр был поддержан большинством правящего класса), сокращали этот разрыв, но одновременно действовали факторы, препятствовавшие этому сокращению: 1. практически постоянные войны и нашествия завоевателей (даже крымские татары совершали набеги на Россию до конца ХУШ века); 2. огромное приращение территории привело к тому, что производительные силы расплылись, создавая кое-где «оазисы» промышленного производства; 3. недовольство существующим порядком вещей не аккумулировалось на ограниченном пространстве – в течение столетий недовольные своей судьбой угнетенные имели возможность уйти на окраины государства, т. е. крепостничество укреплялось, а те, кто не хотел нести на себе ярмо – возвышался над общим уровнем, потенциальные руководители протеста угнетенных – исчезали из сферы его влияния, но это исчезновение приводило к дальнейшему ужесточению крепостнических порядков. Ни одна из трех крестьянских войн не началась в центральных районах России, где угнетение было особенно сильным – каждая крестьянская война начиналась на окраине государства и застрельщиками их были свободные люди – казаки.

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org

Удивительно, правда, восстание против помещиков, господ начинали не угнетенные крестьяне, а не подвергающиеся этому гнету казаки. И ничего удивительного, если вспомнить, что казаки – это в значительной части бывшие крепостные. Абсолютистское государство во времена Петра централизованно создавало промышленность и это давало России большое преимущество перед Западом в смысле сроков и объемов, невиданных там, но довольно скоро – к концу XVIII века, феодальное государство, укрепившее свою власть, охраняющее крепостничество как свою классовую опору, закономерно стало тормозом развития. Все эти факторы вели к замедленному экономическому, социальному и политическому развитию и отставанию от Запада. Таким образом, не достигнув все же уровня Запада, мы уже начали опять отставать. Крепостная зависимость не только на земле, но и на заводах, отсутствие заинтересованности в результатах труда у непосредственных производителей – крестьян и рабочих, обрекали страну на это отставание.

Реформы 1861 и последующих годов были своевременны для России, для достигнутого ею уровня развития, но на общем европейском фоне она уже была далеко позади. Последующие полвека ничего не смогли изменить. Россия развивалась по капиталистическому пути, отягощенному к тому же неограниченной монархией и пережитками феодализма в промышленности и, особенно, в сельском хозяйстве, но продолжала отставать от Запада, который отнюдь не собирался топтаться на месте и поджидать соседку.

К первой мировой войне Россия подошла, отставая от Запада на порядок по всем параметрам от выплавки чугуна до народного образования. Более того, примерно половина акционерного капитала промышленности (а в важнейших отраслях еще больше – до 80 % и более) принадлежала иностранцам, не говоря уж о внешних долгах. Фактически в начале XX века Россия превратилась в полуколонию Запада – не формально-политически, а экономически, что гораздо неприятней, но и политика, в свою очередь, все больше подчинялась не национальным интересам, даже не интересам национальной буржуазии, а интересам международного капитала.

Война, абсолютно не нужная России, в которую ее вынудили вступить «выполняя союзнический долг» – чтобы отработать кровью русских солдат золотые займы, предоставленные францией и Англией, довела страну до крайности.

Монархия полностью дискредитировала себя в глазах народа, но не буржуазии, настолько сросшейся с царизмом, с феодальным государством, опекающим ее в качестве «старшего брата», что она не просто не могла, она не хотела брать всю власть в свои руки – самое большее она желала разделить политическую власть с царизмом, но была согласна даже на меньшее – заменить «неумного» царя на «умного», подкрасить фасад, кое-что убрать, но в общем, в принципе, ее устраивало существующее государственное устройство. Но в феврале 1917 года русская монархия перестала существовать, в чем русская буржуазия нисколько не виновата – она хотела всего лишь дворцового переворота. Власть свалилась на нее и погребла ее под собой. Хилые плечи русского капитализма не выдержали этой ноши. За восемь последующих месяцев русская буржуазия, кажется, сделала все, чтобы доказать своему народу, всему миру свое полное ничтожество. Даже перед реальной угрозой своей гибели она не смогла порвать с феодалами – передать землю крестьянам, что уж говорить о ее способности вывести страну из войны или осуществить минимальные демократические преобразования. С каким-то жалким убожеством обреченного русский капитал хапал обеими руками из государственной казны, которую не охраняла от него теперь даже полицейская сила царизма.

Русская буржуазия за период после февраля 1917 года доказала со всей возможной ясностью всем – народу, армии, феодалам, Западу, даже самой себе что она не может управлять страной.

Страна стояла перед выбором – вернуться к монархии или военной диктатуре дворян, что в принципе одно и то же, и стать полуколонией или даже настоящей колонией развитого Запада, а поскольку главный вопрос русских революций – земельный, при этом не решался, то рано или поздно все должно было начаться сначала или выжить как самостоятельная страна.

Были ли для этого условия?

Немногочисленный, но все же примерно равный буржуазии и дворянам вместе взятым, пролетариат имел мощную организацию – партию большевиков и был способен выполнить за буржуазию ее задачи по руководству и осуществлению

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
буржуазной революции при условии поддержки крестьянами. Передав им землю, пролетариат такую поддержку получил, на определенное время, точнее поддержку получила захватившая власть организация пролетариата на период, пока существовала угроза потери земли.

Было ли понимание того, что революция – буржуазная? «Конечно, пусть меньшевики и Отто Бауэр – представитель 2 1/2 Интернационала – кричат: „У них там буржуазная революция“, но мы говорим, что наша задача – буржуазную революцию довести до конца».

Твердившие о буржуазной революции меньшевики не понимали, что классическая буржуазная революция с буржуазией во главе – в России 1917 года – невозможна без мощной поддержки извне (как и в любой другой стране со слабой буржуазией в тогдашних условиях). Но частные капиталисты поняли, что в их интересах оказывать такую поддержку только десятилетия спустя после октября 1917 года и именно под влиянием Октября и его последствий. А поскольку государственный капитализм понял то же самое, то мы получили те международные отношения, которые сейчас имеем. Если где-то в третьем мире происходит революция, вызванная, естественно, прежде всего внутренними причинами, Запад, главным образом в лице США, пытается направить ход истории в сторону частного капитализма любыми способами – займами, интервенцией, поддержкой внутренней оппозиции, крича при этом о «руке Москвы», соответственно, новорожденная олигархия обращается за помощью к своему естественному союзнику – государственному капитализму и олигархии СССР.

«Мощную поддержку извне» России никто оказывать не собирался, наоборот, не понимая, что происходит ее рвали буквально на части.

Классическая буржуазная революция невозможна, потому что уже существуют все предпосылки для государственно-капиталистической революции. Новая революция сразу же отличается от прежней старой буржуазной – делая вынужденную, временную уступку самому многочисленному классу – крестьянам, передавая им землю, новый строй вместо поощрения частной собственности, объявляет ее собственностью государства, вместо установления ограниченной буржуазной демократии и личных свобод – ликвидирует их совсем.

Страна нуждается в концентрации власти и средств в одних руках и получает эту концентрацию.

Какой характер имела февральская революция? Буржуазный? Но ведь она прошла под руководством и фактически полностью была осуществлена пролетариатом и солдатами – народом. Народ создал новый социалистический орган власти по типу Парижской Коммуны – Советы. Значит – социалистическая? Но русский пролетариат не смог разрушить старую машину угнетения, более того, он уступил, передал власть буржуазии! Энгельс неоднократно говорил о том, что первым актом после взятия власти пролетариатом, т. е. после разрушения буржуазной машины угнетения, будет объявление государственной собственности на средства производства. Таким образом, в октябре 1917 года у русского пролетариата хватило сил только на этот акт, здесь и произошла естественная остановка. Русский пролетариат не мог, по причине своей слабости, осуществить социалистическую революцию, а русская буржуазия с космической скоростью доказала свое убожество. История в течение каких-то 8 месяцев доказала неприемлемость старого пути. И в развитие февральской революции происходит Октябрьская, но теперь уже события идут по другому – пролетариат, народ убирают старую буржуазия и ставят на ее место свою организацию революционеров. В. И. Ленин считал, что задачи Октября не ограничатся выполнением программы буржуазной революции. Он думал, что Октябрь сможет пойти дальше, раз «власть перешла к пролетариату». К сожалению, власть не перешла к пролетариату и не могла к нему перейти – ни в феврале, ни в Октябре. Власть перешла в руки организации, которая вынужденно выполняя задачи новой буржуазной революции, закономерно заняла вакантное место старой буржуазии. Почему «вынужденно» и «закономерно»? Потому что никому не дано нарушить объективные, открытые К. Марксом и Ф. Энгельсом, законы развития общества. Социалистическая революция не может произойти в полуфеодальной стране неграмотных крестьян, иначе весь мир наслаждался бы социализмом еще в ХУШ веке. Наша история только подтвердила это в очередной раз.

Для того, чтобы решить задачи буржуазного развития – прежде всего экономического, давно решенные Западом в другой исторической обстановке,

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
нужно было лишить старую буржуазную политическую власть и собственности и довести буржуазную частную собственность до высшей точки – превратить ее в собственность государственную. Но не общественную – здесь огромная разница, принципиальная. Отныне средствами производства и всеми жизненными средствами будет распоряжаться не класс частных капиталистов, а машина угнетения масс, государственный аппарат, вставший над всем остальным обществом. В этом была объективная экономическая потребность развития нашего общества.

Новый класс, пришедший к власти, владеет средствами производства и всеми жизненными средствами – совместно, объявляя их собственностью государства, сам же при этом государством и являясь (не страной-государством, а государственным аппаратом, аппаратом власти) и одно, собственностью, неотрывно от другого – аппарата власти.

Но сразу после революции новый класс еще не владеет всеми производительными силами общества, более того, чтобы удержаться у власти ему приходится передать большую часть этих средств классу мелких капиталистов крестьян. В результате после всех колебаний крестьяне поддержали новый строй, потому что на собственном опыте убедились – только он может защитить их от потери земли, больше того – бесплатно снабжали его хлебом и солдатами. Но Гражданская война кончилась, угроза потерять землю исчезла, а большевики гнули свое и крестьяне восстали. Антагонизм интересов нового класса, нового строя и крестьян выступил открыто. Новый класс стоял перед угрозой краха. Армия состояла из крестьян. Под руководством большевиков крестьяне воевали за свою землю против помещиков – против самих себя они воевать не хотели. Предложить в обмен на хлеб промышленные товары, новый правящий класс не мог – промышленность была разрушена либо бездействовала. Пришлось отступить и заменить продразверстку налогом. Начался нэп. Крестьянин получил то, чего хотел всегда и везде – землю и свободу распоряжаться плодами своего труда, а какая при этом власть – его мало интересует, главное, чтобы она была сильной и «был порядок».

Было ли понимание того, что НЭП это именно отступление перед превосходящими силами противника? «Новую политику мы начали строить совершенно по-новому, ни с чем старым не считаясь. И если бы мы ее строить не начали, то мы были бы разбиты в первые же месяцы, в первые же годы наголову. Но это не значит, что мы уперлись в то, что если мы начали ее с такой абсолютной смелостью, то мы непременно и будем так продолжать. Откуда это вытекает? Это ниоткуда не вытекает». «Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед, мы еще не знаем».

Страна лежала в руинах. Восстановление, тем более развитие промышленности, требует средств. Взять их было неоткуда – кроме народа, а народ в 1921 г. на 85 % – крестьяне. Именно поэтому сразу же с введением нэпа началась так называемая «советская политика цен» – завышенные цены на промышленные товары и заниженные на хлеб. Не зная брода большевики начали слишком ретиво проводить «советскую политику цен» и столкнулись в 1923 году с «кризисом сбыта». Им хотелось быстро, максимально быстро укрепить свое положение, но даже неграмотный крестьянин понимал, что в 1913 году он мог купить 5 аршин ситца за 1 пуд ржи, а в 1923 – только 1,5 аршина и отказывался брать промтовары по таким несусветным ценам. Пришлось опять отступить – страна, промышленность только-только начинали подниматься на ноги, ссориться с крестьянином было бессмысленно и опасно – и снизить цены на промтовары в среднем на треть. Перекачивание средств из сельского хозяйства в промышленность продолжилось, но в меньшем масштабе.

В 1923 году понижение цен на 1/3 отвечало рыночной конъюнктуре, в 1927/28, когда промышленность превзошла довоенный уровень, выпуск продукции увеличился в несколько раз по сравнению с 1923 годом и соответственно уменьшилась стоимость каждого отдельного изделия, эти цены перестали удовлетворять крестьянина. Снижение в течение 1927 года цен на промтовары на 10 %, к тому же объявленное «временной мерой», ничего не изменило и крестьянин «забастовал». К началу 1928 года государством было заготовлено 51,3 млн. центнеров хлеба вместо 70,2 млн. к началу 1927. Последовали «чрезвычайные меры хлебозаготовок». Уменьшение заготовки хлеба на треть, это не шутки нынешних «историков» и «экономистов», и Сталин сразу после съезда помчался по стране.

Необходимость этих мер понимали все и пусть с колебаниями – вызванными

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
вполне понятным страхом – «кризис сбыта» и особенно восстания 1920–21 гг. были весьма грозными воспоминаниями, но поддержали их тоже все, в том числе и Бухарин, и Рыков, и Томский и другие будущие «правые уклонисты» и «враги народа». Иначе стране, вернее городу и армии угрожало голод. В 1926/27 потребление хлеба городским населением было на 27 % больше, чем в 1913 г. В 1926/27 было заготовлено 116,4 миллиона центнеров хлеба. В результате «чрезвычайных мер» удалось в 1927/28 заготовить 110,3 миллиона центнеров, т. е. на 5,3 % меньше, чем в 1926 г., но реализовано на внутреннем рынке было 101,7 миллиона центнеров, т. е. на 28,8 % больше, чем в 1926/27, а экспорт хлеба к началу 1929 г. упал более чем в пять раз – до 0,8 миллиона центнеров, т. е. практически прекратился. Кроме того, осенью 1927 года сложилась благоприятная ситуация для продуктов животноводства и технических культур крестьяне выручили достаточно денег для удовлетворения своих потребностей. Сейчас кое-кто намекает, что у государства были хлебные резервы и вот, мол, нужно было выбросить их на свободный рынок и тем самым сбить цены на хлеб. Председатель Совнаркома Рыков поддержал «чрезвычайные меры хлебозаготовок», т. е. это косвенно подтверждает, что в действительности никаких резервов у государства не было. Их и не могло быть в той обстановке. Но мы все же не поверим Рыкову и обстановке. Предположим, что у государства все же были эти хлебные резервы и оно выбросило их на свободный рынок – цены падают (правда возникает вопрос какими резервами надо было обладать, чтобы сбить цены на рынке – ведь на снижение цен на промтовары на 10 %, т. е. на повышение цен на хлеб на 10 % крестьянин не отреагировал), но выручивший достаточно денег за мясо и лен крестьянин не будет продавать хлеба, он придержит его до тех пор пока цены не поднимутся до уровня, который окупит его затраты, в противном случае он просто разорится – ведь цены на хлеб уже были заниженными. Таким образом нынешние «мыслители», «болеющие» за крестьянина и НЭП просто-напросто предлагают своими нелепыми рецептами разорение крестьянства и подрыв сельского хозяйства страны того периода.

Но трудности с хлебозаготовками не были причиной, они не были даже поводом, предлогом для «выдуманной» Сталиным «сплошной коллективизации» и «раскулачивания». Они были всего лишь ударом колокола, сигналом для перехода в наступление нового строя. Понимание, что после завершения восстановления страны (1926 год) такое наступление – неизбежно, росло в правящем классе. Первым, кстати, об этом заговорил еще в октябре 1927 года, задолго до «хлебного кризиса» не кто иной как Бухарин. Такой резкий поворот официальной теории дал Троцкому повод для издевательств: «Сегодня – „Обогащайтесь!“, а завтра – „Долой кулака!“ Это легко говорить Бухарину. Он берется за перо – и готово, ему нечего терять».

Антагонизм интересов нового строя, нового правящего класса и класса крестьян, т. е. мелкой буржуазии был доказан давно и не только теоретически, а кровью восстаний 1920–21 гг. и червонцами кризиса сбыта 1923 г. 1928 год хлебный кризис и чрезвычайные меры хлебозаготовок стали пробой сил, предтечей коллективизации. Впервые правящий класс не отступил перед крестьянами, наоборот крестьянам пришлось отступить перед выросшей мощью нового класса и его государства. Но это было только начало.

Но ведь можно было повысить цены на хлеб или снизить на промтовары! Ну, развивались бы помедленнее, ведь предлагал же Бухарин «другой путь» сохранить существующий уровень капиталовложений, не сворачивать нэп?!

За 1929–33 годы в народное хозяйство по пятилетнему плану должно было быть вложено 64,5 миллиарда рублей, в 2,5 раза больше, чем за предшествующие пять лет. Предположим, что был принят «другой путь» Бухарина. Умножаем 5 лет на 2,5 и получаем... 1941 год. С чем бы мы его встретили? И где гарантии, что это был бы не 1941, а 1939 год, например?

При всех усилиях и жертвах, даже после завершения первой пятилетки страна продолжала отставать от развитых стран Запада, промышленность не могла еще обеспечить обороноспособность страны. Таким образом ясно – темпы роста промышленности должны были быть максимально высокими, на грани возможного, на грани срыва.

И все же, давайте не только встанем на точку зрения Бухарина и его единомышленников, но согласимся даже с невозможным – с тем, что не было Запада, не было Гитлера, не было 1941 года. Не будет «сталинской коллективизации». Чтобы получить хлеб у крестьянина понижаются цены на продукцию промышленности или, соответственно, повышаются закупочные цены на

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
хлеб. Поскольку на 10 % снижение он не отреагировал, их надо было снижать еще и еще – на сколько? крестьяне богатеют, усиливается социальная дифференциация на полях – кулаки богатеют, естественно, быстрее, чем середняки, а бедняки? Ну, а бедняки, понятно, беднеют. В 1927 году на территории СССР насчитывалось свыше 25 миллионов крестьянских хозяйств. Удельный вес кулацких хозяйств с 1924 по 1927 вырос с 3,3 до 3,9 %, середняцких с 61,1 до 62,7 %, бедняцких сократился с 25,9 до 22 %. Удельный вес батрацких хозяйств вырос с 9,7 до 11,3 %. В 1927 году 3,2 % хозяйств имело 16,1 % средств производства, в то же время 28,3 % хозяйств не имело рабочего скота и 31,6 % – пахотного инвентаря. Уже в конце 20-х годов эта тенденция, определилась и набирала силу. Что же мы получаем в результате, даже в такой тепличной обстановке? Большевики сами усиливали бы своего врага, и с каждым годом «бухаринского пути» их победа в неминуемо предстоящей схватке становилась бы все более и более проблематичной. По существу Бухарин предлагал (вряд ли всерьез – вообще человека, не имеющего твердых принципов трудно понять и еще труднее с ним спорить – сначала он призывает к борьбе с кулаком, потом шарахается назад, потом снова туда же – можно только гадать, когда он говорил всерьез, когда он просто боялся чего-то – второй Гражданской войны, Сталина и т. д., но все эти колебания получают объяснения в том случае, если мы примем версию, что эти его «колебания» были подчинены одной цели – свалить Сталина. Момент был действительно удобный – сразу после пятнадцатого съезда, призвавшего к медленному, осторожному развитию отношений с крестьянином, Сталин был вынужден выступить инициатором «чрезвычайных мер хлебозаготовок», т. е. формально нарушить решения съезда, которые еще просохнуть не успели. Для Троцкого, Зиновьева и Каменева такая политика уже кончилась крахом и, видимо, Бухарин решил воспользоваться удобным случаем, но он не понял и не учел одного существенного момента, разницы в выступлениях Троцкого и других и Сталина. Если эти трое по очереди и все вместе «лезли вперед батьки в пекло», то за Сталиным стояла простая экономическая необходимость, поэтому он был поддержан. всем правящим классом, а Бухарин и его соратники оказались за бортом истории) правящему классу поступить вопреки своим классовым интересам – затея заранее обреченная на провал. Кто сказал «а» тот должен говорить и «б» – свободная торговля и частная собственность в тех условиях шли рука об руку. В 1928 году 1/3 всех основных производственных фондов принадлежала частным собственникам – от крестьян до владельцев предприятий в городе. Рано или поздно наступает момент, всегда наступает, когда буржуазия начинает требовать власть. «Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения, так что в этом смысле, действительно, „последний и решительный бой“ не с международным капитализмом – там еще много будет „последних и решительных боев“ – нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить». «Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед». (Ленин имел ввиду, конечно, социализм – субъективно, для себя, но обстановка, жизнь вокруг столь отличалась от незбытых признаков социализма, что пусть подсознательно он не мог этого не заметить, и то небольшое, что он заметил, естественно, преломлялось у него в голове самым невероятным образом: в одном из своих последних выступлений на XI съезде он, например, завел речь о государственном капитализме... при социализме. Если допущение или оставление при определенных обстоятельствах частного капитализма в сферу торговли и частично производства – понятно и объяснимо, то совершенно непонятен и необъясним государственный капитализм при «власти пролетариата». Зачем пролетариату государственный капитализм? Ведь если власть политическая и экономическая у пролетариата, т. е. победила социалистическая революция, то на кой черт ему самому вводить государственный капитализм, т. е. эксплуатировать самого себя? Кроме того, что это нонсенс в политическом отношении, это еще и глупость в экономическом – ведь свободная ассоциация производителей при социализме более эффективна, чем даже частный капитализм, не говоря уж о госкапитализме, всегда экономически менее эффективным, т. е. получающем на единицу затрат меньший результат, чем частный капитализм).

Промышленность могла дать меньше половины необходимых средств для индустриализации. В случае понижения цен на ее продукцию до уровня, приемлемого для крестьян – не давала ничего, т. е. надо было бы отказаться не то, что от индустриализации, но и от роста промышленности вообще. Восстановленная промышленность, т. е. довоенная промышленность царской России производила только 1/5 часть необходимого для индустриализации

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
оборудования. Остальные 4/5 нужно было покупать у капиталистов. А главным источником валютных поступлений был хлеб. Но потребности в хлебе росли вместе с ростом промышленности и городского населения, а государственные заготовки – нет. Даже чрезвычайные меры позволили едва достигнуть прошлогоднего уровня. Экспорт хлеба в начале 1929 г. сошел на нет. Покупать станки, и не только станки – импорт черных металлов и изделий из них составил в 1929 г. – 381 тыс. т, в 1931–1703 тыс. т, в 1932 г. – 1040 тыс. т – было не на что. Нужно было взять хлеб у крестьян, но как? Ввести продразверстку? Восстания 1920–21 гг. и неудача чрезвычайных мер, спасших страну от голода, но не решивших хлебную проблему, закрывали этот путь. Повысить еще больше цены на продукцию промышленности? «Кризис сбыта» 1923 г. и «хлебный кризис» начала 1928 г. ясно показали, что и этот путь невозможен. Все это уже было и не удалось.

И в этот момент Сталин безо всякого преувеличения делает открытие. Товарность хлеба у середняков и бедняков – 11,2 %, а у малочисленных тогда колхозов и совхозов – 47,2 %! В четыре раза выше! В два с половиной раза выше, чем даже у кулаков! Вывод – для индустриализации нужна коллективизация.

Утверждают, что несмотря ни на что коллективизация была в конечном счете в интересах крестьянства, вот только проведена она была не так как нужно. С такой «логикой» можно далеко зайти – ведь и коммунизм в конечном счете в интересах всех людей, в том числе и капиталистов, что же это они не бегут сломя голову в коммунизм, выбрасывая по дороге из карманов ценные бумаги для ускорения? Попробовал бы кто-нибудь из нынешних умников заявить в 1929 году крестьянину, что отдать лошадь, корову, плуг, семена землю (национализированную, но переданную ему навечно, т. е. его, так он это и воспринимал) – в его же интересах, и не держа при этом руку на кобуре. Практически это означало экспроприацию крестьян как класса – не кулаков, а именно всех крестьян, ликвидацию крестьян как класса мелкой буржуазии, мелких собственников.

В 1927 г. в СССР было более 15 миллионов середняцких хозяйств кем был крестьянин-середняк в 1927 году? Он имел лошадь (часто не одну), корову (часто не одну), инвентарь и землю, то есть не отличался от кулака 1913 года, а если не наклеивать отечественных ярлыков, то это был уже совсем другой крестьянин, крестьянин-фермер. 15 миллионов фермерских хозяйств – это сила или нет? Не говоря уж о кулаках. Мог новый правящий класс чувствовать себя спокойно пока сохранялась эта сила, практически неподконтрольная ему и потенциально враждебная, что проявилось уже не единожды – в 1920–21, 1923 и 1928 гг.?

Таким образом – были экономические и политические причины для ликвидации крестьянства как класса.

В чем была необходимость индустриализации? О внешних причинах я уже говорил, но не они были главными. Индустриализация расширяла и укрепляла экономическую базу нового класса государственных капиталистов – это была главная и основная причина индустриализации, которая отнюдь не была плодом чьих-то идеальных размышлений – «а хорошо бы нам, братцы, индустриализацию провести!»

Индустриализация, коллективизация, вопрос существования нового строя это даже не клубок проблем, а единое целое. Все эти проблемы не решались порознь – только сразу, одновременно.

Как же можно было на практике осуществить коллективизацию? Именно коллективизацию, а не кооперацию! К 1929 г. в различных формах кооперации участвовало более половины крестьянских хозяйств. Речь шла не о кооперации, не о кооперировании, оно уже завершалось, а о экспроприации крестьян! Убеждениями? Уговорами? То что середняк, да что там середняк – даже бедняк, идти в колхоз не собирался, не теоретизирование – за десять послереволюционных лет в колхозы вступило...0,8 % крестьянских хозяйств. Все, кто хотел, в колхозы вступил. Таким образом, коллективизация действительно должна была занять «целую эпоху» как говорил Бухарин, так и не понявший до своего конца, что происходит (впрочем, не он один). Те 20 % хозяйств, которые намечено было «коллективизировать» по пятилетнему плану (этот план не давал ответа на главный вопрос – как загнать в колхозы даже эти 20 % – и почему именно 20, а не 15 или 31 %?) не решали проблему – ни хлебную, ни ликвидацию крестьянства как класса.

Экспроприацию крестьян нужно было провести насильственно и быстро. Вполне естественно, что такая политика должна была поставить и поставила страну перед угрозой гражданской войны – то, что классовая борьба вещь действительно серьезная, понималось тогда очень хорошо – отсюда и статья Сталина «Головокружение от успехов», после которой из колхозов вышло 2/3 загнанных в них крестьян. Но дело уже было сделано. Своим тактическим ходом Сталин выпустил пар из котла, когда крестьяне уже почувствовали в массе своей мощь нового класса и его государства и поняли бесперспективность борьбы. Конъюнктурность статьи Сталина понимали даже низы правящего класса некоторые райкомы официально принимали резолюции о неподчинении Центру и продолжении коллективизации «во что бы то ни стало».

Рабочий класс тоже не был на стороне крестьян. Экспроприация рабочего класса, как говорится, тоже имела место, но как известно со времен К. Маркса и Ф. Энгельса, экспроприация не уничтожает пролетариат как класс, а наоборот, усиливает его – развивает классовое сознание, увеличивает численность, т. е. индустриализация объективно готовила его к будущей социалистической революции. Кроме того, индустриализация отвечала и непосредственным интересам рабочего класса, ведь к началу 1929 года число только официально зарегистрированных безработных составило около 2 миллионов человек. Во время первой пятилетки численность рабочих увеличивалась ежегодно в среднем на 21 %.

Соотношение сил было явно не в пользу крестьянства. Против него были законы истории.

Упадок крестьянства как класса происходит во всех развитых странах. Конкретные исторические обстоятельства сложились так, что в России конца 20-х годов нашего века он должен был исчезнуть как класс с невероятной для частного капитализма быстротой. Для частного, но не государственного. Новый строй, государственный капитализм, ускоряет развитие отсталого общества во много раз за счет концентрации в одних руках всех производительных сил общества, да это и понятно, иначе ему бы не выжить в окружении передовых частно-капиталистических государств. Сам по себе государственный капитализм экономически менее эффективен, чем частный, но дело в том, что концентрируя ресурсы, каждая единица которых используется менее эффективно, особенно на последнем этапе его развития, чем при частном капитализме, за счет неимоверного ограбления народа, он может в начале своего развития, например, за четыре года увеличить, как это и произошло в 1929–32 гг. объем тяжелой промышленности в 2 раза при том, что трудящиеся не будут иметь простейших предметов потребления – более того, умирать с голода. Это совершенно немыслимо при частном капитализме с принципиально другой организацией экономической жизни. Количество переходит в качество, но поскольку чудес в природе не бывает, это всегда происходит за счет чего-то.

Коллективизация отнюдь не подорвала сельского хозяйства сразу, как сейчас утверждается. Это ложь. Она повлияла на животноводство, но земля родить не перестала и это доказывают не эмоции, а факты и цифры: урожай зерновых в миллионах центнеров – 1929 г. – 717, 1930 – 835, 1931 – 695, 1932 699, 1933 – 898; технические культуры: сахарная свекла – 62,5; 140,2; 120,5; 65,6; 90,0; лен – 3,6; 4,4; 5,5; 5,0; 5,6; хлопок – 8,6; 11,1; 12,9; 12,7; 13,2; и так далее.

Во время коллективизации государственные заготовки хлеба подскочили вдвое. Хлеба было больше, чем достаточно, чтобы накормить всю страну, в том числе и крестьян и без всяких карточек, но он был главной статьей экспорта, его меняли на станки, металл и т. д., также как лес, нефть и пр. Но как я уже говорил хлеб был тогда главной статьей экспорта, а кроме того, если человека можно держать впроголодь и даже морить голодом часть народа, то в двигатель воду не зальешь и завод из воздуха не построишь.

На глазах умирающих от голода людей пароходы грузили зерном, мясом (тоже, кстати, не последняя причина убыли поголовья скота вдвое за годы первой пятилетки, вопреки распространенному мнению, что во всем виноваты крестьяне, забивавшие скот, чтобы не вести его в колхозы) и отправляли на растленный Запад, над которым вот-вот должна была заняться заря «мировой революции».

Жестоко? Еще как. Негуманно? Конечно. Но на мировом рынке гуманизм ничего не стоит, а само это понятие «гуманизм» совершенно чуждо новому отрою. А

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
если учесть, что в это же самое время на Западе пшеницу сжигали в паровозных топках и представить себе по каким бросовым ценам продавали наш хлеб за границу и сколько его было нужно, чтобы назад теми же пароходами везти десятки тысяч станков и сотни тысяч тонн стали, то становится ясно последнему дураку, почему был неизбежен голод в 1933 году, о карточках, введенных в 1928 году на Украине, житнице государства и в 1929 году по всей стране я уж не говорю.

Сразу после завершения индустриализации и коллективизации, когда уже не стало классовых противников внутри страны, борьба с которыми поневоле сплывала весь правящий класс, началась борьба за власть внутри правящего класса. Борьба внутри правящего класса шла и до этого, но ей не давали развернуться в полную силу три обстоятельства – первое и главное: наличие опасных классовых противников, второе – в правящем классе еще не было единого мнения в вопросе о том, как и куда должна идти страна и третье обстоятельство – новое, второе поколение правящего класса в двадцатые годы еще только появилось и оформлялось. Робкие, нерешительные схватки после которых кого-то ссылали, арестовывали, потом выпускали, восстанавливали в партии, а человека, по существу, выступившего открыто с отрицанием социалистического характера нового строя – Троцкого – всего-навсего выслали за границу, да и то после нескольких лет колебаний, хотя простой смертный за такие речи и действия скоро увидел бы по меньшей мере вечную мерзлоту, постепенно уступали место решительным действиям. К 17 съезду (1934 год) в правящем классе кроме старой, основной группировки, сосредоточившей в своих руках всю власть, сформировалась новая, численно во много раз превосходящая старую группировка правящего класса – по существу новое поколение правящего класса. Несмотря на свое превосходство у них было пока мало реальных шансов подняться высоко – не потому что их не пускали, а потому что места уже были заняты «ленинской гвардией», которая не собиралась никуда уходить. Но в начале тридцатых годов старая группировка оказалась расколотой – на Сталина и его ближайшее окружение, сосредоточивших в своих руках верховную власть и на основную массу «стариков», недовольных тем, что им отводится роль безропотных исполнителей – их политическая культура уже безнадежно не отвечала потребностям нового общества. Зато новое поколение такие порядки вполне устраивали – оно выросло и воспиталось на них. Кроме того, «молодые», прошедшие школу раскулачивания, сплошной коллективизации, индустриализации, в которых были непосредственными исполнителями, в результате уже не были обременены вообще никакими моральными устоями. Таким образом «ленинская гвардия» оказалась зажата между молотом и наковальней и не имела никаких шансов на успех. История обрекла их на смерть, также как совсем недавно они обрекли на смерть от голода миллионы людей. «Бой», который эти люди дали Сталину на 17 съезде, рукоплещая ему, а затем опуская бюллетени против его избрания в ЦК, был столь робким, столь трусливым, что не мог вызвать ничего кроме презрения. Убийство Кирова послужило сигналом к началу репрессий. Сталин встал во главе «молодых», что было более, чем естественным – эти люди уже видели в нем своего испытанного вождя, квинтэссенцию их наихудших (с общечеловеческой точки зрения) качеств. Логика исторического развития нового строя неумолимо вела к тому, что именно такой человек как Сталин и должен был встать во главе этого строя, окончательно победившего к 1937 году.

Ничто в истории не проходит безнаказанно – жестокость к противникам, особенно во время Гражданской войны и коллективизации (часто вынужденная, но не всегда) – в конце концов была перенесена на своих. Привыкшие к одной мере воздействия на классовых противников – ставить к стенке, в соответствии с заветами «дедушки Ленина», они точно также расправились со своими «братьями по классу».

Ожесточенная борьба за власть и последовавшее затем уничтожение побежденных, не могли не затронуть и низы. Террор необходим для существования государственного капитализма, он присущ ему органически просто открытый террор на первой фазе развития в дальнейшем переходит из физического в духовный, но потенциально он всегда готов к жестокой расправе – достаточно вспомнить расстрелы польских рабочих на Балтийском побережье и, видимо, последний акт, последняя попытка этого террора произойдет непосредственно перед социалистической революцией. Кроме объективной потребности нового строя в подавлении, запугивании масс, «средние», «маленькие» и «совсем крошечные» Сталины справляли кровавый бал и, пользуясь благоприятной обстановкой, посылали на смерть простых людей, не имеющих вообще никакого отношения к происходящему, кроме самого факта своего существования – посылали ради повышения по службе, ордена, путевки в

Укрепившей, как ей кажется, окончательно и навсегда свое положение группировке, ставшей представительницей всего класса, так как соперники были физически уничтожены и их места заняты, уже ни к чему такие вакханалии насилия против самой себя и поэтому в таких масштабах их больше не будет. Ленинградское дело не идет ни в какое сравнение с 1937–38 годом – так, дружеское выяснение отношений.

Страна не могла выбирать, но представляя чисто умозрительно «альтернативы», приходится признать, что встретить 1941 год со Сталиным, промышленностью и репрессиями было предпочтительней, чем с Бухариным, без промышленности и (весьма проблематично) без репрессий.

Здесь не место подробно обсуждать почему Гитлер пришел к власти в Германии, хотя главные черты режимов в Германии и СССР своим подозрительным сходством невольно наталкивают на мысль, что при определенных условиях буржуазия, частный капитализм могут отказаться от значительной части атрибутов (существенных атрибутов) частного капитализма в пользу государственного капитализма. Они-то, естественно, делают это временно, с конечной целью спасения частного капитализма, другое дело, чем бы это закончилось в действительности – к концу войны по существу сформировавшийся новый правящий класс в лице нацистов перешел к репрессиям против тех, кто в свое время привел их к власти.

Как бы там ни было, в 1933 году Гитлер пришел к власти в Германии, занимавшей по уровню развития первое место в Европе и второе в мире. И сразу же начал на этой основе развивать военную промышленность. Мы догнали Германию только в 1937 году. Эти 3–4 года – стратегическая разница наших положений перед войной. В 1944 году никакой Гитлер просто не посмел бы на нас напасть. И Гитлер, кстати, это отлично понимал. Репрессии против командного состава армии сыграли определенную роль в наших неудачах, но не решающую. Здесь снова нужно сказать о том, что неподготовленность к войне зависела еще и принципиально от природы строя, разделившего страну на кучку олигархов и весь народ. До тех пор, пока шла война олигархий, менее подготовленная олигархия проигрывала, но когда началась война национальная, дело пошло по-другому. И дело тут не в приказе № 227 или «руководящей и организующей» роли партии, а в народе. Медленное перевооружение армии было следствием нашего отставания в промышленности. Стратегической ошибкой Сталина была отнюдь не его ошибка в сроке начала войны, тем более не неверие в то, что она начнется со дня на день, действительной стратегической ошибкой Сталина и всей правящей верхушки (но его в первую очередь) было то, что в 1939–41 гг. он тратил на оборону 30–40 % бюджета, а надо было 80 %, не считаясь ни с кем и ни с чем. Ему же хотелось продемонстрировать народу успехи своей политики – на этот раз ему не хватило ни ума, ни воли, чтобы понять действительные, глубинные потребности страны. Это его ошибка, но не просто ошибка, а ошибка корыстная – он поставил свои личные интересы выше национальных, и это его единственное действительно историческое, а не моральное преступление перед народом и страной, за которое ему не может быть прощения даже с точки зрения объективного хода истории.

В сороковых – начале пятидесятых годов формируется новое поколение «борцов за идеалы справедливости» и поскольку смена поколений при госкапитализме не может происходить вполне мирно и ненасильственно, как в частно-капиталистическом обществе (естественно, что частная собственность от отца к сыну переходит более или менее мирно, но частно-капиталистическое общество устроено так, что собственность это еще не вся власть, вернее, это как бы неоформленная до конца власть, неосвященная – за непосредственную государственную власть группировки частных капиталистов грызутся постоянно, причем здесь дело доходит до прямого физического уничтожения соперников, примеры чего, я думаю, приводить не нужно; иное дело государственный капитализм – ни собственность на средства производства, ни власть объединенные в единое целое – не наследуются автоматически, их нужно добиться; первое поколение нового класса добивалось власти в огне боев, второе – шагая через трупы умирающих от голода миллионов и по крови «своих товарищей», последующие – интригами и подлостью. Сталин исподволь начал готовиться к тому, чтобы снова встать во главе теперь уже третьего поколения. Он отдаляет старых преданных Молотова, Маленкова и др., а «дело врачей», по-видимому, было подготовкой, первой фазой нового «1937 года». Но вмешалась смерть.

Переход власти в руки нового поколения был неизбежен, но ни «старики», ни «молодые» уже не хотели устраивать «варфоломеевскую ночь» побежденным, ведь заранее неизвестно, кто именно окажется побежденным, а прежних энергии, напора и наглой безоглядности уже не было ни у тех, ни у других. Сталин умер вовремя, он исчерпал себя и был никому не нужен со своей старомодной кровожадностью. «Новая буржуазия» обростала жирком самодовольства и постепенно главным для нее становилось стремление к спокойной, размеренной жизни, что обещало в будущем эпоху компромиссов. Так и случилось – старое и новое поколения правящего класса сравнительно мирно разделили власть, что, понятно не исключало периодических схваток, вроде «антипартийной группировки» и октября 1964 года.

А прежних напора и энергии и не должно уже было быть. Первый период развития госкапитализма – период стремительного взлета, окончился, наступил второй – спокойный, самый благополучный и самый краткий период стабилизация. Промышленность не рвется к небесам, но и не катится под гору, развивается устойчиво и сравнительно высокими темпами. На этой основе впервые появляется возможность дать кое-что и народу, живущему в бараках и землянках, тем более, что это просто необходимо из чувства самосохранения, ведь новый строй существует не в безвоздушной пространстве, а в развивающемся и стремительно меняющемся мире. Кажется, что «разоблачение культа» не в интересах правящего класса, но если вспомнить, что нельзя бесконечно повышать давление пара в котле – это рано или поздно кончается взрывом, куда безопасней выпустить пар, если учесть, что сам факт репрессий народу и так был известен, то издержки заключались всего лишь в публичном развенчании «великого вождя», но его-то как раз и не последовало, да и не могло последовать в полной мере. Доклад Хрущева был прочитан делегатам съезда с пониманием того, что, естественно, правящий класс не отделен китайской стеной от остального народа – сам факт признаний станет известен, но только факт (не зря СССР – единственная страна в мире, где до сих пор этот доклад не опубликован), а народу уже было заготовлено «объяснение» в виде постановления ЦК 1956 года. Все грехи, беды, печальную необходимость все свалили на «банду Берии» и частично, за то, что допустил – на покойника, оставив за кадром вопрос о том, где была и чем занималась в те времена «ленинская гвардия» и сами «разоблачители». Таким образом, при минимальных издержках, правящий класс еще и страховал себя на будущее от повторения 1937 года, не понимая, что это уже невозможно.

В 60-х годах начался последний период госкапитализма – упадок.

Авантюрист, увлекшийся «разоблачением культа» и метаниями из одной крайности в другую, оказался ненужным собственному классу, который уже слышал как стучит в дверь своим увесистым кулаком пролетариат, и больше всего хотел спокойно наслаждаться жизнью перед инстинктивно предчувствуемым концом.

«Второе издание» «разоблачения культа», «сталинизма» – объясняется тем, что стоящему на краю гибели правящему классу нужно «очиститься» от коллективизации, раскулачивания, голода, репрессий, чудовищных потерь войны, а это возможно только одним путем – пожертвовав Сталиным совсем, без остатка, представив дело таким образом, будто все это было не объективной необходимостью государственного капитализма, а «извращениями социализма». Одновременно творится миф о «другом пути» Бухарина. Что это был за «путь» народ не знает, а пока разберется – глядишь еще лет двадцать пройдет, а как известно – «после нас хоть потоп». Но отвела ли экономика, заваливающаяся в пропасть, им эти двадцать лет?

В 1956 году такой резкий поворот был невозможен – ведь тогда получилось бы, что не только мертвые Киров, Орджоникидзе, Куйбышев, Рудзутак и все остальные, но и живые Хрущев, Брежнев и прочие – тоже боролись каждый на своем месте против этого самого «другого» «светлого» «пути». Другое дело сейчас – когда нынешнее поколение правящего класса в силу просто своего возраста не имеет ко всем этим передрыгам никакого отношения, а новое поколение эксплуатируемых ничего этого не видело.

Гигантски развитые государственным капитализмом производительные силы перестали соответствовать производственным отношениям, объективным свидетельством чего явилось падение темпов роста, стагнация, а затем и катастрофическое отставание в новейших (да и всех остальных) отраслях промышленности и низкое качество продукции.

Никакие реформы, не затрагивающие классовых основ строя, не способны кардинально решить вопрос. Именно в этом заключается объяснение «пробуксовки» перестройки и ее неминуемого итога.

Политика «перестройки» – это агония правящего класса. Крики слабонервных о том, что если перестройка не удастся – «страна погибнет», не имеют под собой реальной основы – не нужно отождествлять социальную гибель сравнительно немногочисленного класса и всей страны. Впрочем, так было всегда – сходящий с исторической арены класс предрекал гибель всего мира вместе с ним – никак не меньше, и эти настроения захватывают даже часть эксплуатируемых.

Ни один класс добровольно от власти не отказывался и проблему несоответствия выросших производительных сил старым производственным отношениям должна будет решить СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!

2. Производственные отношения

В производственных отношениях нет ничего принципиально нового – это те же капиталистические отношения эксплуатации наемного труда, только вместо многих частных капиталистов выступает один – государство-олигархия, а отсюда все особенности государственного капитализма. «Сконцентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные мощные рычаги производства – такова как раз и была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы – буржуазии».

Организация производства в каждой стране госкапитализма в разные времена имела и имеет свои особенности, но это несущественные, формальные различия. Суть госкапиталистической организации экономики и, соответственно, политической власти – в централизации. Это огромное преимущество госкапитализма перед частным капитализмом, и в то же время его главный недостаток, самое уязвимое место. Преимущество в том, что госкапитализм имеет возможность сосредотачивать все силы и средства страны (за счет других участников экономики и, прежде всего, конечно, за счет народа – это основа всего госкапитализма) – на каком-нибудь одном участке, а ценой величайшего напряжения сил и ограбления масс, возможного только при госкапитализме – на нескольких. Причем это сосредоточение в силу самой природы госкапитализма может дать сколько-нибудь значительный эффект только в первый, начальный период развития госкапитализма и ценой огромных непроизводительных затрат, ибо недостаток его в том, диалектически, как общее явление централизация всегда должна выступать и в действительности выступает в соединении с децентрализацией. И если при социализме децентрализация в соединении с централизацией будет благом, ибо будет понята необходимость и неизбежность такового соединения, то при госкапитализме децентрализация принимает абсолютно уродливые формы, т. к. она вынуждена пробивать себе дорогу, а это приводит к хаосу, который все усиливается по мере упадка госкапитализма и постепенной утери им возможности противостоять этой тенденции.

Если в период первой пятилетки можно было говорить всерьез о существовании централизма и плановости, несмотря на все издержки и провалы, то сейчас экономика в СССР только по видимости централизованная, плановая, на самом же деле произошло, как говорят философы на своем жаргоне, снятие и централизация-плановость обратилась в децентрализацию-хаос, потому что у правящего класса нет экономических рычагов управления экономикой, а внеэкономические на данном этапе уже не действуют.

Сотни министерств, комитетов, тысячи, десятки тысяч трестов, управлений, объединений – все они «руководят» непосредственными производителями – заводами, фабриками и т. д. Понятно, что при таком «централизованном» руководстве, которое не оживляется никаким материальным интересом на всех уровнях – от рабочего до министра, зависящим от экономических конечных результатов труда, когда рабочему, директору, инженеру и т. д. безразличен этот конечный результат их труда, т. е. найдет их продукция применение или нет – может родиться только одно – хаос.

Символом бессилия олигархии остановить катящуюся к пропасти машину экономики стало образование все новых министерств, затем «реорганизация» министерств и бесконечное образование все новых и новых органов управления

Трескотня вокруг «экономической реформы» 1965 года, на гребне которой пришло к власти предыдущее поколение олигархии, свелась к тому, что слово «главк» заменили словом «объединение». Можно было бы подумать, что это всего лишь глупость – воображать, что можно решить экономические проблемы с помощью смены таблички на дверях, но это не совсем так, потому что это единственная оставшаяся сейчас у олигархии возможность «влиять» на экономику. И во всяком случае такой подход к делу еще одно свидетельство загнивания государственного капитализма.

Естественно, что когда общественно-экономическая формация клонится к закату, ее не спасти никакими реформами (кроме таких, которые меняют ее суть. т. е. делают другой формацией на основе достигнутого прежней формацией экономического развития, но это уже не реформы, а революция, хотя бы и мирная, но дело в том, что в истории человечества таких мирных революций не было), но здесь важен вопрос как и какие реформы проводятся, потому что если спасти умирающий строй нельзя, то можно оттянуть его гибель, и во всяком случае хотя бы попытаться это сделать. И вот здесь уже важна степень ума или глупости господствующего класса, его способности отказаться от части ради спасения целого. Способен ли в принципе на реформы госкапитализм?

Госкапитализм кроме всего прочего отличается тем, что если частному капитализму нужны умные, изворотливые, энергичные люди – и политические и экономические деятели – в каждый момент его существования (ведь если у капиталиста или его управляющего не будет этих качеств дело кончится разорением), то госкапитализму нужны тупые исполнители – безотносительно к их личным потенциальным качествам, что же касается самой олигархии, то в нее, естественно, пробираются не самые умные, самые талантливые или честные люди, а те, у кого крепче локти и резиновая совесть, кто не постесняется утопить друга в луже грязи, в трудный момент исподтишка нанести подлый удар в спину, кто поддержит любое преступление «высших». Десятилетия такого отбора, такой жизни, такого поведения не могут пройти бесследно и не проходят.

В условиях государственного капитализма, когда Центр руководит, распределяет все и вся – в то же время этот «Центр», эти «министерства и ведомства» не имеют никакой материальной заинтересованности в результатах своего труда и труда своих «подопечных». Это поразительно, дико, глупо, но это так. Не знаю какой «гений» из «плеяды вождей» установил это, но работники центрального аппарата, учреждений, от которых все зависит и все зависит, ничего, кроме твердого оклада, ставки которого не изменятся десятилетиями, не получают – как бы они ни работали – хорошо или плохо. Какое им дело до эффективности, производительности труда и т. п.? Они-то все равно получают свой оклад, хоть трава не расти.

Единственное, на чем держится машина управления – на страхе перед наказанием, т. е. фактически управление строится на внеэкономическом принуждении, а это как известно самый неэффективный способ управления. Разумеется никакая премия не спасет там, где уже ничто не может помочь. Абсолютная незаинтересованность (если исключить «заинтересованность», когда человеку предлагают на выбор – выполнить план «любой ценой» или сдать партийный билет, а сдать партийный билет в советских условиях это значит поставить крест на своей карьере, ведет к бюрократизации, т. е. равнодушию и бездеятельности, очковтирательству, страх ведет к безответственности и...заинтересованности, но своеобразной, госкапиталистической, заключающейся в желании любой ценой уйти от возможного наказания – что порождает разнообразные виды социальной мимикрии, при которой невозможно найти конкретного виновника. Впрочем, это вообще существенная, присущая госкапитализму черта – обезличивание, деперсонализация.

Внизу то же самое и даже хуже, так как, подвергаясь куда более во всех смыслах сильной эксплуатации, рабочие и отвечают на нее сильнее и куда острее, чем служащие. Здесь и премии не помогают, превратившись в часть зарплат, потому что, находясь в постоянном экономическом цейтноте, олигархия, как это ни парадоксально, теперь сама объективно не заинтересована в повышении производительности труда, увеличении объема производства, что вызвано проблемой постоянно возрастающей в обращении денежной массы, ничем не обеспеченной, т. к. увеличение производительности труда в условиях госкапитализма периода упадка ведет всего лишь к

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
увеличению выпуска никому не нужных вещей – какой смысл производить вместо 100 пар туфель 200, если прежние 100 никто не покупает из-за их ужасающего качества?

Бесконечные призывы к повышению производительности труда, эффективности производства – явная сторона, тайная – повышение цен, увеличение производства водки либо повышение на нее цен, т. к. олигархия уже, по-видимому, достигла физических пределов производства спиртных напитков больше народ просто не в состоянии выпить.

3. Эксплуатация трудящихся

фактически, олигархия и весь правящий класс, также как при рабовладельческом строе, присваивают себе весь прибавочный продукт или, точнее, безраздельно распоряжаются им. Если же учесть, что по сути и личной свободой человек не обладает при этом строе, то аналогия с рабовладением будет полной.

Поскольку олигархия госкапитализма сравнительно малочисленна – всего несколько тысяч человек вместе с членами семей (а если брать высшую часть олигархии – элиту элит, обладающую верховной властью, то число это сокращается до нескольких десятков человек), то абсолютно она тратит на свои нужды сравнительно немного (также как частный капиталист тратит на свои нужды обычно меньшую часть полученной им прибыли), но если сравнить численность олигархии и всего народа и долю национального дохода, присваиваемую олигархией, с тем, что достается народу, то окажется, что каждый олигарх получает в сотни раз больше, чем рабочий, крестьянин или рядовой служащий. Средний и низший слои правящего класса, соответственно, в совокупности используют большую часть национального дохода, чем олигархия, но на каждого, понятно, приходится меньше.

Общую численность правящего класса в СССР я оцениваю в 3–5 миллионов человек.

Рядовые члены партии являются не только обманутыми демагогией правящего класса, но еще и дойными коровами. Средний личный доход члена олигархии денежный, а главное в виде различного бесплатного обслуживания и жилья – во столько раз больше, чем у рядового труженика, во сколько и не снилось частному капиталисту на Западе, «...считается само собой разумеющимся, что каждая политическая партия (только у рабочих должно быть по-иному!) так или иначе оплачивает своих агентов деньгами или вознаграждает их должностями... Эти господа практикуют все то, против чего необходимо предостерегать рабочих».

В отчете так называемой Центральной ревизионной комиссии 26 съезду КПСС, также как на многих других съездах, не нашлось места для цифр. Комиссия, задача которой следить за финансами партии, не приводит даже цифры полученных членских взносов! «Доходная часть партийного бюджета складывается из поступлений членских взносов, отчислений от прибылей партийных издательств и прочих поступлений. Удельный вес членских взносов в среднем за год составлял две трети доходов партбюджета. За отчетный период доходная часть партийного бюджета значительно увеличилась как за счет поступлений членских партийных взносов, так и за счет издательской деятельности партии». Подумать только «значительно увеличилась» – какая превосходная «финансистская» формулировка! Почему бы не сказать «мал-мала побольше стала» – тоже красиво. «Наша партия располагает большими денежными и материальными ресурсами, которые направляются на содержание партийных органов, проведение ими организационной, пропагандистской и политической работы, подготовку кадров, на хозяйственные и другие мероприятия. Все эти расходы покрываются собственными средствами партии, без какой-либо дотации из государственного бюджета». А с какой стати народ должен оплачивать вашу роскошную жизнь? Нашли чем хвалиться, тем более, что это наглая лож хотя бы потому, что большинство членов олигархии одновременно с партийными занимают и государственные посты – и сколько они тратят на себя, во сколько обходятся народу роскошные лимузины, загородные виллы и дворцы у теплых морей, мы можем только догадываться. «Я никогда не скрывал, что, на мой взгляд, массы в Германии гораздо лучше, чем господа вожди, особенно с тех пор, как партия, благодаря прессе и агитации сделалась для этих вождей дойной коровой снабжавшей их маслом, и вдруг Бисмарк и буржуазия эту корову прирезали».

У олигархии свои магазины, свои фабрики и заводы, которые изготавливают продукцию специально и только для олигархии – «чайки» и «зилы», пища и одежда, мебель и т. д., а за границей на валюту олигархия приобретает для себя то, что не производится в «социалистическом общенародном государстве».

Олигархия полностью «автономизировала» себя от общества, от народа. Тем хуже для нее.

Если в частно-капиталистическом обществе есть магазины для миллионеров, единственным препятствием для проникновения в которые являются деньги, то в «сферу обслуживания» олигархии не помогут проникнуть никакие деньги олигархия как зеницу ока охраняет свой желудок и тайну насыщения своего желудка. «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домом вырастает дворец, то домик съезживается до размера жалкой хижины. Теперь малые размеры домика свидетельствуют о том, что его обитатель совершенно нетребователен или весьма скромен в своих требованиях; и как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все более неудовлетворительно, все более принижено. Сколько-нибудь заметное увеличение заработной платы предполагает быстрый рост производительного капитала, быстрый рост производительного капитала вызывает столь же быстрое возрастание богатства, роскоши, общественных потребностей и общественных наслаждений. Таким образом, хотя доступные рабочему наслаждения возросли, однако то общественное удовлетворение, которое они доставляют, уменьшилось по сравнению с увеличивающимися наслаждениями капиталиста, которые рабочему недоступны, и вообще по сравнению с уровнем развития общества. Наши потребности и наслаждения порождаются обществом, поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения. Так как наши потребности и наслаждения носят общественный характер, они относительны».

Стоя на краю гибели, новое поколение правящего класса оказалось перед выбором – отказаться от части во имя сохранения целого или продолжать тупо идти к обрыву. Будучи более образованными людьми, чем предшествующее поколение, они наконец-то поняли, что «свобода слова», ограниченная, конечно, рамками «социалистического плюрализма» не так уж и опасна, более того – полезна, ибо выпускает пар из котла. Встав перед необходимостью убрать наиболее одиозные порождения системы, олигархия закрывает валютные магазины, но... оставляет тем же людям возможность покупать определенные товары за валюту не в магазинах, открытых взгляду любого прохожего, а в тиши «Внешторгбанка», куда взгляд постороннего не проникает. Понимая, что нижний слой правящего класса – директора заводов, секретари райкомов и т. д. безнадежно отстал, ибо представлен предыдущим поколением, олигархия встала перед проблемой исчезновения этого слоя – но как? Сделать то, что сделал в 1937–38 гг. Сталин невозможно, но избавиться от них нужно, нужна свежая кровь жилам правящего класса. И как будто бы был найден выход – конкурс, выборы пусть в правящий класс придут действительно наиболее энергичные, изворотливые, умные. Так-то это так, но кое-что было как всегда упущено из виду. «Демократизируясь» и оставляя привилегии только себе и лишая их средний и, особенно, низший слой, олигархия до предела сужает свою социальную базу. На первый взгляд кажется, что это не так, какая разница будет получать директор завода «паек» в закрытом распределителе или зарплату в несколько раз большую? Но все дело в том, что раньше он получал свой паек, свою зарплату независимо от реальных результатов работы, а теперь, чтобы получить только зарплату, он должен добиться, чтобы завод нормально работал. Но и этого мало – ведь на полученные деньги нужно иметь возможность что-то купить, значит нужно добиться, чтобы завод хорошо работал. И как раз в этот момент этот человек становится потенциальным экономическим противником существующего строя, а затем и политическим – ибо ни экономическая, ни политическая структура общества не дают и не дадут ему возможности хорошо работать. Отдельные личности в виде исключения могут это делать – они делали это во все времена и в любых условиях, но речь идет о сотнях тысяч людей, фундаменте государственного капитализма, который олигархия, не ведая, что творит, разбивает отбойными молотками. Ну, вот мы и вернулись к тому, с чего начали – олигархии приходится это делать, потому что у нее нет другого выхода. Но она начинает чувствовать всю опасность происходящего, отсюда метания из стороны в сторону, начавшиеся разговоры о том, что выборы руководителей – это не так уж и хорошо и т. д. и т. п.

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
 Олигархия не может не прислушиваться к нижнему слою правящего класса, который попал в весьма трудное положение – не имея возможности достигнуть успехов в работе, они оказываются перед угрозой смены на следующих выборах – ведь это в первый раз можно было под флагом «демократии» навязать трудящимся тех, кого было нужно, удастся ли это во второй раз – очень проблематично.

Что можно сказать о государстве, обществе, которое на восьмом десятилетии своего существования, добившись огромных успехов в развитии промышленности, первым запустив спутник, распределяет среди «наиболее отличившихся» товары повседневного спроса, а продукты питания в большинстве районов страны – по карточкам?

Госкапитализм не в состоянии удовлетворить ни одной потребности народа, ни материальной, ни духовной – от правды и книг до туалетной бумаги и автомобилей.

Он действительно не может их удовлетворить.

Из такого положения естественно вытекают естественные последствия: воровство, взяточничество, спекуляция. Тоже своеобразные способы распределения в «реальном социализме». Все эти три «прекрасных социалистических» явления расцветают с каждым годом все пышнее. Человек вынужден приспосабливаться и он приспосабливается. Я не знаю размеров хищений, их никто не знает, даже те, кто думает, что знает, но, во всяком случае, счет идет на десятки миллиардов. И в этом нет ничего удивительного как относятся к человеку, так он и отвечает. Жаль только, что это здорово развращает людей, а от крепко засевших привычек будет трудно избавляться даже тогда, когда исчезнут социальные корни этих явлений.

Эксплуатация рабочих промышленности СССР

Показатели 1965 1970 1975 1976 1977 1978 1979

Численность рабочих млн. промышленности чел. 22,6 25,6 27,0 28,1 28,0 28,9 29,2

Национальный доход, млрд. созданный в промыш. руб. 100 148 191 200 207 216 220?

Годовая зарплата рабочих промышл-ти 27,4 40,2 53,1 56,6 58,8 61,0 63,1

Среднемесячная зарплата рабочего промышл. руб. 101 131 161 168 172 176 180

Доля рабочих пром. в млрд. общ. фондах потреблен. руб. 12,3 18,1 24,2 25,7 26,7 28,1 29,1

Объем производства этилового спирта млн. декалитр. 236 300 539 566 602 638 665

цена 1 дл спирта рублей 4,7 4,7 4,7 4,7 4,7 4,7 4,7

Потребление спирта на душу населения литров 10,2 12,4 21,3 22,1 23,3 24,5 25,3

в пересчете на водку 0,5 л 49 60 102 106 112 118 121

цена 0,5 л водки руб. 3 3 4 4 4 4 4,5

Общая пена водки млрд. руб. 34 43 103 109 116 122 144 Бюджет СССР 102 157 219 232 248 266 282

Доля доходов от водки в госуларст. бюджете % 33,2 27,4 47,1 46,9 46,8 45,9 51,2

Розничный товарооборот млрд. руб. 105 155 210 220 231 241 254

Доля доходов от водки в рознич. товарообор. % 33,1 27,7 49,0 49,5 50,3 50.6 56,7

Цена водки, оплачиваемая рабочими промышлен. млрд. руб. 10,0 12,2 27,7 29,4 31,1 32,3 38,0

Налоги, выплачиваемые рабочими промышлен. 2,7 4,0 5,3 5,6 5,9 6,1 6,3

Остаток зарплаты рабочих промышлен. 14,7 24,0 20,1 21,5 21,5 22,6 18,8

Остаток зарплаты раб. с учетом монопольных цен 7,4 12,0 10,0 10,8 10,8 11,3 9,4

Доля рабочих промышлен. во вкладах в сберкассы 5,5 13,2 24,5 27,8 31,3 34,8 38,6

Доля рабочих промышлен. в национальном доходе, созданном в промышлен. % 7,4 8,1 5,3 5,3 5,2 5,2 4,8

Номинальная норма прибавочной стоимости % 305 310 300 296 293 294 281

Действительная норма прибавочной стоимости % 1253 1136 1793 1802 1817 1813 2200

Время, в течение которого рабочий промышлен. работает на себя мин. 40 44 28 27 27 23

% 8,1 8,9 5,7 5,5 5,5 5,5 4,9

Время, в течение которого рабочий промышлен. работает на олигархию часов и мин. 7-35 7-31 7-47 7-48 7-48 7-52

«...стоимость рабочей силы определяется стоимостью жизненных средств, необходимых для того, чтобы произвести, развить, сохранить и увековечить рабочую силу». «Каждый рабочий в среднем (т. е. считая на круг) получает в год заработной платы 246 рублей, а капиталисту приносит прибыли 252 рубля в год. Отсюда следует, что рабочий меньшую (!) половину дня работает на себя, а большую (!) половину дня (6 (шесть) рублей составляют 2,5 %) – на капиталиста». «...академик Е. С. Варга исчислил норму прибавочной стоимости в промышленности США за ряд лет. В 1899 г. она составляла 128 %, в 1929 г. – 158, в 1939 г. – 200, в 1950 г. – 219, в 1955 г. – 235 %. А в 1966 г. по подсчетам проф. С. Л. Выгодского, норма прибавочной стоимости в обрабатывающей промышленности США составила 314 %».

Из таблицы «Эксплуатация рабочих промышленности СССР» видно, какой именно эксплуатации и в каких размерах подвергались рабочие в СССР в период 1965–79 годов. Что изменилось с тех пор? Ничего, кроме того, что монопольные цены еще более выросли, а бутылка водки стала стоить не 4,5 рубля, а 10 рублей. Даже, если поверить олигархии, что потребление водки уменьшилось в 2 раза за три года, то доход от ее продажи остался тот же, что и в 1979 году. При этом нужно учесть, что в течение этих трех лет получен дополнительный доход от продажи водки примерно в 200 миллиардов рублей. Олигархия добилась своей главной цели – выкачать из народа как можно больше средств на «перестройку». Но уменьшилось ли спаивание народа? Уменьшение или совершенная ликвидация спаивания народа теоретически возможно в двух случаях – 1. введение сухого закона или 2. установление на водку действительной цены – несколько копеек за бутылку – ни то, ни другое невозможно при госкапитализме.

Я не считаю представителей олигархии дураками, поэтому не верю, что они заранее не знали, к чему приведет «борьба» за трезвость путем установления столь высоких цен на водку, при некотором ограничении ее производства – к самогонварению и замене алкоголя другими дурманами. Таким образом, на это шли сознательно – ведь такая «борьба» с пьянством давала материальные выгоды в виде увеличения дохода и политические – теперь уже якобы не олигархия спаивает народ, а он «сам» спаивает и одурманивает себя. Но еще незабвенный А. Микоян говорил, что «от хорошей жизни пьяным не напьешься»...

Абсолютное производство спирта в 1980 году увеличилось в 13 раз по сравнению с 1913 годом. Если же учесть, что еще в 1949 г. было произведено только 54,9 миллиона декалитров спирта, то «выдающимся марксистам-ленинцам» понадобилось всего 30 лет, чтобы в 13 раз превзойти дореволюционный уровень – 55 млн. дал. В 1945 г. было произведено 26,5 млн. декалитров спирта, т. е. за 35 лет производство спирта увеличилось в 26 раз! На душу населения в

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
1980 г. было произведено спирта в 7,5 раз больше, чем в 1913 г. Проще говоря, соотношение такое же, как если бы в 1913 г. один человек выпивал бутылку водки раз в неделю, а сейчас – каждый день. Если учесть, что грудные младенцы пока еще у нас не пьют, то в общем эта картина близкая к действительности. Итак, «строитель коммунизма» пьет спиртных напитков в 7,5 раз больше, чем несчастный, забитый, оплеванный, замордованный, угнетенный и эксплуатируемый, темный, неграмотный, суеверный, пьяный в стельку русский мужик. С чего бы это? «Потребление продуктов определяется общими условиями, в которые поставлены потребители, а сами эти условия основаны на антагонизме классов. Хлопок, картофель и водка представляют собой наиболее распространенные предметы потребления. Картофель породил золотуху; хлопок в значительной степени вытеснил лен и шерсть, несмотря на то, что шерсть и лен во многих отношениях полезнее хлопка, хотя бы с точки зрения гигиены; наконец, водка взяла верх над пивом и вином, несмотря на то, что водка, если ее употреблять в качестве пищевого продукта, является, по общему признанию, отравой. В течение целого столетия правительства тщетно боролись с этим европейским опиумом; экономика победила; она продиктовала свои законы потребления». «Что при данных обстоятельствах пьянство среди рабочих – столь же необходимый продукт условий их жизни, как тиф, преступность, судебный пристав и прочие общественные болезни, столь необходимый, что можно вычислить заранее среднее число людей, предающихся пьянству, – об этом г-ну Заксу опять-таки знать не полагается. Впрочем, еще мой старый школьный учитель говаривал: „Простой народ ходит в кабак, а господа – в клуб“, а так как я бывал и там и здесь, то я могу это подтвердить».

Данные о производстве спирта и продаже алкогольных напитков не публикуются с 1970 г. Производство спирта за 1970–80 годы определено мной на основе динамики производства спирта за предыдущие годы и в соответствии с публикуемой в ежегодниках «Народное хозяйство СССР» динамикой относительного роста продажи спиртных напитков в сопоставимых ценах.

«Еще в 1936 г., разоблачая легенду о „русском пьянстве“, товарищ Микоян говорил: „Некоторые думают и говорят, что у нас, мол, много пьют, а за границей, вот, мало пьют. Это в корне неверное представление. Вот цифры душевого потребления водки, вина и пива в переводе на чистый спирт в 1931 году: во Франции – 18,9 литра, в Бельгии – 11,2, в Англии – 3,2, в СССР 1,6 (Во-первых, в 1931 г. в СССР было произведено только спирта 389 млн. литров и, если верить „товарищу“ Микояну, то население СССР в 1931 г. превышало 243 миллиона человек, а на самом деле даже в 1940 г. только 194 млн. человек, а ведь пиво и вино тоже производились, во-вторых, почему, выступая в 1936 г., он говорил о 1931 г.? Не потому ли, что в 1935 г. было произведено уже 607, а в 1936 г. 695 млн. литров только спирта? Так что Англию, по крайней мере, ему пришлось бы исключить из своего списка). Но почему же до сих пор шла слава о русском пьянстве? Потому что при царе народ нищенствовал, и тогда пили не от веселья, а от горя, от нищеты. Пили именно, чтобы напиться и забыть про свою проклятую жизнь, (это все „товарищ“ Микоян говорит). Достанет иногда человек на бутылку водки и пьет, а денег при этом на еду не хватало, кушать было нечего, и человек напивался пьяным. Теперь веселее стало жить. От хорошей и сытой жизни пьяным не напьешься (Браво, „товарищ“ Микоян!) Навыки, привычки, вкусы обусловлены экономикой. В старой России буржуа и дворяне воспитывали у народа вкус к сивухе из „монопольки“, что соответствовало отсталой экономике той эпохи и было выгодно правящим буржуазно-помещичьим классам. Производство виноградного вина, шампанского и пива мы расширяем из года в год, а водку стараемся постепенно вытеснять из потребления“. Комментарии, как говорится, излишни.

Кто может передать боль матери, у которой родился ребенок-урод? Сколько таких неполноценных детей на совести олигархии, спаивающей народ? Сколько преступлений, совершенных одурманенными алкоголем людьми, на совести олигархии? Впрочем, смешно спрашивать о „совести“ олигархию – таковой у нее нет, да и никакая совесть ничего не решит, когда в дело вступают законы экономики. Из таблицы видно, что рост производства спирта и других видов алкоголя в целом обусловлен экономическими и политическими причинами, потребностями госкапитализма – наиболее яркие примеры – в 1957 году, следующем после „разоблачения культа“, производство спирта подскочило почти на 30 миллионов декалитров – больше, чем всего было произведено в 1945 году, или возьмем коллективизацию – в 1931 г. производство спирта увеличилось на 1/3 треть! репрессии – опять резкий рост, превышающий обычный рост в предшествующие годы. Сталин сознательно спаивал народ (вернее все же сказать госкапитализм спаивал), его преемники, толкаемые

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
сначала политическими причинами, а потом и экономическим загниванием довели пьянство до абсурда, даже с точки зрения самой олигархии. Вместо серпа и молота олигархии было бы уместней начертать на своем знамени поллитровку с белой головкой – символ, водку-спасительницу, верную помощницу – единственное, хотя и временное спасение, а в конечном счете еще одну причину гибели.

Цена на спирт взята из прейскуранта 05-01 „Оптовые цены на химическую продукцию“, часть 1, с. 144-46 – сырец из пищевого сырья, ГОСТ 131-61, содержание основного вещества в % – 88,0, оптовая пена в руб. и коп. за 1 декалитр безводного алкоголя – 2-00 р. Спирт этиловый ректифицированный высшей очистки ТУ 5947-72, 96,2 %, 4-70 р. Таким образом, мной взята самая высокая оптовая цена на спирт (а не себестоимость), т. е. наименее выгодная для моих расчетов.

Что же касается монопольных цен, то я предлагаю сравнить оптовые и розничные цены на некоторые товары: макароны за 1 кг

– 42 коп.; масло растительное за 1 кг – 73 коп.; соль за 1 кг – 0,7 коп.; чай за 1 кг – 4р.79 коп.; сахар за 1 кг – 46 коп.; маргарин за 1 кг 89 коп.; табак – за 1 шт. – 0,6 коп.; пиво за 1 бут. – 7,5 коп.; шампанское – за 1 бут. – 1 р. 27 коп.; вино виноградное – за 1 бут. – 97 коп.

Это пищевые продукты, которые, как утверждает олигархия, она продает народу чуть ли не ниже себестоимости.

Обувь кожаная за 1 пару – 5 руб. 77 коп.; ковры за 1 м² 11р.71 коп.; бельевой трикотаж х/б за 1 шт. – 87 коп.

Таким образом, если пищевые продукты продаются в среднем в два раза стоимости, то промышленные товары продаются по ценам в 5-10 раз выше стоимости, поэтому, когда я делю зарплату рабочего пополам, чтобы показать влияние монопольных цен, я оказываю олигархии услугу – в действительности рабочему и другим простым труженикам всех сфер остается еще меньше.

С мясом, молоком дело сложнее – отбирая у крестьян хлеб, зерно, практически бесплатно, олигархия включает стоимость машин и удобрений (не просто дорогих, но ненужных на 80 %) в себестоимость производства мяса и молока. Так уж сложилось исторически в первую пятилетку – хлеб, хлеб и еще раз хлеб, о мясе, к тому же дешевом, тогда мало кто думал. Но прошли десятилетия и палка вторым своим кондом все же ударила олигархию по голове себестоимость мяса превысила его розничную пену. Олигархия сама себя загнала в угол: повысить цены на зерно нельзя, тогда придется повысить цены на хлеб либо на мясо – и то и другое равно политическому самоубийству. Понизить цены на мясо – тогда нужно повысить цены на зерно и опять же хлеб. Заколдованный круг. „Но заставить сначала платить по 20 франков за гектолитр пшеницы, чтобы заняться затем общим распределением тех лишних 16 франков, которые были взяты с потребителей, – этого действительно совершенно достаточно для того, чтобы социальный гений меланхолически отправился шествовать по своему зигзагообразному пути и разбил себе голову о первый попавшийся угол“.

Так называемые „общественные фонды потребления“. Сколько из них в действительности получают рабочие и все трудящиеся и каков уровень, например, медицинского обслуживания, говорит всего лишь один факт: детская смертность в СССР в 1965 г. составила 27,2 на одну тысячу живорожденных до 1 года, в 1970 г. – 24,7, а в 1974 г. – 27,9. С тех пор и до 1988 г. данные о детской смертности не публиковались. Для сравнения – в 1973 г. в США тот же показатель – 17,6, а в 1976 – 16,1, т. е. в СССР детская смертность была тогда на 57,7 % выше, чем в США и выше, чем у негров, индейцев и пуэрториканцев, у которых детская смертность на 30-40 % выше, чем у белых. И ведь подумать только, сколько слез пролила олигархия о положении несчастных американских негров, об индейцах и говорить не приходится. Все познается в сравнении, но лицемерие советской олигархии сравнивать не с чем. СССР – единственная страна в мире, где растет детская смертность, и одной из причин этого трагического положения, пожалуй, главной причиной, является алкоголь, по потреблению которого СССР прочно удерживает первое место в мире, оставив далеко позади весь мир.

Итак, мы выяснили, что рабочий в СССР работает на себя всего несколько минут из восьмичасового рабочего дня.

Доходы от алкоголя составляют половину доходов государственного бюджета СССР, алкоголь занимает более половины розничного товарооборота, т. е. в целом по стране народ тратит на водку и прочие спиртные напитки больше, чем на все остальное – пищу, одежду и т. д.

Вопреки распространенному мнению, монополю высокие цены установлены не только на автомобили, золото, ковры или водку. Они установлены на все товары, кроме нескольких видов продовольствия – мясо, молоко, масло, но убытки от их продажи населению перекрываются прибылью от продажи других продовольственных товаров (не считая спиртных напитков). Кроме того, цена имеет смысл, когда к этой цене есть товар. Но мясо в СССР по „низкой цене“ купить (кроме Москвы) практически невозможно, его просто нет в магазинах. Мясо можно купить только в 2–4 раза дороже. Кроме того, чтобы что-то купить в СССР, нужно отстоять огромную очередь, т. е. потратить свое свободное время, которое вопреки столь же распространенному мнению, чего-то стоит и стоит дорого.

„Монопольные цены“ установлены на все „товары“, точнее, на всю продукцию промышленности и сельского хозяйства, на все виды услуг, оказываемых населению. От спички до самолета. Только на спички монопольная цена реализуется непосредственно, а на самолет отчасти непосредственно (через цены на билеты), отчасти косвенно, включением этой цены в другие товары.

На товары, непосредственно поступающие в народное потребление, т. е. в розничную торговлю, установлены цены, превышающие стоимость их производства, посредством установления на эти товары так называемого „налога с оборота“, т. е. фактически косвенного налога с народа. ...самая значительная часть поступает от налогов на предметы массового потребления, от урезывания на каждом шагу маленькими долями – незаметными, но дающими в сумме многие миллионы, – доходов всех граждан, преимущественно же более бедных». «Никакие изменения в форме налогового обложения не могут вызвать существенного изменения в отношениях между трудом и капиталом... Тем не менее, если нужно выбирать между двумя системами налогового обложения, мы рекомендуем полную отмену косвенных налогов и общую замену их прямыми налогами. Потому что косвенные налоги повышают цены на товары, так как торговцы прибавляют к этим ценам не только сумму косвенных налогов, но и процент и прибыль на капитал, авансируемый на их уплату; Потому что косвенные налоги скрывают от каждого отдельного лица сумму, которую оно платит государству, тогда как прямой налог ничем не замаскирован, взимается открыто и не вводит в заблуждение даже самого темного человека. Прямые налоги, следовательно, побуждают каждого контролировать правительство, тогда как косвенные налоги подавляют всякое стремление к самоуправлению».

Все товары продаются выше стоимости?! Но это невозможно! Все дело в том, что мы говорим не о частном капитализме, а о государственном. А у него свои, присущие только ему законы. Действительные товарно-денежные отношения при государственном капитализме занимают сравнительно небольшое место вместе со спекуляцией величина товарных отношений вряд ли превышает 10 % от общей величины обмена и занимает подчиненное место и, рассматривая государственно-капиталистические отношения обмена, мы имеем полное право отвлечься от этого незначительного процента, тем более, что К. Маркс давным-давно исследовал товарно-денежные отношения с исчерпывающей полнотой.

При государственном капитализме нет частного обмена (за исключением того, о чем я только что говорил), а значит нет и не может быть товарно-денежных отношений. Рубль, «цены» и прочие аксессуары, доставшиеся от прошлого – всего лишь маска действительных отношений обмена, которые при госкапитализме в корне, в принципе отличаются от частно-капиталистических тем, что направляются из одного центра одним хозяином, которому принадлежат все средства производства и жизненные средства – государством, которое фактически является одной гигантской монополией, отличающейся от какой-нибудь крупной частно-капиталистической монополии не только тем, что она одна. но и тем, что она еще и обладает государственной властью. (Насколько эффективно такое управление и что в конечном итоге из него получается – это уже другой вопрос). Именно поэтому госкапитализм и может устанавливать «цены» практически не считаясь с затратами производства – как в сторону повышения, так и в сторону понижения «цены», смысл которых сводится к одному – с помощью этих «цен» отнять у рабочего 19/20 произведенного им прибавочного продукта. Ограничение здесь только одно

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
олигархия не может отобрать у рабочего все и она милостиво бросает ему кусок, чтобы он не умер с голоду, и не забывает при этом напомнить, что он должен благодарить денно и ночно за этот кусок – «партию и правительство».

Единственное действительное назначение «цен» и «денег» – этого анахронизма в условиях централизованной экономики – маскировка ограбления масс.

Государственно-капиталистическая система распределения очень хорошо скрывает тайну эксплуатации, но одновременно она же все больше и больше становится неуправляемой в силу своей чрезвычайной запутанности. Она сама неизбежно порождает эту запутанность и неуправляемость, так как по природе своей не должна и не может быть ясной и открытой.

В 1960 году олигархия «увеличила» «золотое содержание» рубля в 4 раза, а масштаб цен и заработную плату – в 10 раз, это доказало только одно – что «золотое содержание», «золотой масштаб цен» в условиях централизованной экономики – глупость, но это еще одна глупость с помощью которой эксплуатируются массы.

При госкапитализме «деньги» всего лишь извращенная форма удостоверений на долю в общественном продукте. А раз нет частного обмена, золотой эквивалент теряет всякий смысл, – поэтому до установления в 1950 году «золотого содержания», без него прекрасно обходились.

Легко можно было бы обойтись без этих иезуитских «методов» «распределения», когда одной рукой дают, а другой безвозмездно отбирают различными способами большую часть того, что дали, и социалистическое общество обойдется и без этих «методов» и без этого ограбления, но требовать того же от госкапитализма все равно, что частного капиталиста просить обойтись без прибыли. «Способность всех продуктов, деятельностей, отношений к обмену на нечто третье, вещное, на нечто такое, что в свою очередь может быть обменено на все без разбора – т. е. развитие меновых стоимостей и денежных отношений – тождественна всеобщей продажности, коррупции. Всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельностей. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и годности для употребления. Приравнение неоднородного, по меткому определению денег у Шекспира. Страсть к обогащению как таковая невозможна без денег, всякое иное накопление и всякая иная страсть к накоплению представляется чем-то примитивным, ограниченным, обусловленным, с одной стороны, потребностями, с другой стороны – ограниченной природой продуктов».

Что касается так называемого «материального благосостояния», то простой расчет показывает, что если в 1979 году рабочий получил 2000 рублей и, отказав себе в чем-то купил ковер за 300 рублей, а в 1980 году получив реально меньше, чем в 1979 г., например, 1900 рублей по курсу 1979 г. и смог купить шкаф за 150 рублей, то спрашивается – увеличилось ли его «материальное благосостояние»? Несмотря на падение реальных доходов, сумма вещей в его владении, конечно, увеличилась. Так называемое «материальное благосостояние» росло во все времена (исключая периоды войн, стихийных бедствий и революций), потому что во все времена общество в целом всегда получает больший или меньший прибавочный продукт – в противном случае мы до сих пор сидели бы в пещерах. Так что вопли олигархии о «росте материального благосостояния» просто смешны – этот рост не является какой-то их исключительной заслугой, этот рост сам по себе присущ любому обществу. Все дело в размерах этого роста, в скорости его, т. е. растет ли это «материальное благосостояние» в каждом следующем году быстрее, чем в предыдущем. А вот здесь-то как раз у олигархии дела обстоят крайне неважно.

Реальный доход общества и каждого его члена может падать ниже прежнего при одновременном росте «материального благосостояния», если этот термин вообще имеет право на существование, потому что затушевывает суть дела. «Все развитие человеческого общества после стадии животной дикости начинается с того дня, как труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для ее поддержания, с того дня, как часть труда могла уже затрачиваться на производство не одних только жизненных средств, но и средств производства. Избыток продукта труда над издержками поддержания труда и образование и накопление из этого избытка общественного производственного и резервного фонда – все это было и остается основой всякого общественного, политического и умственного прогресса. В предшествующей истории этот фонд составлял собственность того или иного

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
привилегированного класса, которому вместе с этой собственностью доставалась также политическая власть и духовное руководство. Предстоящий социальный переворот впервые сделает этот общественный производственный и резервный фонд, т. е. всю массу сырья, орудий производства и жизненных средств, действительно общественными, изъяв его из распоряжения привилегированного класса и передав его всему обществу как общее достояние».

Тезис олигархии и ее лакеев о том, что рост зарплаты должен отставать от роста производительности труда, не выдерживает никакой критики. При госкапитализме этот тезис всего лишь маскирует то, что в действительности производительность труда сейчас если не падает, то растет очень медленно и то, что у рабочих отнимается относительно и абсолютно большая часть созданного ими прибавочного продукта. В самом деле: если сегодня рабочий произвел 50 деталей – 25 деталей (условно, конечно, не вдаваясь в детали этого процесса) идут ему в качестве зарплаты, 25 – обществу. Завтра он произведет 100 деталей. Так почему же он теперь не может «получить» 50 деталей, т. е. в два раза больше, если он поднял производительность труда в 2 раза? Почему это невозможно или невыгодно? Как раз наоборот – это выгодно и возможно, но... невозможно при госкапитализме.

При социализме и рабочий и общество будут получать равную выгоду и будут равно заинтересованы в повышении производительности труда. Но социалистическое общество, в результате и на основе роста производительности труда, будет снижать «цены» и так повышать оплату рабочих и всех тружеников. Кстати, именно такой сбалансированный рост доходов общества и каждого его члена в соответствии с ростом производительности труда – еще одна гарантия от кризисов при социализме.

4. Эффективность

Если норма прибавочной стоимости превышает 1000 %, то зачем применять машины для замены столь дешевого труда? Именно поэтому половина всех рабочих в СССР занята тяжелым, немеханизированным трудом.

Только и слышишь – «рабочие не хотят работать», «крестьяне не хотят работать», «никто не хочет работать, никто не хочет идти на завод, в колхоз и т. д». А кто вообще когда-нибудь просто хотел работать? Почему обезьяна спустилась с дерева? Потому что увидела на земле что-то вкусное. Почему человек всегда работал (исключая полных паразитов, которых во все времена было не так уж и много – большая часть правящих классов тоже по своему трудилась)? Потому что только с помощью труда он может удовлетворить свои потребности в пище, одежде и т. д., только поднимая производительность своего труда, он может удовлетворить свои растущие потребности. Но стремиться поднимать производительность своего труда он будет только тогда, когда получит эффект и для себя. «Когда ничто не расточается и не пропадает даром, когда средства производства расходуются именно так, как этого требует само производство – такое положение достигается частью при помощи дрессировки и обучения рабочих, частью при помощи дисциплины, которой капиталист подчиняет комбинированных рабочих и которая становится излишней при таком общественном строе, где рабочие трудятся на себя, она уже теперь становится почти совершенно излишней при поштучной заработной плате». Если же он получает ничтожную часть добавочного продукта или вообще ничего из этого добавочного продукта не получает, если у него отсутствует материальный интерес экономика обречена. Абсолютная незаинтересованность рабов в результатах своего труда, низкая заинтересованность крепостных – привели к гибели эти общественно-экономические формации, так как производственные отношения перестали соответствовать развившимся производительным силам, т. е. тому, что эти силы могли бы дать, если бы им не мешали отжившие свой век отношения раба и рабовладельца, крепостного и феодала.

Госкапитализм действительно догнал и перегнал частный капитализм, хотя бы в одном – он уже пришел к такому несоответствию в СССР.

Экстенсивный путь развития экономики, присущий госкапитализму, требует намного больше средств, чем интенсивный – и с этим госкапитализм мог бы в течение какого-то времени справляться за счет экспроприации трудящихся (хотя и этот источник отнюдь не бездонный колодец), но экстенсивный путь развития требует людей – все новые и новые рабочие руки. А госкапитализм в конце концов приходит к тому, что незанятых, неэкспропрированных людей нет

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
(причем огромное количество людей этот строй делает фактически безработными и сам закрывает для себя возможность их производительного использования). А если людей нет, то как ни грабь тех, что есть, новые люди в производстве все равно не появятся – скорее исчезнут старые, что и происходит.

Допустим, что завод построен (хотя для самого строительства тоже еще надо найти людей). С 1970 по 1979 гг. объем незавершенного строительства вырос вдвое – с 52,5 млрд. руб. до 106,4 млрд. руб., за последующие 8 лет он вырос еще почти вдвое и превысил годовые капитальные вложения в народное хозяйство, таким образом под аккомпанемент громовых речей «о сокращении „незавершенки“ и прекращении распыления средств» положение непрерывно и очень быстро ухудшалось и ухудшается. А кто будет работать на этом новом заводе, если на старых катастрофически не хватает рабочих? На самом деле их там избыток – достаточно механизировать примитивные процессы, заинтересовать рабочих в результатах труда. Кроме того, так, как строили и жили в 30-е годы сейчас ни строить, ни жить никто не будет – в «довесок» к «ВАЗу» и «КАМАЗу» пришлось построить огромные «спальни».

На первый взгляд у олигархии есть выход – поставить взамен старых станков новые, закупленные в США или Японии, которые в несколько раз производительнее, и хочешь не хочешь, а рабочему придется поднять производительность труда. На самом деле все не так просто. С таким трудом выжатые из народа средства, воплощенные в импортном (и не только импортном) оборудовании, годами ржавеют и не используются, потому что большей частью бессмысленно заменять один станок другим – что толку, если новый станок сможет обрабатывать в 10 раз больше деталей, а все остальное производство к этому не готово? Нужна реконструкция. Но кто в ней заинтересован? Рабочий? Интенсивность труда после реконструкции увеличится, зарплата останется прежней или даже уменьшится, а части рабочих придется искать себе новое место. Директор завода, начальник цеха? План после реконструкции увеличится, что ведет к новым задачам руководителей предприятий, но отнюдь не предполагает увеличения их зарплаты, а сама по себе реконструкция для руководства сравнима с войной, где один год засчитывается за три года мирной жизни. Олигархия? Она может быть субъективно и хотела бы, чтобы экономика росла, но объективно ее действия (а по другому она действовать не может по природе своей) замедляют этот рост.

И часто бывает так, что ко всеобщему удивлению после реконструкции, проведенной в приказном порядке, производительность труда не только не повышается, а падает. К прискорбию олигархии оказывается, что рабочие не так глупы, как она думала. ...рабочий в действительности относится к общественному характеру своего труда, к его комбинации с трудом других ради общей цели, как к некоторой чуждой ему силе; условием осуществления этой комбинации является чуждая рабочему собственность, расточение которой нисколько не затрагивало бы интересов рабочего, если бы его при не принуждали экономить ее. Совершенно иначе обстоит дело на фабриках, принадлежащих самим рабочим, например, в Рочдейле.

Планомерно организованный хаос постоянно рождает трагикомические ситуации – в «Литературной газете», Но от 25 марта 1981 года описывается как маялся в Краснодаре журналист – в огромном городе он не мог купить себе кусок обыкновенного мыла. В результате поисков, рабочий завода, изготавливающего мыло, которого нет в продаже в магазинах Краснодара, за пять рублей вынес ему через пролом в заводской ограде... ящик мыла, отправляемого прямой дорогой из обезмыленного Краснодара на экспорт. Единичный случай? Случайно журналист наткнулся на вора? Городской базар завален этим мылом – спекулянты продают его в 4–5 раз дороже официальной цены. И так везде, и так во всем.

Почему же олигархия не может заинтересовать рабочих в результатах их труда? Ведь это так просто – ввести сдельную, «поштучную», как говорил К. Маркс, оплату труда (что, кстати широко практиковалось в период подъема государственного капитализма), но что может принести сдельная оплата труда в загнивающим госкапитализме периода упадка? Увеличение количества продукции, но не качества, потому что независимо от качества и сбыта продукции, рабочий получит сдельную зарплату. К чему это приведет? Магазины будут ломиться (а они и так уж забиты) от продукции, которую никто не будет покупать, и в первую очередь те, кто ее произвел, потому что она не будет удовлетворять спрос покупателей из-за своего низкого качества. А увеличение зарплаты на этой основе приведет всего лишь к увеличению массы находящихся в обращении денег, которые невозможно обменять на товары, т. е. к инфляции

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
и еще большему ухудшению положения трудящихся. Применение сдельной оплаты в широком смысле – т. н. «хозрасчета» в условиях упадка государственного капитализма даст обратные результаты – в конечном счете производительность труда не повысится, а понизится потому, что труд, производящий никому не нужную продукцию – непроизводительный, бессмысленный труд. Именно поэтому олигархия во все времена громко кричавшая о хозрасчете, повсеместно перешла на повременную оплату труда, ибо это необходимость экономических отношений госкапитализма, не зависящая от желаний (чтобы сама олигархия не думала по этому поводу), которая ни в коей мере, конечно, как и все другие попытки, не спасет олигархию от краха.

Правда, как будто есть еще один путь – поставить саму возможность получения зарплаты в зависимость от сбыта продукции – продашь, вернее, купят то, что ты произвел – получишь зарплату, не купят – пеняй на себя, значит плохо работал. Но, во-первых, такую меру необходимо провести сразу по всей стране, а во-вторых, рабочий почувствует себя хозяином, он будет протестовать, когда прибыль от его продукции государство передаст другому предприятию или на другие цели, а не на улучшение условий его труда. Рабочему уже не будет безразлично, что директор – дурак, а начальник цеха подхалим и бездельник, он захочет их сменить и поставить на их место людей, которым доверяет он, а не райком партии. И в конце концов рабочий очень скоро поймет, что самой лучшей организацией производства будет та, при которой он возьмет управление производством и сбытом продукции в свои руки. Что же получится? Введя оплату за «конечный результат», олигархия подрубит сук, на котором сидит, ведь столь же скоро станет ясно, что она не только не нужна, а просто вредна! Именно поэтому она не идет и никогда не пойдет на это, чтобы не болтали ее представители по этому поводу. Но не идя этим путем, т. е. заставляя экономику топтаться на месте и приходить в упадок, держа народ в нищете, олигархия все равно сама готовит взрыв. Выхода у нее нет, и час ее уже пробил.

«Для промышленности СССР характерна высокая степень концентрации производства. На начало 1976 г. предприятия с численностью свыше 3 тыс. человек вырабатывали 40 % всей промышленной продукции, на них были сосредоточены 40 % всех рабочих и более половины основных производственных фондов, в то же время их доля в общем числе промышленных предприятий составила 3,3 %»

Итак, имея более половины основных производственных фондов, крупные предприятия вырабатывают только 40 % всей промышленной продукции. В чем же «преимущество» такой концентрации? На крупных предприятиях уровень использования основных фондов, уровень эффективности производства ниже, чем на мелких. Такой идиотизм возможен только при государственном капитализме.

Общая тенденция внешней торговли в 70-х и начале 80-х годов – убыточная торговля с «друзьями» – сателлитами, иначе они давно уже развалились бы. СССР продавал «социалистическим» странам нефть по 70 рублей за тонну, а на мировом рынке тонна нефти стоила 140 долларов. Даже сейчас, когда цены на нефть понизились, «советская цена» намного ниже мировой, особенно, если учесть «цену» рубля. В то же время СССР получает у «друзей» товары по ценам... мирового рынка (те товары, которые у них больше никто просто не купит даже по бросовым ценам; а лучшее, что они имеют и производят «друзья» отправляют на «проклятый Запад»), и все встает на свои места – ежегодно СССР дарит сателлитам по меньшей мере 10 миллиардов долларов. Короче говоря, как общее правило СССР продает свои товары «соцстранам» дешевле, а покупает их товары дороже. Прекрасный образчик «пролетарского интернационализма»... был бы, если бы это не было самым обыкновенным предательством национальных интересов, расхищением народного достояния, национальных богатств, невосполнимых богатств – ради сохранения у власти кучки прогнивших мерзавцев. Несмотря на отчаянное положение в собственной стране, советская олигархия предоставляет польской олигархии во второй половине 1980 года 690 миллионов долларов в свободно конвертируемой валюте, а в 1981 еще 1 миллиард 300 миллионов долларов, из них 1 миллиард 100 миллионов долларов в свободно конвертируемой валюте для погашения задолженности и финансирования закупок в капиталистических странах. «Русский Иван» все выдержит!

С развитыми капиталистическими странами ведется, по существу, также убыточная торговля – промышленные товары СССР неконкурентноспособны, основное место в советском экспорте занимает сырье, что всегда не выгодно, а в импорте – готовые изделия, что опять-таки невыгодно. Кроме того, импорт

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
из развитых капиталистических стран по сути является экспортом в эти страны валюты и золота, «выгодность» чего очевидна.

И тем не менее, даже из такой убыточной торговли олигархии удается извлекать «прибыль». Каким образом? Способ необыкновенно прост – продавать импортные товары народного потребления в десять раз дороже, чем куплены. Господа «коммунисты» мелочами не занимаются, их не устраивает обычная капиталистическая прибыль в 10–20 %, им подавай 1000 %. ...с того момента, как всякий продукт местного производства получил возможность превращаться в космополитическое золото, многие из этих продуктов, бывших ранее дешевыми из-за отсутствия широкого сбыта, как, например, фрукты, вино, рыба, дичь и т. д., стали дорогими и были, таким образом, изъяты из потребления народа.

Главная причина довольно быстрого роста внешней торговли в последние два десятилетия с развитыми капиталистическими странами в том, что в связи с начавшимся упадком и загниванием госкапитализма и, соответственно, возрастающей невозможностью произвести нужные машины и оборудование, олигархия вынуждена покупать эти машины и оборудование на Западе, чтобы экономика хотя бы не рухнула сразу. Последний и наиболее позорный факт в этом ряду – попытка создания так называемых «совместных» предприятий, нужно не просто стоять на краю гибели – олигархия «застоя» уже стояла на краю гибели – нужно было понять это, чтобы так унизиться.

5. Экономические кризисы и их особенности

При государственном капитализме, особенно ярко это видно на примере загнивающего, вступившего в последний период своей жизни, госкапитализма, существуют два хронических кризиса – перепроизводства и недопроизводства. «Конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества».

Скрытое перепроизводство существует в основном в 1 подразделении промышленности (производство средств производства) – например, предприятия получают оборудование, не удовлетворяющее их по качеству, но они не могут отказаться от него и приобрести то, что им нужно и там, где они считают нужным. За неимением лучшего им приходится использовать по существу не нужные им технику и сырье – т. е. бессмысленно выбрасывать на ветер общественные, народные средства. Масштабы этого «разбрасывания» огромны.

Примерно такая же картина и во II подразделении (производство предметов потребления) – народ вынужден приобретать вещи, без которых он не может обойтись, какими бы они ни были по качеству – нельзя же обойтись совсем без пищи или одежды. Люди вынуждены брать то, что есть и то, что они никогда не взяли, если бы у них был выбор. Явное перепроизводство проявляется именно во II подразделении – перепроизводство обуви, одежды и т. д. ясно видно каждому, несмотря на существование платежеспособного спроса и столь же явную нехватку тех же обуви и одежды яркое отличие от частного капитализма – правда, что частный капиталист заинтересован в прибыли прежде всего, но чтобы получить ее, ему волей-неволей приходится быть заинтересованным в выпуске того, что действительно нужно людям – опять-таки бессмысленное растрачивание общественного, народного труда и материальных средств.

Но и в I подразделении также существует явное перепроизводство несмотря на то, что как и во II подразделении всего катастрофически не хватает: металла, топлива и т. д. и не может хватать, так как в значительной мере все это тратится бессмысленно и хищнически – массы оборудования, строительных материалов и прочих ресурсов на многие миллиарды – ежегодно пропадают. ржавеют, гниют, закапываются в землю. И это имеют наглость называть «плановой экономикой» и «отдельными недостатками»! Нет, это не плановая экономика, это планомерно, из единого центра организуемый хаос и дезорганизация экономики.

Таким образом, перепроизводство и недопроизводство, скрытые и явные взаимно переплетаются, вернее сказать, одно и то же явление несет в себе черты и перепроизводства и недопроизводства, в полном соответствии с законом «о взаимном проникновении противоположностей». Перепроизводство может одновременно являться недопроизводством и наоборот. Как метко сказал В. И. Ленин о капитализме: «Это – настоящее „производство для производства“»

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
расширение производства без соответствующего расширения потребления». Государственный капитализм делает это концентрированно. «Как фанатик увеличения стоимости, он (капиталист – Н.С.) безудержно понуждает человечество к производству ради производства, следовательно к развитию общественных производительных сил и к созданию тех материальных условий производства, которые одни только могут стать реальным базисом более высокой общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума».

У госкапитализма два пути: 1. явно платить нищенскую зарплату; 2. замаскировать ограбление с помощью различных ухищрений и манипуляций, возможность которых дает централизованная и неконтролируемая обществом экономика и политическая власть олигархии, т. е. отбирать у рабочих большую часть созданного ими прибавочного продукта, а у не-рабочих – большую часть того, что олигархия якобы выдает им в виде заработной платы (нельзя же действительно считать водку всеобщим эквивалентом, не говоря уж о монопольно высоких ценах). Эта большая часть прибавочного продукта направляется правящим классом на собственное содержание и на развитие 1 подразделения или, по крайней мере на то, чтобы не дать ему развиваться. Вот это действительно производство ради производства – причем делается это еще более уродливо и гнусно, чем при частном капитализме. ...система наемного труда является системой рабства, и притом рабства тем более сурового, чем больше развиваются общественные производительные силы труда, безразлично, лучше или хуже оплачивается труд рабочего.

Устойчивый, стабильный безкризисный рост экономики – такой же миф, как и все остальные мифы государственного капитализма. Единственное, что может госкапитализм – это сделать кризисы не такими резкими как при частном капитализме. (Сейчас государственное регулирование (впрочем, не только сейчас, а, пожалуй, всегда) экономики в той или иной степени есть в любой частно-капиталистической стране – возможно, что в этой тенденции так называемого «государственно-монополистического» капитализма есть более глубокий смысл, который смутно ощущается буржуазными экономистами, выдвинувшими гипотезу «конвергенции». Если иметь в виду, что под «социализмом» они понимают «государственный капитализм», то может быть действительно есть тенденция слияния в будущем этих двух потоков капиталистической общественно-экономической формации или, возможно, частный капитализм по мере продвижения к гибели, приобретает тенденцию к переходу в государственный капитализм, который и станет его действительной «высшей и последней стадией»? Но тогда, фашизм в Италии и нацизм в Германии лишь репетиции действительно ужасных испытаний, которые предстоят человечеству... Будем надеяться, что это не более, чем неверная гипотеза). Но за это придется платить высокую цену в прямом смысле этого слова.

Еще одним «преимуществом» госкапитализма является возможность грабить трудящихся так и в таких размерах, как не удастся частному капитализму, но поскольку в современных условиях грабить становится все труднее, в основном по той причине, что скоро вообще уже нечего будет грабить, государственный капитализм уверенно и стабильно приближается к своей гибели.

Высокие темпы роста экономики в первый и второй периоды развития госкапитализма объясняются отнюдь не чудесными свойствами этого строя, а весьма прозаическими причинами – госкапитализм, как никакой другой строй, создает возможности невиданного ограбления масс и концентрации средств – все это позволяло развивать 1 группу промышленности – производство средство производства и сглаживать кризисные явления, но поскольку закон сохранения действует и в экономике, то это сглаживание в конечном счете обходится дороже, чем собственно кризис перепроизводства. Государственный капитализм это гигантское расширение человеческих и материальных ресурсов, но выше головы не прыгнешь – в первой половине XX века Россия нуждалась в этом строе, у нее не было другого выхода. ...только ценой колоссального расточения сил отдельного индивидуума обеспечивается и осуществляется развитие человечества в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества.

К середине 60-х годов госкапитализм развил такие огромные производительные силы, которые переросли его, переросли свойственную ему форму собственности на средства производства и жизненные средства, способ присвоения и распределения прибавочного продукта – производительные силы переросли производственным отношениям государственного капитализма госкапитализм стал тормозом на пути развития созданных им самим производительных сил, с

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
которыми он теперь не может справиться – закономерно наступил период заката, упадка госкапитализма, выразившийся в перманентном и все усиливающимся экономическом кризисе, из которого он уже не выйдет. Развивавшийся до этого в среднем быстрее Запада, госкапитализм стал отставать от него – за последние 20 лет, даже по официальным данным, соотношение экономики СССР и США остается неизменным так, например, объем промышленного производства в СССР составлял 80 % от уровня США и в 1970 г. и в 1985 г., и вот что странно – средние темпы прироста промышленной продукции в СССР в 1976–85 гг. были в 1,5–3 раза выше, чем в США, опять же по официальным данным, но объем промышленности в СССР как составлял в 1976 г. 80 % от объема США, так и остался в 1985 г. на уровне 80 % – такова цена официальной статистики.

Согласно официальным данным, промышленное производство в 1979 г. возросло на 3,6 %, а в статистическом ежегоднике «Народное хозяйство СССР в 1979 году», в разделе «Промышленность» без особого труда можно подсчитать, что из ста с лишним натуральных показателей по 60 произошло падение производства, а остальные остались на прежнем уровне или незначительно возросли. Так, производство стали упало со 151,45 млн. т до 149,1 млн. т, угля – с 723,6 до 718,66 млн. т, готового проката – со 105,43 до 103,25 млн. т, генераторы и турбины с 18,2 до 17 млн. квт и – т. д. и т. д. Если это не кризис, не сокращение производства (кстати, первый, насколько я знаю, за всю историю мирного развития СССР) то, что же? «Отрицательный подъем»?

Воистину неисповедимы пути «статистики» олигархии. И все же попытаемся слегка приоткрыть завесу над сим чудом – как при сокращении производства удалось «обеспечить» его прирост на 3,6 %.

Производство металлорежущих станков сократилось в 1979 г. по сравнению с 1978 г. с 238 тыс. шт до 230 тыс. шт, а в миллионах рублей, в «ценах», этот же показатель вырос с 1758 млн. рублей в 1978 г. до 1844 млн. рублей в 1979 г. Конечно, таким нехитрым способом можно обеспечить любой липовый прирост, но ни одним станком от этого больше не станет, и качество их не улучшится.

Согласно «Основным направлениям», принятым 25 съездом, за 1976–80 гг. продукция промышленности должна была вырасти на 35–39 %, в т. ч. группа «А» на 38–42 %, группа «Б» на 30–32 %, производительность труда в промышленности – на 30–34 %, угля должно было быть добыто в 1980 г. 790–810 млн. т, стали выплавлено – 160–170 млн. т, продукция сельского хозяйства должна была вырасти на 14–17 % и т. д.

В действительности продукция промышленности выросла (по официальным данным) на 24 %, в т. ч. группа «А» – на 26 %, группа «Б» – на 21 %, а о производительности труда в промышленности Тихонов только невнятно пробормотал, что: «...не удалось решить так, как намечалось задачу повышения производительности труда, ускоренного развития отдельных отраслей народного хозяйства, преодолеть распыление капитальных вложений», и вслед за своим другом затянул песню о «силе традиций и привычек», которые-де «главная причина трудностей и недостатков». Ни одной цифры, характеризующей эти недостатки, премьер не привел, зато без тени смущения заявил: «Что касается нападков на социалистическую систему хозяйства, клеветнических измышлений недругов о каком-то „кризисе“ советской экономики, то их опровергает сама жизнь». Опять все тот же циничный расчет на катастрофическую неосведомленность народа, которая самой же олигархией и создается. «Высказывая свое суждение по поводу медленности политического развития в Германии, никто не должен упускать из виду, как трудно было составить себе правильное представление по любому вопросу в такой стране, где все источники знания подчинены были правительству, где ни в одной сфере – от школ для бедных и воскресных школ вплоть до газет и университетов – ничто не могло быть сказано, напечатано и опубликовано без предварительного официального соизволения».

Ну, конечно же, какой там кризис – его нехорошие дяди-недрузи выдумали. Подумаешь план выполнен едва на 50 %, подумаешь стали выплавляли 148 млн. т вместо 170, угля добыли 716 млн. т вместо 800 – все хорошо, прекрасная маркиза! Не зря, ох не зря в Венгрии «отказались» от... экономического роста, под предлогом... «закрепления жизненного уровня», и повышения «качества продукции». Как будто рост экономики – препятствие для закрепления или роста жизненного уровня! Вот до чего доводит «реальный социализм» расширение производства есть препятствие для роста! А ларчик просто

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
открывался – госкапитализм вступил в полосу социальных и экономических потрясений перед своей гибелью, и его не слишком умные «выдающиеся марксисты-ленинцы» вообразили, что решат все проблемы, если будут топтаться на месте как ученые медведи. «Норма прибыли, т. е. относительный прирост капитала, имеет важное значение прежде всего для всех новых, самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы капиталообразование стало делом исключительно немногих крупных капиталов, для которых масса прибыли перевешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон». Что же тогда говорить, если капиталист вообще один?!

Как только ни изощряются олигархия и ее лакеи, выдумывая все новые «показатели» «развития» экономики, фальсифицируя и скрывая статистику и т. д. и т. п. – и все это для того, чтобы замаскировать, скрыть размеры и степень эксплуатации пролетариата и всего народа! Самое смешное, что эти глупцы воображают, будто защищают социализм!

Рабочих смешивают в одну кучу со служащими и младшим обслуживающим персоналом – уборщицами, сторожами и т. д. и все для того, чтобы сложить зарплату тех и других и «доказать», что никакой эксплуатации нет. Конечно, в смысле наемного труда, при госкапитализме между рабочими и основной массой служащих нет никакой разницы – все они наемные рабы одного хозяина «суперпролетариат», но только рабочие производят, создают непосредственно, материальные ценности и прибавочный продукт, которым живет общество. Все остальные (крестьяне в условиях госкапитализма, безразлично в колхозах или совхозах они работают, это такие же наемные рабочие, как и промышленные) потребляют, а то, что без значительной части «служащих» – врачей, учителей, инженеров и т. д. не обойтись любому обществу – вопрос другой.

6. Тенденции

Во всех случаях самое надежное и убедительное свидетельство и доказательство – факты и цифры, тем более в отношении экономики.

На графике как говорится невооруженным глазом видно, что в десятой и одиннадцатой пятилетках темпы прироста промышленной продукции в три (3) раза меньше, чем в пятой. Кроме абсолютно достоверной тенденции падения темпов роста промышленности в 1951-88 гг., на графике отчетливо видно, что циклические изменения существуют и при государственном капитализме. Первое впечатление такое, что при госкапитализме эти изменения не столь резки как при частном, которому также присущи междукризисные циклические изменения темпов роста.

Основные преимущества госкапитализма, дающие возможность избежать до поры, до времени кризиса, т. е. абсолютного падения производства, приводят к тому, что если в частно-капиталистических странах тенденция замедления средних темпов роста проявляется незначительно, малозаметно, то при госкапитализме этот процесс идет по нарастающей и каждый следующий экономический цикл происходит на заметно более низком уровне роста, чем предыдущий. Особенно это относится к последним циклам.

Если мы отбросим периоды войн и восстановления, то сравнив графики А и В увидим, что экономика СССР – это умирающая экономика. Даже не оглядываясь на период первых пятилеток, рассматривая только 1951-88 гг., мы обнаружим еще одну закономерность – циклы следуют один за другим все быстрее, периоды роста и падения становятся все короче – сначала рост продолжался 2 года, затем сократился до 1 года, падение – с 3 лет до 2. С 1977 года цикл стабилизировался – за одним годом роста следуют два года падения. Возможно, что это случайность и такая правильная периодичность скоро исчезнет или перейдет из периода 1-2 в период 1-1 – это не столь уж важно.

Государственный капитализм, собрав в один кулак все – не дает экономике «разрядиться» как это периодически происходит при частном капитализме. Этим он избегает (пока) падения производства, но это то же самое, что лечить кашель при воспалении легких. Если «самолечение» пока спасает от смерти частный капитализм, то, загоняя болезнь внутрь, госкапитализм убивает сам себя (и не может не убивать, даже, если бы олигархия поняла, что происходит).

Общее падение темпов роста промышленности, сельского хозяйства и, соответственно национального дохода – практически до нуля, циклическое

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
развитие, превратившееся в последние года буквально в предсмертные судороги, которые становятся все слабее, дают все основание заключить, что государственный капитализм СССР – в агонии, на грани полного развала экономики, одно из очередных падений темпов роста перейдет в разруху и произойти это может в ближайшее время.

Таким образом, реальное экономическое развитие подтверждает теоретический вывод о том, что государственный капитализм должен погибнуть намного быстрее, чем частный капитализм, также как в свое время он развивался и набирался сил намного быстрее, чем частный капитализм.

Итоги

Таковы действительные противоречия «самого справедливого общества», «реального социализма», где «власть принадлежит народу» и, который на самом деле является не чем иным как государственным капитализмом. «Именно благодаря этой промышленной революции производительная сила человеческого труда достигла такого высокого уровня, что создала возможность – впервые за время существования человечества – при разумном разделении труда между всеми, не только производить в размерах, достаточных для обильного потребления всеми членами общества и для богатого резервного фонда, но и предоставить каждому достаточно досуга для восприятия всего того, что действительно ценно в исторически унаследованной культуре – науке, искусстве, формах общения и т. д. – и не только для восприятия, но и для превращения всего этого из монополии господствующего класса в общее достояние всего общества и для дальнейшего развития этого достояния. В этом-то и заключается решающий пункт. Коль скоро производительная сила человеческого труда развилась до такого высокого уровня, – исчезает всякий предлог для существования господствующего класса. Ведь последним доводом в защиту классового различия было всегда следующее: нужен класс, избавленный от необходимости повседневно изнурять себя добыванием хлеба насущного, чтобы он мог заниматься умственным трудом для общества. Этой болтовне, находившей себе до сих пор немалое историческое оправдание, раз навсегда подрезала корни промышленная революция последнего столетия. Существование господствующего класса с каждым днем становится все большим препятствием развитию производительной силы промышленности и точно так же – развитию науки, искусства, а в особенности культурных форм общения».

Книга II Социализм

«Здраво рассуждая, можно только: 1) попытаться открыть способ распределения с которого будет начато, и 2) постараться отыскать общее направление, по которому пойдет дальнейшее развитие».

Фридрих Энгельс
Часть 1 Политика

1. Диктатура пролетариата и партия пролетариата

Государственный капитализм сокращает необходимый переходный период от капитализма к социализму. Таким образом сокращается необходимый период власти партии пролетариата (это не значит, что в эту партию не войдут представители других классов и слоев общества), а не всего народа.

Диктатура пролетариата! Диктатура – красивое, «стр-р-рашное» слово, но к этой предсоциалистической власти оно не имеет никакого отношения. Весь спор, в сущности, вертится вокруг формы этой «диктатуры» пролетариата, т. е. временной, переходной власти партии пролетариата, которая отнюдь не означает, что сам пролетариат в целом и остальные классы и группы должны быть отстранены от власти, тем более – от политической жизни, а именно так «понимается» диктатура пролетариата госкапиталистической олигархией, потому что такое «понимание» отвечает ее интересам, «освящает» ее диктатуру.

К. Маркс и Ф. Энгельс назвали власть политической партии пролетариата в переходный период от капитализма к социализму, т. е. в период самой социалистической революции, в пылу острой полемики с защитниками буржуазии «диктатурой пролетариата», так как они противопоставляли диктатуре меньшинства, т. е. буржуазии – «диктатуру» большинства, т. е. рабочего класса и остальных трудящихся. Но если диктатура меньшинства в интересах этого меньшинства действительно является диктатурой, то «диктатура» большинства в интересах большинства – всего лишь полемическая красавица, противоречащая сути дела и, в сущности, такое же алогичное понятие, как

Да, по-видимому, в период революции (а революционные периоды сравнительно коротки – самые «длинные» революции продолжались несколько дней, а следующий период революционного переустройства – никогда не превышал нескольких лет), т. е. в течение нескольких дней у власти будет стоять меньшинство в лице партии пролетариата, но не меньшинство, совершившее переворот, а меньшинство, поставленное у власти побелившим народом для проведения наиболее важных преобразований и прежде всего организации новых форм управления обществом – фактически для проведения в кратчайший срок свободных выборов, т. е. это означает, что в течение нескольких дней, недель, самое большее – месяцев, будут избраны народом свои представители, депутаты, которые и будут осуществлять всю полноту общественной власти под контролем народа.

Демократия – власть народа. Не может быть демократии, власти народа, там, где меньшинство господствует над большинством фактически. Не может быть диктатуры и не будет там, где народ «господствует» над самим собой.

Термин «диктатура, пролетариата» имел право на существование во времена К. Маркса и Ф. Энгельса ибо он ярче показывал сущность открытия основоположников научного коммунизма в противопоставлении с диктатурой буржуазии. Механически переносить этот полемический термин, принадлежащий своему времени, на современную эпоху близящейся социалистической революции значит наносить вред рабочему движению, интересам всех трудящихся. Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не могли и предположить, чем обернутся реальные диктатуры XX века. Я уверен, если бы они могли знать об Освенциме и противотанковых рвах, наполненных трупами расстрелянных женщин и детей или о концлагерях Колымы – они куда осторожней обращались бы с этим острым словом «диктатура».

И еще одно. Сейчас, когда буржуазия вынуждена поделиться частью своих политических и экономических прерогатив с народом, имеющим возможность, если и не совсем свободно, то довольно широко и сравнительно мирно бороться с буржуазией во всех развитых капиталистических странах, сами эти слова, искажающие суть власти (временной власти!) пролетариата в сочетании с реальной полной диктатурой государственного капитализма, представляемой олигархией как «реальный социализм» и «диктатура пролетариата», обязывают отбросить эти слова, вызывающие теперь отвращение у самого пролетариата.

Свобода организовать демонстрацию, выступить в собственной газете, на митинге, объявить забастовку в защиту своих экономических и политических требований, проголосовать свободно на выборах за свою партию – все это оказалось настолько материальным (в том числе и в смысле прямых материальных выгод – в виде повышения заработной платы и т. д.), что думая, будто госкапитализм это и есть реальный социализм, рабочие предпочитают отказаться от такого «социализма» и жить при капитализме. Разумеется, если бы вместо «диктатуры пролетариата» К. Маркс и Ф. Энгельс употребили бы термин «христианское милосердие», то видя госкапитализм, рабочие частных-капиталистических стран точно также проголосовали бы против «христианского милосердия». Лучшим доказательством того, что госкапитализм на время завел рабочее движение в тупик, является тот факт, что более, чем за 70 лет «существования реального социализма» ни в одной развитой стране Запада не только не произошло социалистической революции или не было попытки, подобной Парижской Коммуне, но даже ни разу за какую-нибудь «компартию» не проголосовало большинство рабочего класса данной страны.

Термин «диктатура пролетариата» должен быть изъят из обращения будущих рабочих партий, как по тактическим соображениям, так, и это главное, потому что эти слова не соответствуют реальному содержанию, существу власти (власти, которая уже не будет властью, государством в нынешнем понимании этого слова) переходного периода от капитализма (частного и государственного) к социализму, который будет впервые в истории человечества осуществлением действительной демократии. Впервые за всю историю народ действительно будет осуществлять власть, впервые народ станет сознательным творцом истории, хозяином своей судьбы, своего будущего. И с этого момента, собственно, и начнется настоящая история человека и человечества, потому что только при социализме все получают достойные условия существования и будет тем самым создана реальная возможность будущего перехода к коммунизму.

Итак, чтобы совершить социалистическую революцию, вернее, победить в ней, пролетариат должен иметь свою партию. «У нас нет разногласий в том, что пролетариат не может завоевать своего политического господства единственную дверь в новое общество – без насильственной революции. Для того, чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, необходимо – Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 г., – чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознавшую себя как классовую партию».

Революция по сути своей – стихийна, не подготовлена так, как, например, может быть подготовлен, организован, переворот, потому что революция – это творчество масс, самого народа. «В политике существуют только две решающие силы: организованная сила государства, армия и неорганизованная, стихийная сила народных масс».

У В. И. Ленина – крен в сторону организации, организованности и ее недостатка, как причины поражения революции, но в действительности недостаточная организованность всегда лишь следствие недостаточности самой данной революции. В истинной народной революции, социальной революции, стихия народного гнева либо использует уже существовавшие организации, либо очень быстро создает свои. «Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но и вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов».

Если нет выступления народа – это не революция. Но то, что взрыв революции стихийен, непредсказуем (в смысле – в каком году и какого числа), это вовсе не значит, что нужно впадать в фатализм и уповать на то, что стихия народного возмущения все одолеет, наверняка победит – в истории человечества революции гораздо чаще оказывались раздавленными, чем победоносными. Чтобы одержать победу, сделать ее более вероятной, даже неизбежной нужна организующая сила, партия пролетариата.

Если мы рассмотрим историю революций, то увидим, что все победившие революции имели во главе себя какое-то образование, систему, организовавшую в какой-то степени народную стихию в направлении необходимом этой революции, а революции, потерпевшие поражение либо вовсе не имели такой организации, которая взяла бы на себя руководство на переходный период, либо эта организация действовала не в том направлении, которое в тот момент требовалось.

Для будущих рабочих партий практическая революционная деятельность Ленина и большевистской партии имеет величайшую ценность ибо наглядно показывает как нельзя организовывать партию пролетариата и осуществлять власть в переходный период. Трагедией Ленина и большевиков, субъективных коммунистов, была невозможность социалистической революции в России начала XX века.

Революция может иметь мирный характер, что, однако, не исключает того, что она может перейти в кровавую гражданскую войну – что и произошло в 1917 году в России. «Они (рабочие – Н.С.) не только не должны выступать против так называемых эксцессов, против случаев народной мести по отношению к ненавистным лицам или официальным зданиям, с которыми связаны только ненавистные воспоминания, они должны не только терпеть эти выступления, но и взять на себя руководство ими».

Таким образом, ясно, что нужна партия пролетариата – организующая сила в стихийной революции народных масс. Но из признания этого отнюдь не становится яснее о вопросе о форме организации, о степени организации самой этой партии. Обладая историческим опытом, которого, естественно, не имели ни Ф. Энгельс, ни К. Маркс, мы должны совершенно по-новому рассмотреть этот вопрос (далее, когда речь пойдет о письме Ф. Энгельса Терцаги по поводу «авторитета» мы поймем, что многое из этого «нового» всего лишь хорошо забытое старое). Например, в условиях диктатуры олигархии госкапитализма возможна только нелегальная организация. Но мы не знаем «когда начнется» через год или через двадцать лет, а за такой срок нелегальная организация неизбежно вырождается не только организационно, но и по духу – в организацию заговорщиков, что и произошло с большевиками. Волей-неволей нелегальное существование с неизбежной конспирацией и централизацией, отсутствием внутренней демократии, ведет к этому. Нелегальная структура в легальной,

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
дозволенной властями организации, ведет к тому же. Таким образом, либо социалистическая революция в условиях госкапитализма неизбежно распадается на два этапа – первый: свержение олигархии и установление равновесия сил в виде временной ограниченной демократии, организация в этот период партии и затем взятие этой партией власти – мирно или насильственно, либо народ сам во время революции организуется так, что будет обеспечена победа социалистической революции. И это тоже будет партией. Как конкретно это произойдет (не говоря уж о том, как конкретно это произойдет в каждой стране), сказать заранее невозможно. Но даже, если какие-то горячие головы и организуют нелегальную партию, я думаю, после революции или во время нее народ власть им не передаст – во всяком случае в том виде, в каком эта партия дойдет до этой революции, тем более, что партия пролетариата, а теперь и «суперпролетариата», т. е. всех трудящихся, фактически 99 % всего народа, имеет уже готовую политическую форму, открытую французскими рабочими в виде Парижской Коммуны и переоткрытую затем русскими – в виде Советов.

Отсюда вытекает следующий вопрос – нужны ли политические партии при социализме. Видимо их заменят открытые, максимально демократические объединения, но это будет уже совсем другое явление, ничего не имеющее общего с политическими партиями в нашем нынешнем «доисторическом» представлении.

2. Переходный период

«Но раз понята их (производительных сил – Н.С.) природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг... Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт поработает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой – прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению.

Все более и более превращая громадное большинство населения в пролетариев, капиталистический способ производства создает силу, которая под угрозой гибели вынуждена совершить этот переворот. Заставляя все более и более превращать в государственную собственность крупные обобществленные средства производства, капиталистический способ производства сам указывает путь к совершению этого переворота. Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность, но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество или феодальная зависимость, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, насколько оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев – граждан государства, в средние века феодального дворянства, в наше время – буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы, – с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества, – является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления людьми становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не „отменяется“, оно отмирает. На основании этого следует оценивать фразу

Реальный социализм. Николай Стариков filosoff.org
про „свободное народное государство“, фразу имевшую до известной поры право на существование в качестве агитационного средства, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра».

А теперь посмотрим, что говорил по этому поводу В. И. Ленин. Каждый желающий может узнать об этом более подробно в 33 томе его полного собрания сочинений, я приведу здесь только две цитаты: «Отмирает после этой (социалистической – Н.С.) революции пролетарское государство или полугосударство». «Мы все знаем, что политической формой „государства“ в это время (после социалистической революции – Н.С.) является самая полная демократия. Но никому из оппортунистов, бесстыдно искажающих марксизм, не приходит в голову, что речь идет здесь, следовательно, у Энгельса, о „засыпании“ и „отмирании“ демократии. Это кажется на первый взгляд очень странным, но „непонятно“ это только для того, кто не вдумался, что демократия есть тоже государство и что, следовательно, демократия тоже исчезает, когда исчезает государство».

Это – «мы все знаем» – просто великолепно, особенно, если учесть, что после 25 октября 1917 года «мы все» об этом уже «не знали», также как великолепно на фоне всего вышесказанного Лениным бление «выдающихся марксистов-ленинцев» о «всемерном расширении социалистической демократии», в то время как она должна отмирать, если мы действительно имеем дело с социалистическим обществом. Как бы ни изворачивались эти господа, но их ослиные уши олигархов торчат отовсюду. «Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором». «Парижская Коммуна, разумеется должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции. В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни и что постоянное войско должно быть заменено и в сельских округах народной милицией с самым непродолжительным сроком службы. Собрание делегатов, заседавших в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать делегатов в национальную делегацию, заседавшую в Париже; делегаты должны были строго придерживаться mandat impératif (точной инструкции) своих избирателей и могли быть сменены во всякое время. Немногие, но очень важные функции, которые оставались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, – такое утверждение было сознательным подлогом, а должны были быть переданы коммунальным, то есть строго ответственным чиновникам. Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной машины, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсесть чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества. Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в Коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю. Ведь известно, что предприятия, точно так же как и отдельные лица, обычно умеют в деловой деятельности поставить подходящего человека на подходящее место, а если иногда и ошибаются, то умеют очень скоро исправить свою ошибку. С другой стороны. Коммуна по самому существу своему была безусловно враждебна замене всеобщего избирательного права иерархической инвеститурой.

Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна,

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
которая ломает современную государственную власть, была рассматривается как воскрешение средневековой коммуны, предшествовавшей этой государственной власти и затем составившей основу ее. Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом мелких государств, о чем мечтали Монтескье и жирондисты, то единство, которое – у крупных наций, – хотя и было создано первоначально политическим насилием, стало теперь могущественным фактором общественного производства. Антагонизм между Коммуной и государственной властью ошибочно считали преувеличенной формой старой борьбы против чрезмерной централизации». «Маркс и я уже с 1845 г. придерживались того взгляда, что одним из конечных результатов грядущей пролетарской революции будет постепенное растворение (dissolution) и в конечном счете исчезновение политической организации, именуемой государством – организации, которая всегда имела главной целью обезопасить посредством вооруженной силы экономическое порабощение трудящегося большинства имущим меньшинством. С исчезновением имущего меньшинства исчезает и необходимость в вооруженной государственной силе, служащей целям подавления. В то же время мы всегда считали, что для этого, а также для достижения других, гораздо более важных целей грядущей социальной революции пролетариат должен прежде всего захватить в свои руки организованную политическую власть государства и с ее помощью сломить сопротивление класса капиталистов и реорганизовать общество. Все это изложено уже в „Коммунистическом манифесте“ 1847 г., в конце второй главы.

Анархисты ставят вопрос на голову. Они говорят, что пролетарская революция должна начать с упразднения политической организации государства. Но после победы пролетариата именно государство является единственной организацией, которую победоносный рабочий класс находит готовой для использования. Пусть это государство нуждается в больших изменениях, прежде чем оно сможет выполнять новые функции. Но разрушить его совсем в такой момент означало бы разрушить единственный аппарат, посредством которого победоносный пролетариат может осуществлять свою только что завоеванную власть, подавлять своих врагов – капиталистов – и произвести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа неминуемо закончилась бы поражением и массовой резней рабочих, как это было после Парижской Коммуны». «Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделяются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности».

Партия пролетариата, пришедшая к власти в результате волеизъявления большинства народа путем выборов или вооруженного восстания народных масс, должна сразу, немедленно, провести следующие меры (точнее – организовать повсеместно, конституировать то, что уже на деле в основном будет проведено в жизнь народом в ходе самой революции):

1. Вооружение пролетариата, всех трудящихся. 23 апреля, когда вокруг Парижа уже начало бушевать пламя гражданской войны, а в самой столице действовали многочисленные шпионы и диверсанты Тьера, даже буржуазно-радикальная газета «La Verite» («Истина»), которая в этот период выступала против социально-экономических мероприятий коммуны, вынуждена была подтвердить: «Число преступлений в Париже поразительно уменьшилось. Нет воров и кокоток, нет убийств и нападений на улицах. Не было зарегистрировано ни одного ночного нападения даже в наиболее отдаленных и малолюдных кварталах с тех пор, как граждане сами выполняют обязанности полиции». «Прямой противоположностью империи была Коммуна». «Она была определенной формой „такой республики, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство..“ В чем именно состояла эта „определенная“ форма пролетарской, социалистической республики? Каково было государство, которое она начала создавать? „...Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом..“ Это требование стоит теперь в программах всех, желающих называться социалистическими, партий. Но чего стоят их программы, лучше всего видно из поведения наших эсеров и меньшевиков, на деле отказавшихся как раз после революции 27 февраля от проведения в жизнь этого

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
требования!» А мы добавим – и большевиков, на деле отказавшихся как раз после революции 25 октября от проведения в жизнь этого требования.

«Чиновничество и постоянная армия, это – „паразит“ на теле буржуазного общества, паразит, порожденный внутренними противоречиями, которые это общество раздирают, но именно паразит „затыкающий“ жизненные поры» 3. Народные представители получают вознаграждение, для того, чтобы и рабочий имел возможность засесть в парламенте немецкого народа. 4. Всеобщее вооружение народа.

Итак, всеобщее вооружение народа. Главным образом, конечно, мужчин, способных по состоянию здоровья носить оружие, и которые раз в месяц, в неделю, десять дней и т. д.) будут охранять социалистическое общество от контрреволюции и преступности. Простой расчет показывает, что в СССР, например, сейчас около 60 миллионов мужчин, способных выполнять эти обязанности – в возрасте от 18 до 60 лет. Если каждый из них будет выходить охранять общественный порядок раз в неделю на четыре часа, то одновременно будут находиться на страже общественной безопасности 1,5 миллиона человек, а в течение суток – 9 миллионов. Ни одна другая организация, кроме всеобщего вооружения народа, не способна охранять общественное спокойствие в таких масштабах, никакие оплачиваемые милиции и полиция, не говоря уж о кардинальном различии наемных чиновников буржуазного государства и членов общества, граждан, охраняющих самих себя. Всеобщее вооружение народа отнюдь не означает бесконтрольного пользования оружием.

Одновременно со всеобщим вооружением народа должны быть распущены старые армия и полиция(милиция) и другие органы подавления. «29 марта Парижская Коммуна приняла исторический декрет об упразднении постоянной армии и о замене ее Национальной гвардией. Декрет гласил: „1. Рекрутский набор отменяется. 2 Никакая вооруженная сила, кроме Национальной гвардии, не может быть создана в Париже или введена в него. 3 Все пригодные к службе граждане входят в состав Национальной гвардии“. Этим декретом Коммуна начала разрушение одной из основных опор старого буржуазного государства профессиональной армии. Отныне впервые в истории становилось законом всеобщее вооружение народа, направленное на защиту его интересов. Этим она одним ударом разбила материальные основы угнетения в буржуазном государстве большинства народа привилегированным меньшинством – армию, полицию, жандармерию».

Должна быть создана новая армия на основе всеобщего вооружения народа, учитывая, естественно, что со времен Коммуны многое изменилось – чтобы управлять самолетом, военным кораблем и т. д. нужно учиться долгие годы, поэтому, по-видимому, офицерский корпус и отчасти рядовой состав таких родов войск будет формироваться на основе добровольности, но должна быть проведена демократизация армии, особенно это относится к армии мирного времени. Свой голос и решающий должны получить солдатские комитеты. Кроме того, должен быть сокращен срок службы – до полугода, с проведением затем через определенные промежутки времени переподготовки. В самой этой организации нет ничего нового – она используется во многих странах.

Естественно, что в окружении буржуазного мира, вооруженного ядерным оружием, победившая социалистическая революция не сможет отказаться от армии, в том числе и от ракетно-ядерных сил – хотим мы того, или нет, но в современном мире это вопрос жизни и смерти. До тех пор пока будет существовать капитализм, частный и государственный, т. е. пока не будет исключена возможность попятного движения с помощью внешней контрреволюции, социалистическая страна должна иметь свою армию. Отличие этой армии от буржуазной в том, что в силу того, что социалистическое общество никогда ни на кого принципиально не нападет первым, ему нет надобности в огромной постоянной сухопутной армии. В такой постоянной армии в современных условиях тем более нет нужды, что главные современные средства ведения войны ракетно-ядерные, они и должны стать единственными постоянными вооруженными силами социалистической страны или добровольного социалистического оборонного союза. На тот случай, если начнется обычная война, а совсем исключить это нельзя, мужское население страны должно периодически проходить подготовку и переподготовку по различным военным специальностям, причем, по возможности, военная специальность должна иметь точки соприкосновения с мирной, – для этого не понадобится два-три года «службы». Отличительной особенностью этой армии – вынужденной и временной меры социалистического общества, будет выборность командиров или, по крайней мере, солдатских комитетов, отсутствие идиотской, ненужной для

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
военных действий муштры и «политической подготовки», которые сейчас занимают большую часть времени. Все это обеспечит демократизацию армии, контроль за ее командным составом и сокращение времени, необходимого для подготовки. Воинские звания, знаки различия и отличия должны быть безусловно отменены. Вообще, такие вещи как погоны, ордена и аксельбанты вполне отвечают уровню африканского племенного царька эпохи работорговли и классового эксплуататорского общества, но явились бы глупостью и курьезом в социалистическом обществе.

Защита от внешнего нападения, контрреволюции и поддержание общественного порядка силами всего народа – вот первый лозунг социалистической революции.

2. Передать все национальные богатства – в том числе промышленные предприятия и инфраструктуру, в общую собственность народа, сделать их общественной собственностью, одновременно передав под непосредственное управление коллективов трудящихся данных предприятий, учреждений, органов информации и т. д. – всех которые отныне будут сами демократически выбирать независимых руководителей на определенный (короткий) срок и решать совместно (все работники) все вопросы, кроме оперативных, для решения которых и будут выбираться руководители, подотчетные только коллективу и сменяемые в любое время по решению общего собрания или общего голосования, если численность или технология производства не позволяют провести такое собрание. Голосование должно быть только тайным. «Пользование этими домами, фабриками и прочим едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно также уничтожение земельной собственности не предполагает уничтожения земельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем». «Но в 1871 г. крупная промышленность уже настолько перестала быть исключением даже в Париже, этом центре художественного ремесла, что самый важный декрет Коммуны предписывал организацию крупной промышленности, и даже мануфактур, которая не только основывалась на рабочих ассоциациях, создаваемых на каждой отдельной фабрике, но и должна была объединить все эти товарищества в один большой союз; короче говоря, такая организация, как совершенно правильно замечает Маркс в „Гражданской войне“, в конечном счете должна была вести к коммунизму». «Однако ограниченная карликовыми формами, которые только и в силах создать своими усилиями отдельные рабы наемного труда, кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество. Для того, чтобы превратить общественное производство в единую обширную и гармоничную систему свободного кооперативного труда, необходимы общие социальные изменения основ общественного строя, которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти от капиталистов и землевладельцев к самим производителям». «3 мая Парижской Коммуне был представлен для одобрения устав Луврских мастерских по ремонту и переделке оружия. Устав подписали около 60 рабочих; он был согласован с начальником управления материальной частью артиллерии членом Коммуны Авриалем. Мастерские эти являлись государственным предприятием оборонного значения. Во главе их стоял делегат Коммуны. Согласно уставу, „руководящий делегат будет избираться собранием рабочих и может быть сменен каждый раз, как станет очевидным, что он не оправился со своими обязанностями“. На собраниях рабочих избирались также начальник мастерской и мастера, которые являлись ответственными за свои действия и были сменяемы». «Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа... Подобной же мерой была и передача рабочим товариществам всех закрытых мастерских и фабрик, владельцы которых бежали или приостановили работы, с предоставлением им права на вознаграждение». «Итак, рабочие прежде всего должны условиться относительно часов труда; а как только эти часы установлены, они уж обязательны для всех без исключения. Затем в каждом помещении ежеминутно возникают частные вопросы, касающиеся процесса производства, распределения материалов и т. д., которые требуется разрешить сейчас же, во избежание немедленного прекращения всего производства. И как бы не разрешались эти вопросы, решением ли делегата, поставленного во главе каждой отрасли труда, или, если это возможно, большинством голосов, воля отдельных лиц всегда должна подчиняться, а это означает, что вопросы будут разрешаться авторитарно». Как видим классики не всегда осторожно пользовались словами – Энгельс называет авторитарным решение в том случае, если оно принято большинством голосов. Конечно, теоретически,

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
принципиально, это правильно, но, боже мой, по нашим понятиям, живущих в конце XX века, переживших две мировые войны, Гитлера, Сталина и еще кучу мерзавцев, такую «авторитарность» впору назвать «бесхребетным либерализмом» и «разгулом демократии», а уж для олигархии это просто «анархия».

3. Распустить суды, прокуратуры и т. д. – все эти «прелестные» учреждения старого мира.

Суд, к сожалению, необходимое учреждение в обществе, только что вышедшем из недр старого эксплуататорского общества. Но новый суд должен избираться из граждан, пользующихся доверием народа, и не обязательно профессиональных юристов – юристы могут быть консультантами суда. Присутствующие на суде граждане должны иметь реальную возможность выступить на суде, влиять на ход судебного разбирательства. Преступление, совершенное в данном районе, должно рассматриваться в суде этого же района. Новые органы следствия не должны иметь права, как сейчас, по собственному усмотрению, возбуждать и прекращать дела. Это будет решать только суд. Новый суд, как и органы следствия, должен быть один для всех – никаких военных трибуналов, никаких следствий КГБ и т. п. – открытый суд по всем делам. Особо тяжелые приговоры должны выноситься общим голосованием граждан района, где совершено преступление. Тюремны должны быть реорганизованы так, чтобы действительно помогать перевоспитанию человека, а не делать из него тупого зверя и не «воспитывать» из оступившегося мальчишки рецидивиста. Поскольку социалистическое общество будет предоставлять реальную возможность человеку исправиться и вернуться к нормальной жизни, должен быть установлен предельный срок наказания для тех, кто упорно не захочет жить в обществе. И никогда нельзя забывать, что преступник это такой же продукт общества как и все остальное. Еще долго и при социализме, а особенно сразу после социалистической революции, будут люди, от которых общества вынуждено будет избавляться, но никогда нельзя забывать, что каждый преступник, каждое преступление – это расписка общества в своем бессилии. Чем дальше будет идти социализм, тем меньше будет преступлений, но каждое из них, сколь бы мало оно ни было, должно заставлять общество пристальней всмотреться в свои действия. «Люмпен-пролетариат, представляющий собой отбросы из деморализованных элементов всех классов и сосредоточивающийся главным образом в больших городах, является наихудшим из всех возможных союзников. Этот сброд абсолютно продажен и чрезвычайно назойлив. Если французские рабочие во время каждой революции писали на домах: „Mort aux voleurs!“ „Смерть вора!“ и многих из них расстреливали, то это происходило не в силу их благоговения перед собственностью, а вследствие правильного понимания того, что прежде всего необходимо отделаться от этой банды».

4. Разделить страну на районы, удовлетворяющие размерами и населением требованию эффективного контроля выборных органов и контроля народа за этими органами. «Самое уже существование коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней».

Ясно, что если в районе (коммуне) будет 100 тысяч жителей и 100 депутатов, то депутаты не смогут вникнуть во все мелочи, вроде состояния дорог, освещения в подъезде, организации досуга и т. д., которые для каждого человека совсем не мелочи, если же депутатов будет 1000, то они могут вникнуть во все, но не смогут совместно ничего решить. Очевидно, примерное число жителей в районе должно быть около 10 тысяч человек, а количество депутатов – несколько десятков.

«Чем объединить, связать общины? ничем, говорят анархисты. Бюрократией и военной кастой, говорит и делает буржуазия. Союзом, организацией вооруженных рабочих („Советами рабочих депутатов“.) говорит марксизм. = „отмена“ государства; = увековечивание (точнее: отстаивание) государства; = революционное использование государства (диктатура пролетариата; разбить старую машину; подавить сопротивление буржуазии; объединить и связать вполне демократически общины вооруженным, централизованным пролетариатом) для перехода к отмене классов, к коммунизму, ведущему к отмиранию государства»

5. Свобода слова, печати, демонстраций, собраний, совести, отмена предварительной цензуры – будут действительно обеспечены не только законом, конкретно определяющим свободы и пути их использования, но прежде всего самой властью народа. «Поистине великолепно, что во фракции раздался голоса с требованием установить цензуру над „Neue Zeit“. Что это – призрак

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
диктатуры фракции времен исключительного закона (диктатуры, которая была тогда необходима и превосходно проводилась), или это воспоминание о бывшей строго вышколенной организации фон Швейцера? Это в самом деле блестящая мысль – после освобождения немецкой социалистической науки от бисмарковского закона против социалистов подчинить ее новому закону против социалистов, который само социал-демократическое начальство должно сфабриковать и проводить в жизнь». Свобода информации будет впервые действительно обеспечена передачей органов информации в общенародную собственность и под непосредственное управление коллективами журналистов (предварительно очищенных от лакеев олигархии) и рабочих.

6. Уничтожить все бюрократические учреждения – министерства, комитеты, тресты и т. д. и т. п. – эти раковые опухоли на теле общества, предоставить рядовым работникам этих учреждений возможность заняться производительным или иным общественно-полезным трудом, а членов олигархии и их лакеев заставить заняться полезным, лучше всего физическим трудом, для их же пользы и перевоспитания. «Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов: постоянную армию и чиновничество».

7. Установить 4-часовой рабочий день при пятидневной рабочей недели. «Необходимо постоянно иметь в виду, что все производство организовано согласно последним техническим усовершенствованиям и что все принимают участие в труде, так что при благоприятных обстоятельствах трехчасовой рабочий день окажется даже чересчур длинным. Оуэн, который был крупным фабрикантом и которого поэтому можно считать экспертом, считал в свое время – в первую четверть XIX столетия – двухчасовой труд достаточным».

Из таблицы, характеризующей эксплуатацию рабочих при госкапитализме, приведенной мной в разделе «Экономика с.220), видно, что при сокращении рабочего дня в два раза, т. е. до 4 часов и одновременном увеличении реальных доходов в 4,5 раза, половина созданного ими прибавочного продукта будет идти обществу.

8. Распустить все организации старого правящего класса – „коммунистическую партию“ и т. п., если к тому времени их не распустит сам народ.

9. Закрепить всенародным обсуждением и голосованием основы нового общества, методы его управления, провести выборы в центральный орган управления страной. „Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полиция, до сих пор бывшая орудием центрального правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое – чиновники всех остальных отраслей управления. Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочего. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне“. „На утреннем заседании 29 марта был сконструирован административный аппарат Коммуны. Вместо старых министерств с их громоздким бюрократическим чиновничьим аппаратом, китайской стеной отгороженным от народа, были созданы десять постоянных комиссий. Эти комиссии охватывали все стороны государственной жизни, подготовляли и разрабатывали новые законы, чутко прислушивались к нуждам масс. Они же и проводили эти законы в жизнь. Это были 1) Исполнительная комиссия, 2) Комиссия финансов, 3) Военная комиссия, 4) Комиссия юстиции, 5) Комиссия общественной безопасности, 6) Комиссия продовольствия, 7) Комиссия промышленности и обмена, 8) Комиссия внешних сношений, 9) Комиссия общественных служб, 10) Комиссия просвещения. 30 марта резчик по металлу Тейс был назначен директором почт, инженер и промышленник Белэ – делегатом при французском банке, рабочий-бронзовщик Камелина – заведующим монетным двором, столяр Пенди – в наци. опальную типографию“. 6 апреля был создан постоянный секретариат Коммуны, которому был поручен разбор корреспонденции и различных обращений в Коммуну. Таким образом. Парижская Коммуна выполняла одновременно и законодательные и исполнительные функции. Она была „работающей корпорацией“, призванной

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
творить и проводить в жизнь новое право во имя интересов трудовых классов,
т. е. большинства народа».

Единственное, что хотелось бы здесь добавить – число депутатов этого органа, призванного решать крупные вопросы повседневного управления страной, обществом, должно быть таким, чтобы собрание народных представителей не превратилось в аморфную массу, в «собрание бесконечной болтовни», чтобы оно на разделилось на действительно работающих и инертных. Срок полномочий депутатов всех органов общественного самоуправления (от районных до высших) не должен быть слишком велик, чтобы происходил постоянный приток свежих сил и умов и как можно больше людей проходили школу управления обществом – самое лучшее средство воспитания общественного сознания в обществе и у каждого человека. Все депутаты должны быть подотчетны народу, регулярно отчитываться перед своими избирателями о своей деятельности, о своих намерениях, получать наказания от граждан. В любой момент по требованию определенной части избирателей (должно быть точно определено как производится отзыв депутата) – депутат, не оправдывающий доверия избирателей, может быть отозван. ...по-своему социальному составу революционное правительство, вышедшее из рядов Национальной гвардии и ремесленников, опиравшееся на их вооруженную силу, было правительством рабочих и мелкой буржуазии. Прав был член Коммуны и ее историк Артур Арну, когда писал: «Все эти граждане, выбранные частными выборами своих рот или батальонов, были известны только тем небольшим группам, чьими делегатами они являлись... В ратуше были люди, имена которых никому не были известны, потому что они имели только имя „народ“. Традиция была нарушена. Нечто неожиданное произошло в мире. Там не было ни одного члена правящих классов. Вспыхнула революция, которая не была представлена ни адвокатом, ни журналистом, ни генералом. Вместо них – рудокоп из Крезе, переплетчик и т. д. Подобное событие, повторяя, представляло положение, никогда ранее не имевшее места. В книге истории перевернули страницу началась новая глава». «Уже намечаются как несомненные достижения в ближайшем будущем вознаграждение депутатам и сокращение сроков мандатов, хотя, правда, до ежегодно переизбираемого парламента дело еще не дошло».

Буржуазная «неприкосновенность» депутата, т. е. защита его от народа, который его избрал, должна быть отменена. Депутату народа достаточно той неприкосновенности, которой пользуется каждый член общества, депутат должен охраняться не особым законом, а собственными делами, закон охраняет его точно так же как и любого члена общества.

Выдвижение депутатов и тайное голосование не должно быть ничем ограничено – исключая признанных судом недееспособных и осужденных преступников. Срок полномочий любого депутата и любого выборного руководителя (а других, не выбранных, руководителей тогда не будет) должен быть ограничен потому что, и это доказано историей, какой бы прекрасный и честный человек не был, если он слишком долго обладает властью, то в конце концов целью его становится не использование этой власти на общее благо, а использование власти для сохранения власти. Именно поэтому у выборных руководителей будущего социалистического общества будет отнята сама возможность бесконтрольного использования власти и сама их власть будет ограничена так, чтобы никогда их интересы не встали выше интересов народа. Кроме того, никто не сможет занимать сразу несколько постов и избираться подряд несколько раз. «Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган этому обществу всецело подчиненный; да и в наше время большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают свободу государства».

Экономическое положение выборных руководителей общества не должно отличаться от среднего уровня экономического положения членов общества власть должна перестать быть кормушкой. «Когда Парижская Коммуна взяла руководство революцией в свои руки; когда простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего „естественного начальства“ – на привилегию управления – и при неслыханно тяжелых условиях выполняли эту работу скромно, добросовестно и успешно, причем высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, составляющего, по словам известного авторитета в науке, минимум для секретаря лондонского школьного совета, – старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени – символа Республики труда, развевающегося над городской ратушей». «Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся – пролетариату. Специфическое „начальствование“ государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодняшнего завтра, начать заменять простыми

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
функциями „надсмотрщиков и бухгалтеров“, функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за „заработную плату рабочего“. Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, сами мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых „надсмотрщиков и бухгалтеров“... – вот наша пролетарская задача, вот с чего можно и должно начать при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства само собой ведет к постепенному „отмиранию“ всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, – порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство, – такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как особые функции особого слоя людей». «Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица, получали жалованье не выше „заработной платы рабочего“, под контролем и руководством вооруженного пролетариата – вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо». Таким образом, если К. Маркс и Ф. Энгельс говорят о «всеобщем вооружении народа», В. И. Ленин упорно твердит о «вооруженном пролетариате». Почему? О каком «всеобщем вооружении народа», да еще на «базе крупного производства» могла идти речь в России 1917 года? В. И. Ленин хотел, чтобы пролетариат, составлявший едва 10 % народа, втащил этот народ (крестьянство) в социализм буквально за уши, силком. Или: «организуем крупное производство» и т. д.? Удивительные вещи творит история с человеком – ведь скажи тому же Ленину, что неплохо бы было в XVIII веке английскому пролетариату «организовать крупное производство» и «начать строить социализм» – какие молнии полетели бы в сказавшего это, какой убийственный сарказм – в обычной манере ленинской полемики – маниловщина, ренегатство и пр. и пр., а как назвать призывы к русскому пролетариату строить социализм в крестьянской стране и на голом месте?!

Для того, чтобы исключить всякую возможность злоупотребления нужен действительно народный контроль. Очевидно, нужна будет независимая, избранная народом комиссия, вроде верховного суда, которая должна будет регулярно доводить до сведения народа результаты проверок действий выборных лиц. А уж народ решит, что делать с теми, кто злоупотребил его доверием. «Против этого неизбежного во всех существовавших до этого государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначила на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна было 6000 франков. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенные Коммуной сверх того».

Выполнив все эти обязанности переходного периода от капитализма (госкапитализма), партия пролетариата (в любом ее виде) должна исполнить свою последнюю обязанность – которая, собственно будет осуществлена скорее всего не как сознательный, волевой акт, а сама собой, естественно, т. е. под влиянием обстоятельств, как следствие, необходимое следствие развития встать на один уровень с другими общественными организациями. «Вторая ошибка: Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне». Эта фраза, возможно самая важная во всем научном коммунизме – здесь четко и ясно говорится о сложении полномочий партии пролетариата или, точнее, партией трудящихся и передаче ее выбранной народом Коммуне, Совету. Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства = особая сила для подавления определенного класса в нечто

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
такое, что уже не есть собственно государство. Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населения, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа само подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления уже не нужно! В этом смысле государство начинает отмирать. Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии), само большинство может непосредственно выполнить это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти. (Таким образом, если «выдающиеся марксисты-ленинцы» твердо стоят на том, что роль государства усиливается значит они анти-ленинцы и анти-марксисты (невыдающиеся), если же они признают Ленина и его «немеркнущее учение», то в СССР нет никакого социализма – Н.С.). Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы всем должностным лицам в государстве до уровня «заработной платы рабочего». Тут как раз всего нагляднее сказывается перелом – от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как «особой силы» для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей всеобщей силой большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно наглядном – по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном пункте, уроки Маркса наиболее забыты! В популярных комментариях – им же несть числа – об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время, – вроде того, как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом. (Все эти высокопарные разглагольствования

Ленина напоминают мне об одной унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекла – Н.С.). Понижение платы высшим государственным чиновникам кажется «просто» требованием наивного примитивного демократизма. Один из «основателей» новейшего оппортунизма, бывший социал-демократ Эд. Бернштейн не раз упражнялся в повторении пошлых буржуазных насмешечек над «примитивным демократизмом». Как и все оппортунисты, как и теперешние каутскианцы, он совершенно не понял того, что, во-первых, переход от капитализма к социализму невозможен без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?), а во-вторых, что «примитивный демократизм» на базе капитализма и капиталистической культуры не то, что примитивный демократизм в первобытное или докапиталистические времена. Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а на этой базе громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведена к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным (подч. мной – Н.С. неграмотных тогда в России было 3/4 населения) людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного». Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочих», эти простые и «само собой понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовленной «экспроприацией экспроприаторов», т. е. переходом капиталистической частной (подч. мной – Н.С.) собственности на средства производства в общественную (подч. мной – Н.С.) собственность. «Коммуна, – писал Маркс, – сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов, армию и чиновничество».

Все или почти все здесь правильно, но одна «маленькая» «оговорка» обесценивает весь этот «революционный» пассаж: «пролетарская демократия». Но «пролетарская демократия» в стране, где пролетариат составлял 10 %, а крестьяне более 80 %, означала, что отнюдь не большинство будет подавлять

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
буржуазию и помещиков, а меньшинство будет подавлять большинство, не говоря уж о том, что пролетариат вообще имел к власти большевиков весьма касательное отношение, и чем дальше шла эта власть по своему собственному пути, тем меньше у пролетариата и этой власти становилось точек соприкосновения. Во всяком случае это не просто оговорка.

«Мне кажется, что они слишком злоупотребляют фразами об „авторитете“ и централизации. Я не знаю вещи более авторитарной, чем революция и, мне кажется, что когда посредством бомб и ружейных пуль навязывают свою волю другим, как это делается во всякой революции, то осуществляется именно акт власти. Недостаток централизации и власти стоил жизни Парижской Коммуны.

После победы делайте с властью и т. д... что хотите, но для борьбы (подч. мной – Н.С.) необходимо соединить все наши силы в один кулак и сконцентрировать их в одном пункте атаки. А когда мне говорят о власти и централизации как о двух вещах, заслуживающих осуждения при всяких обстоятельствах, то мне кажется, что те, кто так говорят, либо не знают, что такое революция, либо являются революционерами лишь на словах».

Ф. Энгельс – К. Терцаги, 14 января 1872 г. Избранные письма, М.1948 г. с.275.

В 33 томе второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, (М.1964 г.) под № 145 на стр. 314–318 приводятся два черновика этого письма, причем второй черновик датирован так: «14 – (15) января 1872 г. После текста этих двух черновиков указано: „В настоящем виде публикуется впервые. Печатается по рукописи. Перевод с итальянского и немецкого“. Теперь сравните две фразы:

1. 1948 г. „После победы делайте с властью и т. д., что хотите, но для борьбы необходимо соединить все наши силы в один кулак и сконцентрировать их в одном пункте атаки“.

2. 1964 г. „После победы делайте с авторитетом и т. д., что хотите...“

В „варианте“ 1964 г. слово „власть“ везде заменено словом „авторитет“. Зачем же понадобился этот подлог? Таким нехитрым способом – заменой близким по значению словом, искажена и затемнена ясная мысль Энгельса, который говорит не о каком-то там „авторитете“, а о политической власти! Еще бы, ведь одна эта фраза, совершенно недвусмысленная, можно сказать, стирает с лица земли олигархию: „После победы делайте с властью и т. д., что хотите...“, т. е., как бы пролетариат, народ, не организовался конкретно, формы этой организации после победы уже не имеют решающего значения (Ф. Энгельс, конечно, имел ввиду формы демократической социалистической организации народа – да других трудящиеся после победы просто не могут создать). После победы действительно социалистической революции отнюдь не требуется „возрастание роли партии и государства“, как раз наоборот – и именно это соответствует тем взглядам, которые всю жизнь исповедовали Ф. Энгельс и К. Маркс.

После построения основ социалистического общества, т. е. после завершения революции, революционных преобразований, политическая жизнь страны в том виде, в каком она еще остается и при социализме, т. е. в виде медленно отмирающей, засыпающей демократии (что, несомненно, будет весьма длительным процессом) должна быть организована так свободно, насколько это вообще возможно. Какие-то временные объединения граждан, очевидно, будут существовать, особенно перед выборами, но в них не должно быть жесткой организации, присущей прежним политическим партиям. „В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс и которую мы отмечали мимоходом в предыдущем изложении. Именно: постоянно забывают, что уничтожение государства есть также уничтожение демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии. На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-либо опасение (смеяться здесь или плакать? Н.С.), не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа? Нет. Демократия не тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству государство. т. е.

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
организация для систематического насилия одного класса над другим, одной части населения над другою?“ Вот же любитель насилия! Да не о насилии теперь уже идет речь в прежнем понимании старого классового общества с его классовым антагонизмом, вот что важно. Это примерно то же самое, что „сравнивать“ насилие маньяка над ребенком и „насилие“ родителя или воспитателя над ребенком в детском саду или в школе. „Что касается проекта устава, то я считаю его принципиально ошибочным, а в области профессиональных союзов у меня, я думаю, больше опыта, чем у любого из моих современников. Не вдаваясь в детали, замечу только, что организация, построенная на основе централизма, пригодна для тайных обществ и сектантских движений, но противоречит сущности профессиональных союзов. Будь она даже возможна, – а я заявляю, что она просто-напросто невозможна, – она была бы нежелательна, особенно в Германии, где рабочий с детских лет живет в атмосфере бюрократической регламентации и верит в авторитеты, в начальство, и где его нужно прежде всего приучать к самостоятельности“.

Каждый член общества должен иметь возможность свободно, независимо от воли и желаний других лиц вступить в любую общественную организацию и выйти из нее без всяких формальностей. Никаких специфических групповых обязательств, „партийной тайны“, „закрытых заседаний“ и т. д. нельзя допустить. Постепенно „традиции“ капитализма отомрут и люди просто привыкнут к этой свободной организации общественной жизни. „Теперь же немецкий пролетариат может даже обойтись без официальной организации, и открытой и тайной; простая, сама собой разумеющаяся связь одинаково мыслящих товарищей по классу достаточна для того, чтобы без всяких уставов, комитетов, постановлений и тому подобных осязаемых форм потрясти всю Германскую империю“. В одной этой гениальной фразе Энгельса заключено больше коммунизма и демократии, чем во всех писаниях оппортуниста и бюрократа Ленина. „Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое господство как класса. На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех“. „... политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства...“

3. Интернационализм

Нужно избавиться от старого плоского понимания „интернационализма“ навязанного нам государственным капитализмом. Действительный интернационализм это не поцелуй с китайцами или африканцами на аэродроме, и даже не строительство предприятий, хотя бы потому что больше и лучше строят западные монополии.

Интернационализм – это тенденция. Интернационализм это взаимообогащение, взаимопроникновение.

При капитализме тоже есть и взаимообогащение и взаимопроникновение, но превалирует нивелировка, стандартизация под один эталон (европейский или американо-европейский) – это легко заметить даже по манере одеваться. Эта превалирующая и частно-капиталистическая и государственно-капиталистическая тенденция стандартизации закономерно встречается со все более усиливающейся встречной тенденцией, вызванной этой стандартизацией – растущим национализмом.

Для того, чтобы начать объединяться, нужно предварительно как следует размежеваться. Не нужно ожидать, что сразу после свершения социалистической революции народы „соются в братском поцелуе“ – прежде чем привести к позитивным результатам и, прежде всего, вначале – пересилить тенденцию к национализму, тенденции к интернационализму понадобится время и поначалу она приведет, как это ни парадоксально на первый взгляд – к национальному самоопределению, которое в большинстве случаев, вероятно, закончится политическим, государственным делением. Это особенно важно для такой

Если учесть, что социалистическая революция победит сначала в одной или нескольких странах, а большая часть мира останется еще капиталистической, то станет ясно – этот процесс, прежде чем даст первые, едва заметные результаты, займет десятилетия и потребует поколений.

Как переход к коммунистическому обществу, так и взаимопроникновение и взаимообогащение наций, потребуют столетий, причем интернационализм, то есть процесс истинного возникновения и становления человечества есть процесс более длительный, чем экономическое построение коммунизма.

Часть 2 Экономика

1. Социализм и товарно-денежные отношения

К. Марко и Ф. Энгельс отнюдь не были столь наивны, чтобы не понимать, что общество, только что вышедшее из недр капитализма, не сможет обойтись без обмена между ассоциациями, без обмена между ассоциациями и обществом и без обмена между ассоциациями и обществом с одной стороны и индивидуумами с другой, также как совершенно ясно, что по Марксу и Энгельсу (а главное, конечно, потому что это действительно так) социализм не может иметь товарный характер, коль скоро нет обмена между производителями – частными собственниками средств производства, извлекающими прибавочную стоимость, а рабочая сила перестает быть товаром. „В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда. Выражение „трудовой доход“, неприемлемое и в настоящее время из-за своей двусмысленности, теряет таким образом всякий смысл.

Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай, например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя – это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он отдал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме. Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственности отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что карается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой. Поэтому равное право здесь по принципу все еще является правом буржуазным, хотя принцип и практика здесь уже не противоречат друг другу, тогда как в товарообмене обмен эквивалентов существует лишь в среднем, а не в каждом отдельном случае.

Несмотря на этот прогресс, это равное право в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей пропорционально доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится равной мерой – трудом.

Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
дольше; а труд, для того, чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями. Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право. По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной определенной стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают только как рабочих и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равном труде и, следовательно при равном участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть равным, должно быть неравным.

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества“.

На высшей фазе коммунистического общества, после того, как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе со всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» «... ни одно общество не может сохранить надолго власть над своим собственным производством и контроль над социальными последствиями своего процесса производства, если оно не уничтожит обмена между отдельными лицами». «Итак, если предположить, что все члены общества являются непосредственными работниками, то обмен равными количествами рабочих часов возможен лишь при условии предварительного соглашения насчет числа часов, которые следует употребить на материальное производство. Но такое соглашение есть отрицание индивидуального обмена». «...либо желать прогресса без анархии, – и тогда необходимо отказаться от индивидуального обмена для того, чтобы сохранить производительные силы».

В общем, хотя и при социализме будет обмен хотя и не тот, что при частном или государственном капитализме, материальная заинтересованность рабочих и всех трудящихся в конечных результатах своего труда, труда своей ассоциации, а через это и всего общества, но это будет не товарообмен, не индивидуальный обмен, не товарное производство в прежнем понимании, а продуктообмен, во-первых, и во-вторых, сохранятся на известный период постепенно угасающие остатки частно-капиталистического товарного обмена. Здесь будет всего лишь маска, видимость старого, одетая на новое. В этом нет ничего удивительного, ведь социализм выходит из капитализма, а не падает с небес. Но называть эти новые отношения обмена при социализме «товарными» бессмыслица, причем вредная. И все-таки продукты будут еще долго называть «товарами»... в магазине, но это не оправдание для экономиста.

Как практически можно осуществить прямое измерение труда рабочим временем? Просто как количество часов, минут, секунд? Но ведь если приравнять таким способом все виды конкретного труда, то получится всеобщая уравниловка. Чем лучше человек будет работать, тем меньше он будет получать относительно количества и качества затраченного им труда.

Допустим, станок состоит из 1000 деталей. Каждая деталь требует для своего производства определенного количества различных операций, выполняемых с затратой различного конкретного труда и различных его количеств. Можно ли определить «цену» станка простым сложением физического времени? Нет. Даже, если в работе участвует один и тот же конкретный труд, что само по себе невероятно, то рабочие в принципе отличаются уровнем квалификации. Точно также нельзя сложить килограмм золота и килограмм роз – мы получим всего

Прямое измерение временем различных конкретных видов труда наталкивается на принципиально непреодолимые трудности.

«Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда». «Допустим на минуту, что рабочий день ювелира равноценен трем рабочим дням ткача; также и в этом случае всякое изменение стоимости ювелирных изделий по отношению к тканям, поскольку оно не является преходящим результатом колебаний спроса и предложения, должно иметь своей причиной уменьшение или увеличение рабочего времени, употребленного той или другой стороной на производство. Если три рабочих дня различных работников будут относиться друг к другу как 1,2,3, то всякое изменение в относительной стоимости их продуктов будет пропорционально этим же числам – 1,2,3. Таким образом, можно измерять стоимость рабочим временем, несмотря на неравенство стоимости различных рабочих дней; но чтобы применить подобную меру, нужно иметь сравнительную шкалу стоимости различных рабочих дней; эта шкала устанавливается конкуренцией». «Мера труда, рабочее время – при одинаковой интенсивности труда – есть поэтому мера стоимостей. Качественное различие между рабочими, если оно не является природным различием, обусловленным полом, возрастом, физической силой и т. д., т. е. au fond (в сущности) выражающим не качественную ценность труда, а разделение труда, его дифференциацию, – само является лишь историческим результатом и снова уничтожается для большинства видов труда, так как они представляют собой простой труд, а качественно более высокий труд находит свою экономическую меру в сопоставлении с простым трудом». «Пусть банк (любой банк) выпускает часовые боны. Товар а, равный меновой стоимости х, т. е. равный х рабочего времени, обменивается на деньги, представляющие х рабочего времени. Банк должен был бы также купить товар, т. е. обменять его на его денежного представителя, подобно тому как теперь, например, Английский банк должен в обмен на золото выдавать банкноты. Товар субстанциальное и поэтому случайное бытие меновой стоимости, обменивается на символическое бытие меновой стоимости как меновой стоимости. Таким образом, не представляет трудности превратить товар из формы товара в форму денег. Надо только аутентично удостоверять рабочее время, содержащееся в нем (что, между прочим, вовсе не так легко, как установить пробу и вес золота и серебра, и тем самым тотчас же создается его эквивалент, его денежное бытие...

Итак, банк был бы всеобщим покупателем и продавцом. Вместо банкнот он мог бы выпускать также чеки, а вместо последних – вести простые банковские счета. В соответствии с суммой стоимости товаров, которые индивид доставил банку, он имел бы притязание к банку на ту же сумму стоимости в других товарах. Другая функция банка необходимым образом заключалась бы в том, чтобы аутентично устанавливать меновую стоимость всех товаров, т. е. материализованное в них рабочее время. Но на этом его функции не кончались бы. Банк должен был бы определить рабочее время, в течение которого товары могут быть изготовлены при средних средствах труда, то время, в течение которого они должны изготавливаться но и этого было бы недостаточно. Банку пришлось бы не только определять время, в течение которого должно быть произведено известное количество продуктов, и не только ставить производителей в такие условия, чтобы их труд был одинаково производительным (стало бы также выравнивать и регулировать распределение средств труда), но банку пришлось бы также определять те количества рабочего времени, которые должны быть затрачены в различных отраслях производства. Последнее было бы необходимо, так как для того, чтобы реализовать меновую стоимость и сделать деньги банка действительно обратимыми, надо было бы обеспечить все производство в целом, и притом в таких пропорциях, которые удовлетворяли бы потребности обменивающихся лиц.

Но и это еще не все. Самый большой обмен – это не обмен товаров, а обмен труда на товары (сразу же вслед за этим сказать об этом подробнее). Рабочие не продавали бы банку свой труд, а получали бы меновую стоимость полного продукта своего труда и т. д. В таком случае при более пристальном рассмотрении оказывается, что банк был бы не только всеобщим покупателем и продавцом, но и всеобщим производителем. В сущности банк был бы либо деспотическим правителем производства и распределения, либо не чем иным, как конторой, ведущей бухгалтерию и расчеты для совместно работающего общества. Предпосылкой является общность средств производства и т. д. и т.

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
д». «Если же вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного». «... Прудон смешивает два способа измерения: измерение посредством рабочего времени, необходимого для производства какого-либо товара, и измерение посредством стоимости труда». «Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, а следовательно, отпадает и вся та маскировка сделок, которая благодаря ему возникает». «Отметим прежде всего следующее: если предпосылки, при которых цена товаров равна их меновой стоимости, предполагаются выполненными; если спрос и предложение покрывают друг друга; если налицо совпадение производства и потребления, т. е. если в конечном счете имеет место пропорциональное производство (так называемые отношения распределения сами суть отношения производства), то вопрос о деньгах становится совершенно второстепенным, и в частности совершенно второстепенным становится вопрос о том, будут ли выпускаться знаки зеленого или синего цвета, жестяные или бумажные, или в какой еще форме люди будут вести общественную бухгалтерию». «При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Эти удостоверения не деньги. Они не совершают обращения». На первый взгляд это парадокс. Как это не совершают обращения, если обмениваются? Как и всегда нужно вдуматься, что имеет в виду К. Маркс. Эти удостоверения обмениваются в житейском понимании этого слова, но они не совершают обращения, так как нет обмена товаров – как это ни печально, но я должен повторить для «ученых-экономистов»: «обращение», «обмен», «товар» применяются здесь в качестве научных терминов политической экономии. «Наконец, представим себе, для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Все определения робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе. Все продукты труда Робинзона были исключительно его личным продуктом и, следовательно, непосредственно предметами потребления для него самого. Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного процесса и ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двойную роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуальной потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении». «... не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством... «Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно обобществленной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающееся в продукте, нет надобности прибегать к окольному пути: повседневный опыт непосредственно указывает, какое количество этого труда необходимо в среднем. Общество может просто подсчитать, сколько часов труда заключено в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в ста квадратных метрах сукна определенного качества. И так как количества труда, заключающиеся в продуктах, в данном случае известны людям прямо и абсолютно, то обществу не может прийти в голову также и впредь выражать их посредством всего лишь относительной, шаткой и недостаточной меры, хотя и бывшей ранее неизбежной за неимением лучшего средства, – т. е. выражать их в третьем продукте, а не в их единственной, адекватной, абсолютной мере, какой является время... Тот простой факт, что сто квадратных метров сукна потребовали для своего производства, скажем, тысяча часов труда, оно не

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
будет выражать нелепым и бессмысленным образом говоря, что это сукно обладает стоимостью в тысячу рабочих часов. Разумеется, и в этом случае общество должно будет знать, сколько труда потребуется для производства каждого предмета потребления. Оно должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства, к которым в особенности принадлежит и рабочая сила. Этот план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной „стоимости“.

Итак, подведем итоги. Стоимость товара в любом товарном производстве базируется на стоимости рабочей силы, то есть стоимости жизненных средств, необходимых для ее функционирования и воспроизводства. Это и есть тот самый окольный путь, о котором говорят Ф. Энгельс и К. Маркс. Если остановиться здесь, то мы неизбежно попадаем в порочный круг: стоимость рабочей силы определяется стоимостью жизненных средств, а их стоимость определяется стоимостью рабочей силы и тем, что этот товар единственный, который способен произвести стоимость, добавлять стоимость. Но дело в том, (и это известно со времен К. Маркса и Ф. Энгельса), что в действительности, в начале, всеобщей мерой является рабочее время.

При социализме рабочая сила не будет являться товаром, т. е. не будет иметь стоимости, так как труд будет измеряться непосредственно рабочим временем, а мера потребления рабочего будет определяться не количеством жизненных средств, необходимых для его функционирования и воспроизводства, а количеством и качеством его труда. Но отсюда вытекает, что исчезает и стоимость любого произведенного продукта, таким образом рушится вся „пирамида стоимости“, покоящаяся на этом основании. Кроме того, не существует капитала – ни в денежной, ни в вещественной форме, т. е. эксплуатации, так как производительные силы перешли в собственность всего общества, то есть исчезают стоимость, товарное производство и товарный обмен.

Но само собой разумеется, что исчезновение товарного производства и товарного обмена не означают исчезновения производства и обмена как таковых, тем более в момент рождения социалистического общества и сразу после него только что родившееся новое общество неизбежно несет на себе „родимые пятна“ старого общества.

Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс нигде ничего не говорят о том, как конкретно должно осуществляться измерение рабочего времени, потому что это была их принципиальная позиция – будущее общество само решит эти проблемы – новые производственные отношения пусть не сразу, но укажут способы, которыми это нужно будет сделать и заставят это сделать.

Обывателю безразлично каково реальное содержание явления, изменилась его сущность или нет, если он по-прежнему „платит один рубль за товар стоимостью один рубль“ – но это еще не причина, чтобы ученый-экономист опускался до уровня обывателя. После социалистической революции все эти слова, за исключением абстрактного „один“, не будут иметь ничего общего с действительностью: 1. он не платит, а удостоверяет; 2. не товар, а продукт; 3. не стоимость, а количество часов рабочего времени; 4. не рубль, а удостоверение в том, что он отработал n-е количество времени.

При социализме будут существовать и работать обмен, конкуренция и даже „деньги“, но нельзя говорить о сохранении товарного производства при социализме – это абсурд.

В связи с этим я хотел бы предложить подумать вот о чем. Не следует ли для облегчения самонастраивания „цен“ прибегнуть к установлению их среднего уровня, то есть, исходя из того, что труд должен измеряться при социализме не окольным путем через стоимость, а прямым – непосредственно общественно-необходимым рабочим временем, исходя из этой тенденции, установить единую для всех, равную меру труда (как ее назвать – рублем, долларом, тугриком или минутой – в принципе безразлично), например, 300 рублей в месяц – доля рабочего в предметах потребления. Добавляя сюда долю, которая идет в общественные фонды потребления и долю на воспроизводство и восстановление, получим, допустим, 1000 рублей в месяц на одного рабочего. Исходя из этой суммы не составит уже никакого труда подсчитать сколько будет „стоить“ 1 деталь или операция, произведенная рабочим. Если же

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
принять „минуту“ в качестве единицы, то после несложного арифметического подсчета: делим 1000 минут на количество рабочих дней, затем на количество часов в рабочем дне и т. д. и получаем, сколько нужно минут или секунд на производство той или иной детали или операции. Конечно, это будет всего лишь база. точка отсчета, в действительности, хотим мы того или не хотим, но мы никуда не уйдем от самонастраивания „цен“ на все продукты-„товары“ – это неизбежное следствие исчезновения эксплуатации и стоимости, и замены стоимости непосредственным измерением труда рабочим временем (единственное, что хотелось бы уточнить – не следует воспринимать слово „измерение“ как физический лабораторный процесс какого-то непосредственного измерения, вроде приложения метра к куску ткани – это совершенно разные процессы измерения). Регулятором, измерителем будет конкуренция – социалистическое соревнование (не путать с нынешним убудком, произведенным на свет государственным капитализмом) коллективов трудящихся, которое и приведет к установлению „цен“ на уровне действительно средних общественно-необходимых затрат рабочего времени на данный продукт (а точнее к некоторому колебанию их около этого уровня).

Как только производительные силы станут общественной собственностью и перейдут в непосредственное распоряжение коллективов трудящихся (при соответствующем политическом устройстве общества) это самонастраивание произойдет неизбежно. Как я уже говорил ранее, при соотношении „заработной платы“ и „общественного налога“ 1:1, это приведет к росту реальных доходов трудящихся в несколько раз.

Если новое социалистическое общество откажется, пусть и не сразу, от рублей и долларов и т. д. и перейдет к измерению, вернее выражению рабочего времени не в этих знаках, а в естественном для времени измерителе – часах, минутах и т. д., то, во-первых, будет сорвана ненужная и вредная капиталистическая маска денег с социалистических производственных отношений, и тогда для всех и каждого эти отношения станут предельно ясными, понятными: если деталь, произведенная рабочим будет обменена на удостоверение „30 минут“, а он сделал ее за 25 минут своего рабочего времени, он будет знать, что его индивидуальная производительность труда выше средней, соответственно, если он сделал ее за 33 минуты, то ниже средней, затем, и он и коллектив, где он работает и выбранный ими совет управления будут знать, что из этих 30 минут 10 минут составят долю самого рабочего, 10 минут пойдут в фонд предприятия и 10 минут в фонд всего общества, а из этого следует, во-вторых, что будет обеспечен действительный, повседневный учет и контроль, и, в-третьих, – это значительно облегчит планирование, поднимет его на качественно новую ступень, ведь, зная количество физически отработанных часов и количество „часов“, производительность отработанных всеми рабочими, уже через год после такой „реформы „цен““ появится возможность подсчета обществом средней ценности одного физического часа.

Впрочем, дело не в названии, если мы будем определять „цену“ детали не в „30 минут“, а в „30 рублей“ принципиально ничего не изменится. Здесь скорее речь идет о подготовке психологии к будущему переходу к коммунизму. Но поскольку перспектива эта весьма отдаленная, может быть и не стоит спешить с такой заменой привычных „денег“, которые все равной уже не будут ими.

Что такое деньги в капиталистическом обществе? Прежде всего всеобщий эквивалент, т. е. в силу природных особенностей – золото (даже тогда, когда частно-капиталистические деятели считают, что они „избавились“ от него). Но чем измеряется стоимость самого золота? Временем, необходимым для его добычи, но все дело в том, что буржуазное общество не может заменить золото (деньги) прямым измерением – для него это в принципе невозможно. Только социалистическое общество сможет перейти к такому некоему измерению и счету. В сущности для такого перехода не потребуется каких-то необыкновенных усилий – вряд ли больше, чем для бессмысленной „денежной реформы“ 1960 года, если, конечно, не считать смыслом ограбление народа.

В общем подготовительная работа по установлению относительной ценности для общества различных видов труда уже проведена капитализмом, частным и государственным, хотя сейчас все это скрыто под маской денег. После социалистической революции потребуется лишь корректировка установленной капитализмом шкалы ценности различных видов труда.

Общество в результате сможет установить сколько общественного времени можно и нужно затратить в каждой отрасли промышленности или в непромышленной

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
сфере. Именно в этом будет плановое начало социализма. Общество, если в этом будет необходимость, будет влиять на уменьшение издержек производства, точнее на уменьшение рабочего времени, необходимого для производства продукции, т. е. на уровень производительности труда, а это единственная возможность построения коммунизма, и в случае необходимости у общества будет возможность осуществить на деле такое влияние, если оно решит, что сами рабочие ассоциации делают это недостаточно быстро.

2. Организация управления экономикой

Естественно, по поводу организации управления экономикой, также как и управления обществом в целом, сейчас можно попытаться представить лишь общие соображения на первый, начальный период строительства социализма.

Первое и главное, важнейшее и непреложное в любом случае условие передача всех предприятий (средств производства) и учреждений под непосредственное управление коллективов трудящихся (ассоциаций). В производственной и непромышленной сферах, везде: на заводах и фабриках, театрах и прачечных, магазинах, газетах и школах, больницах и киностудиях и т. д. и т. д. – все и вся должно управляться теми, кто там работает, при общественной, общенародной собственности на все средства производства и все материальное богатство, за исключением, разумеется, личной собственности на предметы потребления, приобретенные на лично заработанные или безвозмездно полученные от общества средства, ввиду невозможности трудиться. „Коммунизм ни у кого не отнимает возможность присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь посредством этого присвоения поработать чужой труд“.

Поскольку социализм будет строиться не на небесах, а на грешной земле и на основании, оставленном капитализмом (частным и государственным), то для построения развитого социализма, т. е. без классов или, по крайней мере, без значительных классовых различий, без резкого разделения умственного и физического труда, без разделения города, и деревни, понадобится как минимум два-три десятилетия и поэтому 4-х часовой ежедневный труд становится обязанностью каждого трудоспособного члена общества, в том смысле, что „кто не работает, тот не ест“, а никак не в виде административного принуждения.

Реальны ли централизованное планирование и местная инициатива одновременно? Централизованное планирование необходимо сковывает в какой-то степени местную инициативу, в первую очередь материально. Никакая инициатива не поможет, если сверху не дадут средств или, вернее, отберут все средства.

Государственный капитализм извратил в умах социалистическое понятие централизованного планирования. Орган контроля и экономического управления превратился в фельдфебеля, раздающего приказы и затрещины новобранцам.

Централизованное планирование сейчас понимается именно так: команды из центра – что, сколько, как, чем, когда, откуда и т. д. Но даже в современных условиях при наличии ЭВМ, это даже технически невозможно сделать, не говоря уж о том, что такое фельдфебельское командование убивает всякую инициативу вообще, исключает интерес к результатам собственного труда и на деле такая централизация чем дальше, тем больше превращается в свою противоположность – планомерно организуемый хаос.

Для того, чтобы быть центральным планирующим органом общества, этому органу совсем не обязательно, более того – вредно, распределять каждую тонну металла и каждую трубу по точным адресам и по видам использования, решать где эта труба и этот металл должны быть произведены и потреблены.

Контроль „цен“, т. е. определение средних необходимых затрат труда на единицу продукции, распределение половины или значительной части прибавочного продукта общества (национального дохода) – будут оказывать неизмеримо большее регулирующее действие на экономику, чем сегодняшнее планомерное разрушение экономики, которое с социалистическим планированием не имеет ничего общего.

Допустим, что в фонд всего общества передается половина прибавочного продукта. Именно распределение этой половины и нужно будет планировать из единого центра. Часть этих средств пойдет в непромышленное общественное потребление (пенсии, медицина, образование и т. д.), другая часть – на

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
выполнение общенациональных программ, тех программ и проектов, которые примет общество (строительство жилья, дорог, освоение космоса и моря и т. д. – т. е. всего того, что не под силу отдельной ассоциации, но в том числе и для этих целей отдельные ассоциации трудящихся объединяются в общество).

Вторая половина прибавочного продукта будет оставаться в распоряжении рабочих коллективов (ассоциаций), которые будут сами решать как ее использовать: какую часть пустить на „оплату“ своего труда (присвоить), какую использовать на расширение или улучшение производства и т. д.

Для строительства жилья, больниц, школ и пр. нужны и металл и стройматериалы, и машины, и оборудование и т. д. – и сам заказ от общества на все это и будет планом.

Возражение, что такая постановка дела может привести к кризису абсолютно несостоятельна. Единственное ограничение – общество должно будет соизмерять свои желания и возможности в пределах прибавочного продукта общества, а это всего лишь значит, что центральный планирующий орган должен вздумать попытаться потратить больше, чем получит от производства, а как раз этой-то возможности у него и не будет, он будет лишен ее основополагающими принципами социалистической экономики – общественной собственностью на все средства производства, на все общественное богатство, управлением предприятиями самими трудящимися и способами оценки труда каждого и общества в целом, и социалистической политики – властью народа.

Когда каждый рабочий и коллектив рабочих будет заинтересован непосредственно в конечных результатах своего труда, т. е. в том, что он найдет себе применение в виде тех продуктов, которые им произведены, т. е. каждый рабочий и коллектив рабочих, трудящихся любой сферы, – не получат ничего пока общество не удостоверится, что они произвели действительно необходимый обществу продукт, то они никогда не произведут то, что обществу не нужно: продукта вообще не нужного или плохого качества. Конечно, полностью исключить возможность того, что какая-то фабрика произведет больше, чем нужно туфель на каблуке 11 см нельзя, но, во-первых, при том качестве, которое обеспечит свободный рабочий, не составит никакого труда сбыть их на мировом рынке, а во-вторых, небольшое перепроизводство необходимо в социалистическом обществе. „Эти колебания можно предотвратить лишь посредством постоянного относительного перепроизводства; при этом, с одной стороны, производится основного капитала на известное количество больше, чем непосредственно необходимо; с другой стороны, создается запас сырья и т. д. сверх непосредственных потребностей данного года (в особенности это относится к жизненным средствам). Такой вид перепроизводства равнозначен контролю общества над материальными средствами его собственного воспроизводства. Но в рамках капиталистического общества перепроизводство является одним из элементов общей анархии“. Ах, но ведь это же приведет к конкуренции между ассоциациями рабочие и между отдельными рабочими! А что же плохого, господа, в такой конкуренции (если здесь вообще уместно говорить о конкуренции), когда каждый стремится работать как можно лучше, чтобы его предприятие работало как можно лучше, чтобы запросы людей удовлетворялись как можно быстрее и лучше? Да ведь это и есть социалистическое соревнование, действительное, а не тот ублюдок, которого произвела на свет олигархия госкапитализма. „Конкуренция отдельных лиц между собой, соперничество капитала с капиталом, труда с трудом и т. д. при этих условиях (при социализме – Н.С.) сведется к соревнованию, основанному на человеческой природе и пока сносно разъясненному одним лишь Фурье, – соревнованию, которое, с устранением противоположных интересов, будет ограничено присущей ему своеобразной и разумной сферой“. Что плохого в том, что ассоциация работающая плохо, будет наказана экономикой и ей придется на время потуже затянуть пояс (по своей вине, а не чужого дяди из министерства или треста!), сменить неспособных руководителей и начать работать с удвоенной энергией? Социализм это не рай для бездельников, „...действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию уничтожения классов. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости“. „Действительная экономия – сбережение – состоит в сбережении рабочего времени (минимум – и сведение к минимуму – издержек производства). Но это сбережение тождественно с развитием производительной силы. Следовательно, – отнюдь не отказ от потребления, а развитие производительной силы, развитие способностей к производству и поэтому развитие как способностей к потреблению, так и средств потребления. Способность к потреблению является условием потребления, является, стало быть, первейшим средством для потребления, и эта способность представляет

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
собой развитие некоего индивидуального задатка, некоей производительной силы. Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство основного капитала, причем этим основным капиталом является сам человек.

Впрочем, само собой разумеется, что само непосредственное рабочее время не может оставаться в положении абстрактной противоположности к свободному времени, как это представляется с точки зрения буржуазной политической экономии. Труд не может стать игрой, как того хочет Фурье, за которым остается та великая заслуга, что он объявил конечной целью преобразования в более высокую форму не распределения, а самого способа производства. Свободное время – представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности – разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого нового субъекта он вступает затем в непосредственный процесс производства. По отношению к формирующемуся человеку этот непосредственный процесс производства вместе с тем является школой дисциплины, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он представляет собой применение знаний, экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку. И для того, и для другого процесс производства вместе с тем является физическим упражнением поскольку труд требует практического приложения рук и свободного движения, как в земледелии“.

Часть 3 Общество

1. Город и деревня

„Уничтожение противоположности между городом и деревней не в большей и не в меньшей степени утопично, чем уничтожение противоположности между капиталистами и наемными рабочими“.

Фридрих Энгельс

Социалистическое общество должно будет разместить население в соответствии с действительно человеческими условиями существования – полосой сравнительно небольших поселков, состоящих из домов на одну семью, вдоль транспортных артерий – от промышленных зон, транспортных магистралей и других мест приложения труда эти поселки должны быть отделены зеленой зоной, достаточной для создания здоровых условий жизни. „Только возможно более равномерное распределение населения по всей стране, только тесная внутренняя связь промышленного и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения, – конечно, при условии уничтожения капиталистического способа производства, – в состоянии вырвать сельское население из изолированности и отупления, в которых оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий. Утверждать, что освобождение людей от цепей, выкованных их историческим прошлым, будет полным лишь тогда, когда будет уничтожена противоположность между городом и деревней, – вовсе не является утопией; утопия возникает лишь тогда, когда пытаются, „исходя из существующих отношений“, предугадать форму, в которой должна быть разрешена та или иная противоположность, присущая существующему обществу“.

Таким образом, то что я говорю в этой главе достаточно утопично, но я всего лишь высказываю свои соображения по этому поводу – может быть в будущем они пригодятся хотя бы в ничтожной степени.

Дома должны иметь все удобства, земельный участок, необходимые постройки и т. д. В центре поселка должен быть комплекс магазинов и бытового обслуживания, почта и т. д. Комплекс общественных зданий – местного органа самоуправления, народной милиции и т. д.

Школы должны стать произведением искусства, а не коробкой из серого бетона. В какой-то степени прообразом социалистической школы может стать дворец пионеров на Ленинских горах. „Никуда не годится „народное воспитание через посредство государства“. Определить общим законом расходы на народные школы, квалификацию преподавательского персонала, учебные дисциплины и т. д. и наблюдать при посредстве государственных инспекторов, как это делается в Соединенных Штатах, за соблюдением этих предписаний закона, – нечто

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
совсем иное, чем назначить государство воспитателем народа! Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу“. „Национальная ограниченность современных людей все еще слишком космополитична для Дюринга. Он хочет уничтожить и те два рычага, которые в современном мире дают хотя бы некоторую возможность стать выше ограниченной национальной точки зрения. Он хочет упразднить знание древних языков, открывающее, по крайней мере для получивших классическое образование людей различных национальностей, общий им, более широкий горизонт. Одновременно с этим он хочет упразднить также и знание новых языков, при помощи которых люди различных наций только и могут объясняться друг с другом и знакомиться с тем, что происходит за их собственным рубежом. Зато грамматика родного языка должна стать предметом основательной заботы...“ Можно только поражаться как точно описал Энгельс нашу „советскую“ школу и насколько эта школа созвучна представлениям господина Дюринга. „Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе“. И снова остается только с удивлением спрашивать себя – что это? лицемерие или недомыслие?

„Университеты были организованы так, что они могли выпускать только специалистов, способных, в лучшем случае, достигнуть больших или меньших успехов во всевозможных специальных отраслях знания, но они совершенно не давали того универсального, свободного образования, которое, как предполагается, можно получить в других университетах“. „Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для воспитания всесторонне развитых людей“.

В каждом поселке (коммуне) должна быть больница, детские учреждения, два спортивных комплекса – с бассейнами, стадионами, гимнастическими залами и т. д. – для взрослых и для детей.

Поскольку поселок будет находиться на расстоянии 10–20 километров от промышленной зоны, это делает необходимостью наличие в каждой семье 1–2 автомашин и решение на этой основе транспортной проблемы, что, конечно, несколько не исключает общественного транспорта всех видов.

Разумеется, в отличие от достижения повседневного жизненного уровня, равного жизненному уровню передовых капиталистических стран, что потребует 1–2 лет, задача переустройства всей страны потребует для своего решения ряда лет, но простой расчет показывает что для этого отнюдь не понадобится столетий. При правильной организации дела даже на современном уровне производства и производительности труда – всего лишь 10–15 лет. А теперь перейдем от фантазий к расчетам. Одноэтажный восьмикомнатный деревянный дом со всеми удобствами стоит сейчас 2,5 тыс. рублей (я имею ввиду „себестоимость“, а не розничную цену). Если предположить, что в одном доме будут жить в среднем 5–6 человек, то таких домов понадобится в СССР – 50 миллионов на сумму 125 миллиардов рублей, а это официальный годовой объем капитальных вложений в СССР сейчас. Даже если учесть, что каменный дом стоит в 2–3 раза дороже, что кроме домов надо построить различные общественные сооружения и коммуникации, то общая сумма составит примерно 500 миллиардов рублей. Кроме того, естественно понадобится перенести часть промышленных предприятий (именно часть, пусть и значительную часть, потому что нет никакой необходимости переносить куда-то отдельно стоящее производство нужно будет просто выстроить новый поселок). В общей сложности для уничтожения разделения города и деревни потребуется ориентировочно 1000 миллиардов рублей в нынешнем исчислении, т. е. около десяти лет. Если же учесть, что при социализме производительность труда не будет топтаться на месте, то либо этот срок сокращается, либо улучшается уровень новых поселений и условий жизни в них.

То, что кажется нам сейчас, когда мы живем в условиях госкапитализма, невозможным или далеким как горизонт, людям социалистического общества (надеюсь, что и мы успеем увидеть это общество) удастся добиться в считанные годы и без всяких „жертв“ с их стороны, благодаря невиданному до сих пор повышению производительности труда, благодаря тому, что общество, т. е. сам народ будет иметь возможность направить свои силы и средства на решение той проблемы, которую он сочтет в данный момент важнейшей – а для социалистического общества нет проблемы важнее, чем создание для человека

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
человеческих условий жизни во всех смыслах. При социализме 4 часа труда
свободного рабочего будут „стоять“ куда больше и произведут куда больше,
чем 8 часов подневольного труда, как бы и чем эта подневольность ни
маскировалась в наши дни.

Что касается места для поселков, то даже если поставить такое условие:
участок земли для каждого дома должен быть равен гектару, то понадобится 50
миллионов гектар, а если увеличить эту цифру втрое – на общественные
здания, дороги, промышленные предприятия, то потребуется 150 миллионов га.
Площадь СССР – 2000 миллионов га, а 150 млн. га это площадь только
заброшенных сельскохозяйственных угодий. Кроме того, в результате такого
переустройства будут высвобождаются те земли, на которых сейчас
располагаются те же дома и промышленные предприятия.

Если учесть, что сейчас тратится на различное строительство,
производственное и непроизводственное потребление (в полном смысле слова
непроизводственное, в значительной мере просто не нужное) или просто
пропадает – 70–75 % национального дохода, то если новое общество будет
ежегодно в течение 10–15 лет тратить на жилищное строительство 20–25 %, то
это не будет чересчур обременительно.

Поселок заменит город и деревню, устранив их недостатки и соединив их
преимущества. Кто будет сопротивляться этому? Кто будет против того, чтобы
жить в здоровых, естественных условиях и одновременно пользоваться всеми
благами цивилизации? Покажите мне этого чудака.

Вторым этапом социалистического переустройства жизни станет полная
реконструкция городов, а наилучшим их использованием станет, на мой взгляд,
передача их жилого фонда и общественных зданий для целей высшего
образования и туризма. Здесь нелишне сказать, что сразу после победы
социалистической революции, в результате ликвидации тысяч и тысяч нынешних
бюрократических контор, высвободится огромная площадь, что позволит
немедленно решить жилищную проблему предварительно, т. е. до ликвидации
разделения города и деревни, которая и решит жилищную проблему полностью и
на человеческом уровне. „Научив нас превращать, в технических целях,
молекулярное движение, осуществимое более и менее везде, в движение масс,
крупная промышленность в значительной степени освободила промышленное
производство от местных рамок. Сила воды была связана с данным местом, сила
пара – свободна. Если сила воды связана по необходимости с деревней, то
сила пара отнюдь не обязательно связана с городом. Только капиталистическое
применение последней сосредоточивает ее преимущественно в городах и
превращает фабричные села в фабричные города. Но этим самым оно в то же
время подрывает условия нормального хода производства. Первая потребность
паровой машины и главная потребность почти всех отраслей крупной
промышленности – это наличие сравнительно чистой воды. Между тем фабричный
город превращает всякую воду в вонючую жижу. Поэтому в той же мере, в какой
концентрация в городах является основным условием капиталистического
производства, в той же мере каждый промышленный капиталист в отдельности
постоянно стремится перенести свое предприятие из больших городов,
неизбежно создаваемых капиталистическим производством, в сельскую
местность.

Уничтожить этот новый порочный круг, это постоянно возобновляющееся
противоречие современной промышленности, возможно, опять-таки лишь с
уничтожением ее капиталистического характера. Только общество, способное
установить гармоническое сочетание своих производительных сил по единому
общему плану, может позволить промышленности разместиться по всей стране
так, как это на наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также и для
развития прочих элементов производства.

Таким образом, уничтожение противоположности между городом и деревней не
только возможно, – оно стало прямой необходимостью для самого промышленного
производства, как и для производства сельскохозяйственного и, сверх того,
оно необходимо в интересах общественной гигиены...

Следовательно, уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет
собой утопию также и с той стороны, с которой условием его является
возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей
стране. Правда, в лице крупных городов цивилизация оставила нам такое
наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но
они должны быть устранены – и будут устранены, хотя бы это был очень

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
продолжительный процесс. Какая бы участь ни была суждена германской империи прусской нации, Бисмарк может лечь в могилу с гордым сознанием, что его заветное желание, гибель больших городов, непременно осуществится.

Теперь, после всего сказанного, можно оценить по достоинству ребяческое представление г-на Дюринга, будто общество может взять во владение всю совокупность средств производства, не производя коренного переворота в старом способе производства и не устраняя прежде всего старого разделения труда; будто задача может считаться решенной, раз только „будут приниматься во внимание природные условия и личные способности“. При этом, однако, целые массы человеческих существ останутся по-прежнему прикованными к производству одного вида продуктов, целые „населения“ будут заняты в одной какой-нибудь отрасли производства, и человечество будет, как и до сих пор, делиться на известное число различным образом искалеченных „экономических разновидностей“, каковыми являются „тачечники“ и „архитекторы“. Выходит, что общество в целом должно стать господином средств производства лишь для того, чтобы каждый отдельный член общества оставался рабом своих средств производства, получив только право выбрать, какое средство производство должно поработать его“.

Средний срок службы домов, которые строятся в СССР с 50-х годов, составляет 50 лет (любопытная деталь: когда эти дома начинали строить, их срок службы был 25 лет, затем он „вырос“ до 50, сейчас нам сообщили, что срок их службы еще „вырос“ до... 100 лет!). Таким образом в конце XX века и начале XXI века начнется их массовое выветывание и возникнет необходимость восполнения этой естественной убыли жилья, а то, что через десять лет жилищная проблема не будет решена даже на нынешнем нищенском уровне – ясно всем, даже составителям „жилищной программы до 2000 года“. Иными словами, в условиях государственного капитализма жилищная проблема оказывается постоянной, она его спутник до конца. Госкапитализм не в состоянии снять ее даже на своем убогом уровне. „Жилищный вопрос может быть разрешен лишь тогда, когда общество будет преобразовано уже настолько, чтобы можно было приступить к уничтожению противоположности между городом и деревней, противоположности, доведенной до крайности в современном капиталистическом обществе“.

Для олигархии непосильная задача доказать людям, живущим до сих пор в подвалах и бараках или в квартирах, где на каждого человека приходится менее 5 метров на человека (о деревне, просто не знающей что такое цивилизация, я не говорю вообще) – а таких миллионы, что они живут при социализме. И это на восьмом десятилетии „Великой Социалистической Революции“!

К чему стремятся сейчас? К какому уничтожению противоположности между городом и деревней? Деревню времен царя Гороха хотят превратить в деревню „немецкую“ – со всеми удобствами, то есть пытаются „поднять деревню до уровня города“. Глупость и невыполнимость этой задачи очевидна. Этого не удалось бы сделать даже, если бы все деревни получили „удобства“, а будет это... ох, как нескоро это „будет“. Но, допустим, что лет этак через 50 произойдет это чудо. Ну и что? Город останется городом, а деревня... тоже станет городом, только ублюдочным городом, по существу той же старой деревней с ее „идиотизмом“ Вот так уничтожение противоположности между городом и деревней! Превратить деревню в город. Ай да, марксисты, ай да, ленинцы! „Стремится решить жилищный вопрос, сохраняя современные крупные города – бессмыслица“. Между прочим: в „Немецкой идеологии“ К. Маркс и Ф. Энгельс выразились еще точнее и решительней: „устранение города и деревни“, т. е. не просто уничтожение противоположности между городом и деревней, а создание на их основе совершенно нового типа человеческого поселения.

2. Труд

Различие и противоположность между умственным и физическим трудом – эти грехи классового общества полностью исчезнут только при коммунизме, при социализме эта противоположность будет ликвидирована только частично за счет использования свободного времени, и это же использование свободного времени для саморазвития будет постепенно подготавливать полное коммунистическое уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом, точнее: будет постепенно происходить при социализме их слияние, взаимопроникновение.

Отработав 4 часа на заводе слесарь сможет заняться изучением звезд в „комплексе свободного времени“ или сажать цветы у своего дома, а инженер с

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
того же завода – заняться скульптурой, если у него есть на это способности или играть в спектакле и т. д. и т. п. И если сейчас это может вызвать недоверчивый смех, то при социализме такое положение дел будет обычным само собой разумеющимся, и люди будут удивляться другому – тому, что такое естественное положение вещей существовало не всегда. И вполне возможно, что через несколько лет слесарь станет астрономом, инженер актером, а астроном и актер станут слесарем и инженером – и такая смена занятий будет происходить постоянно, и во всяком случае будет существовать возможность, вполне реальная, доступная возможность такой перемены занятий.

Не закрепление человека за функцией, а предоставление ему реальной возможности проявить свои способности – вот главная цель победившего социализма. „Способу мышления образованных классов, унаследованному Г-ном Дюрингом, должно, конечно, казаться чудовищным, что настанет время, когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии и когда человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора. Хорошо был бы социализм, увековечивающий профессиональных тачечников!“

На первый взгляд кажется, что Энгельс шутит (а кое-кто сейчас даже открыто смеется над „глупостью“ Энгельса – но как известно, хорошо смеется тот, кто смеется последним, а Энгельс даже мертвый посмеялся в конце концов над столькими глупцами!), а ведь все очень просто, достаточно вспомнить, что в низших формах сложной деятельности все именно так и обстоит – крестьянин, строя себе дом, не пригласит архитектора – он и „архитектор“ и „тачечник“; теперь обратимся к более современному примеру – в кооперативе, т. е. союзе свободных людей (я говорю именно о кооперативе, а не акционерных компаниях или прямо частных предприятиях, прячущихся сейчас у нас под вывеской „кооператив“), совместно владеющих средствами производства каждый как правило выполняет несколько функций, один человек может быть (и действительно является) и директором кафе и официантом и бухгалтером и т. д. „Но если перемена труда теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон и со слепой разрушительной силой естественного закона, который повсюду наталкивается на препятствия, то, с другой стороны, сама крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности“.

Социализм, имеет ввиду Ф. Энгельс, вообще не должен и не может увековечивать разделения труда – („Сапожник, знай свои колоды!“ смеется К. Маркс в „Капитале“ над очевидной глупостью в применении к промышленности уже в его время этой поговорки) – для каждого отдельного человека, закреплять его на всю жизнь за одной профессией и уж тем более он не может увековечивать (и не будет) разделения труда на умственный и физический – задача социализма уничтожить и умственный и физический труд, ибо в своем взаимопроникновении и взаимообогащении эти два сорта труда станут при коммунизме совершенно другим качеством коммунистическим трудом, соединяющим и умственный и физический труд. Каким он будет, этот труд и как конкретно будет происходить это слияние, это взаимопроникновение умственного и физического труда – гадать бесполезно. Мы, опять-таки можем говорить и предполагать то, что скорее всего должно происходить непосредственно, сразу после социалистической революции. Ведь несомненно, что социализм еще довольно долго, во всяком случае в течение нескольких десятилетий после победы революции, будет нуждаться и в каменщиках, и в слесарях, и в архитекторах и в мусорщиках – никуда не денешься, мусор, тоже кто-то должен убирать даже при социализме, пока этот неприятный процесс не автоматизирован (другое дело, что труд уборщика мусора, да и любой другой, уже сейчас можно сделать если не приятней, то во всяком случае намного легче и чище) и т. д., словом будет необходимо разделение физического и умственного труда и разделение труда внутри них самих – думать иначе, значило бы впадать в беспочвенный утопизм: социалистическая революция не волшебная палочка, мгновенный взмах которой приносит обладателю ее все, что

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
он пожелает. Где же выход? К. Маркс и Ф. Энгельс прямо указывают нам этот выход:

1. уменьшение рабочего времени;
2. увеличение свободного времени;
3. организация быта на индустриальной основе;
4. организация, в несравнимых с сегодняшней показухой, реальной возможности занятий любого и каждого члена общества, начиная с детей и кончая стариками, любым видом деятельности – наукой, искусством, спортом, техникой и т. д. в специальных, доступных, реально доступных и соответственно оборудованных местах. „Рабочее время, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой издержек, требующихся для его производства но свободное время, время, которым можно располагать, есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью – как угодно. Само собой разумеется, что само рабочее время – тем, что оно будет ограничено нормальной мерой, далее, что оно будет затрачиваться уже не для другого, а для меня самого, – вместе с уничтожением социальных антагонизмов между хозяевами и рабочими и т. д. получит, как действительно социальный труд, и, наконец, как базис для свободного времени, совершенно другой, более свободный характер и что рабочее время такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством, чем рабочее время рабочего скота“. „Овладев всеми средствами производства в целях их общественно-планомерного применения, общество уничтожит существующее ныне порабощение людей их собственными средствами производства. Само собой разумеется, что общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного человека. Старый способ производства должен быть, следовательно, коренным образом перевернут, и в особенности должно исчезнуть старое разделение труда. На его место должна вступить такая организация производства, где, с одной стороны, никто не мог бы сваливать на других свою долю участия в производительном труде, этом естественном условии человеческого существования и где, с другой стороны, производительный труд, вместо того, чтобы быть средством порабощения людей, стал бы средством их освобождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные, – где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение.

Все это в настоящее время уже отнюдь не фантазия и не благочестивое пожелание... При современном развитии производительных сил достаточно уже того увеличения производства, которое будет вызвано самим фактом обобщения производительных сил, достаточно одного устранения проистекающих из капиталистического способа производства затруднений и помех, расточения продуктов и средств производства, чтобы при всеобщем участии в труде, рабочее время каждого было доведено до незначительных, по нынешним представлениям, размеров“.

По поводу труда как „первой жизненной потребности“ и „наслаждения“.

Первое, что здесь нужно сделать, это отбросить привитое государственным капитализмом заблуждение, будто социализм и коммунизм стремятся сделать первой жизненной потребностью труд в сегодняшнем виде – труд мусорщика, токаря или бюрократа, т. е. необходимый обществу, его экономике, специфический труд – в силу недостаточного развития общества и его экономики. Это мнение вполне достойно государственного капитализма, но не имеет ничего общего с социализмом или, тем более, с коммунизмом.

Лозунг социализма – „кто не работает, тот не ест“, и в этом контексте говорить о первой жизненной потребности труда – значит издеваться над людьми. В этом лозунге как в капле воды отражен весь социализм, при котором каждый пока еще вынужден работать в силу экономической необходимости. Эта необходимость, вынужденность, существует еще не только для общества в целом, но и для каждого его члена, и о том, чтобы она действительно существовала позаботится система распределения по общественно-полезному труду. Социализм – строй, в котором человек постепенно выходит из „царства

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
необходимости“ – в „царстве свободы“ он окажется только при коммунизме»...
действительное богатство общества и возможность постоянного расширения
процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного
труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности
тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы
начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая
нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно
лежит по ту сторону собственно материального производства. Как первобытный
человек, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранять и
воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться
и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех
возможных способах производства. С развитием человека расширяется это
царство естественной необходимости, потому что расширяются и его
потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые
служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь
в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально
регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий
контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила;
совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных
их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же
остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие
человеческих сил, которое является самоцелью (подч. мной – Н.С.), истинное
царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве
необходимости, как на своем базиса. Сокращение рабочего дня – основное
средство.

Человек при социализме, только что вышедший из капитализма, недостаточно
сознателен, чтобы трудиться только из сознательности, это так, но главная
причина в том, что нет еще экономики, способной целиком удовлетворить
жизненные потребности индивидуума, а сам труд, который он выполняет,
вынужден выполнять, по характеру своему почти весь не сможет даже в будущем
стать первой жизненной потребностью и наслаждением разумного человека. Это
двуединый процесс – с развитием экономики будет видоизменяться характер
труда. В самом деле, трудно себе представить как то, что в будущем
сохранится необходимость таскать на себе мешки, так и то, что человек без
материальной необходимости, без необходимости заработать себе на жизнь,
возьмел бы желание посвятить свою жизнь тасканию мешков. Обязательный (в
экономическом, а не административном смысле!) 4-х часовой труд заводского
рабочего или продавца или и т. д. и т. д. – дань каждого человека самому
себе и обществу, дань необходимости своего существования. «Устранение
капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день
необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях,
все же расширит свои рамки. С одной стороны, потому что условия жизни
рабочего станут богаче, его жизненные потребности возрастут. С другой
стороны, – к необходимому труду будет причисляться часть теперешнего
прибавочного труда, а именно тот труд, который требуется для образования
общественного фонда резервов и накопления. Чем сильнее растёт
производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а
чем больше сокращается рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность
труда. С общественной точки зрения производительность труда возрастает
также с его экономией. Последняя включает в себя не только экономию средств
производства, но и устранение всякого бесполезного труда».

Коммунизм тем и отличается от социализма, что ему не нужно будет требовать
этой дани, а для каждого члена общества этот труд перестанет быть данью и
станет потребностью.

Развитие экономики, общества и человека устранил необходимость в слесаре,
ткачихе, доярке и т. п., в «руководителях» и других работниках физического
и грубого умственного труда, передав этот труд автоматам или изменив сам
характер этого труда до приемлемых для коммунизма форм. Останется только
действительно достойный человека труд – труд творческий. Такой труд
действительно может стать и станет первой жизненной потребностью человека,
что мы видим уже сейчас, да, собственно, так было всегда.

3. Семья

Столь горячо выступающий на словах за сохранение и даже укрепление семьи
государственный капитализм на деле разрушает ее. Свойство разобщать людей
вообще присуще госкапитализму, на примере семьи это видно особенно ярко –
ведь отчуждаются самые близкие люди. Почему?

Работающие мать и отец не имеют возможности эффективно воспитывать детей. Общественное воспитание сводится к школьной зубрежке, официальная пропаганда и настроенные на эту пропаганду (точнее – заставляемые всю жизнь) учителя учат лицемерию, ведь даже ребенку постепенно становится ясно расхождение между словами и делами олигархии. На юношу или девушку «обращают внимание» только тогда, когда он или она совершают преступление. И тут-то начинается «воспитание» в каторжном лагере и начинается ханжеское кудахтанье – ах, семья! ах, школа! куда смотрели!

Куда смотрели?

Как могут родители (я не говорю здесь о миллионах алкоголиков и т. п.) воспитывать детей, если пять дней в неделю они вообще их не видят, а общественное воспитание отсутствует, зато присутствует антивоспитание.

Работа, дорога на работу и домой, завтрак, ужин, приготовление еды, очереди – если сложить все это, то получится, что покупка продуктов (а ведь не одни продукты надо покупать) – происходит мгновенно – но мы-то знаем, сколько времени нужно советскому человеку, чтобы что-то «достать». Не удивительно, что значительная часть покупок, хождений по магазинам и стояний в очередях происходит в рабочее время.

Конечно, готовят и бегают по магазинам в основном женщины, но это всего лишь означает, что у женщины не только не остается ни минуты свободного времени – она еще должна отрывать время у сна на свой необходимый домашний труд. Итак, мать не имеет возможности во время рабочей недели заниматься воспитанием ребенка. А если детей двое или трое? Не говоря уж о материальной стороне дела, отсутствие времени, возможности заниматься ребенком – это одна из причин по которым все больше семей предпочитают иметь одного ребенка или не иметь детей совсем.

У отца как будто остаются в день 2–3 часа, которые он может посвятить: занятиям любым видом спорта, искусства, может выйти на прогулку без жены она в это время моет посуду, кроме того (или во время того?) отец может воспитывать ребенка – если, конечно, после ужина он может еще что-то делать кроме как дремать у телевизора (если не напился пьяным), и, наконец, последняя беда в том, что даже Юлий Цезарь мог одновременно делать только три дела.

Остаются выходные дни. Если даже не принимать во внимание «черные субботы» – нужно убрать, постирать, постоять за всем в километровых очередях, приготовить еду... А ведь хочется тем, кому еще вообще чего-то хочется после такой жизни сходить хотя бы в кино, погулять с детьми, и в парикмахерскую даже советской женщине иногда приходится заглядывать.

Государственный капитализм превращает женщину из человека в ломовую лошадь. Никогда, нигде ни при одном общественном строе женщина не подвергалась такой бешеной эксплуатации. В прежние времена, как ни была женщина забита, но она, по крайней мере, тянула только один воз – дом. При госкапитализме «освобожденная» женщина везет два воза – работу и дом. Только они сами, наверное, могут рассказать каково им приходится в таком варварском положении, особенно, если они заняты такой чисто женской работой, какой заняты маляры, штукатуры, мусорщики, дорожные рабочие и даже грузчики. «Восьмичасовой» рабочий день оборачивается 14–16 часовым и неудивительно, что часто советская женщина теряет не только свой женский облик, но даже просто человеческий облик, и столь же неудивительно, что все чаще сами женщины не хотят такой «эмансипации», не понимая, что то, что происходит с ними – не эмансипация, а двойная эксплуатация. «Действительное равноправие женщины и мужчины может, по моему убеждению, осуществиться лишь тогда, когда будет уничтожена эксплуатация капиталом и тех и других, а работа по домашнему хозяйству, которая выполняется теперь индивидуально, превратится в отрасль общественного производства».

С семейным воспитанием таким образом дело обстоит довольно туго – а ведь оно основное и останется таковым в обозримом будущем.

Школа. Кого может воспитать самый прекрасный учитель (а много ли таких? учитель и безграмотность, ограниченность уже стали синонимами), если у него до шести раз в день меняется по сорок учеников? В среднем он может уделить каждому по одной минуте. Вопрос, как говорится, отпадает.

То, что все больше семей вынуждены, именно вынуждены, ограничиваться одним ребенком или совсем не иметь детей, объясняется в первую очередь не какими-то моральными причинами, а социальными – нищенские условия жизни, жалкая зарплата, на которую невозможно содержать семью, отсутствие надежды на получение даже той убогой конуры, которая называется «отдельной квартирой» – 10 лет это минимальный срок для простого советского человека, после которого он, может быть, получит ее...если у него приходится меньше... 5 метров на человека. Миллионы, да что там миллионы, десятки миллионов живут в общежитиях, бараках, подвалах, коммунальных квартирах, домах без всяких удобств, кроме электричества в виде „лампочки Ильича“. Все это очень странно, если вспомнить, что только за последние 30 лет построено более 3(трех!) миллиардов квадратных метров жилой площади. Таким образом на каждого советского человека должно приходиться минимум 10 кв. м, т. е. практически у всех семей уже должна быть отдельная квартира или дом. Но это, мягко говоря, не совсем так. Причин три: 1. слишком много из этих миллионов построено из канцелярской бумаги (приписки в строительстве составляют в среднем 50 % – решайте сами сколько в действительности построено жилья); 2. олигархия, весь правящий класс и их лакеи присвоили и присваивают себе значительную часть жилья; 3. слишком много пригодных для жилья зданий занято никому не нужными конторами. „Меня вполне удовлетворяет, если я могу сказать, что производство нашего современного общества достаточно велико, чтобы прокормить всех членов общества, и что имеется достаточно домов, чтобы уже теперь можно было предоставить трудящимся массам вместительное и здоровое пристанище. А мудрствования о том, как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилищ, ведут прямо в область утопии. Самое большее, что мы можем утверждать, исходя из изучения основных условий всех предыдущих способов производства, это то, что с падением капиталистического производства известные формы присвоения, характерные для старого общества, станут невозможными“.

Система общественного бытового обслуживания, призванная увеличивать действительно свободное время членов общества, сокращая непроизводительные траты свободного времени на покупки, приготовление еды, уборку жилищ и т. д. при госкапитализме оборачивается своей противоположностью – она не только не уменьшает, а увеличивает эти непроизводительные траты свободного времени, сокращая и даже сводя на нет свободное время, не облегчает, а усложняет жизнь членов общества, особенно женщин.

Частый распад семьи (можно не преувеличивая сказать – катастрофический рост распадающихся семей: с 1950 по 1979 гг. число разводов выросло в 9 раз в расчете на 10 тысяч жителей, а ведь население за тот же период выросло в 1,4 раза, так что фактически этот показатель вырос в 13 раз) объясняется, таким образом, вполне материальными причинами прежде всего. Даже когда супруги расходятся „по несходству характеров“ и сами в этом уверены, в большинстве случаев их развод в конечном счете вызван именно этими вполне материальными причинами. Попросту говоря чаще всего любовь разрушают не идеальные мотивы, а пудовые сумки, километровые очереди, труд, вызывающий отвращение, нехватка жилья и, конечно, водка. Главная причина растущего распада семьи как „ячейки общества“, из которой следует уже все остальное – упадок и загнивание госкапитализма в последние 25 лет и соответственное ухудшение материального и духовного положения народа в целом. Если в 1961 г. СССР занимал 1 место в мире по числу квартир, строящихся на каждые 10 тыс. жителей, то в 1979 г. 15 место. Да что говорить, если даже данные об обеспечении населения страны...канализацией и водопроводом – секретные! Почему? Да ведь это же еще одно разоблачение олигархии, „ее поистине отеческой заботы“ о народе даже в таком поистине дерьмовом деле. Правда, сейчас „хитрецы“, пришедшие к власти в 1985 г. решили заработать себе политический капитал на покойниках и свалить все на них, не понимая, что такой политический капитал явление временное, даже очень временное, а политическое прозрение народа в данной нашей исторической ситуации явление необратимое.

Семья – самый тонкий и трудный вопрос человеческих отношений. Семья, совместный союз двух любящих людей сохранится, насколько мы сейчас можем судить, до тех пор пока человек будет оставаться человеком в нашем понимании этого слова. Что касается экономической стороны дела, то она не должна и не будет связывать руки ни любящим, ни тем, кто разлюбил. В чем я уверен абсолютно, так это в том, что в социалистическом обществе семья никогда не стане» тюрьмой на двоих, как это сплошь и рядом происходит сейчас. «Если нравственным является только брак, основанный на любви, то он

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
и остается таковым только пока любовь продолжает существовать. Но длительность чувства индивидуальной половой любви весьма различна у разных индивидов, а в особенности у мужчин, и раз оно совершенно иссякло или вытеснено новой страстной любовью, то развод становится благодеянием как для обеих сторон, так и для общества. Надо только избавить людей от необходимости брести через ненужную грязь бракоразводного процесса.

Таким образом, то, что мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства, носит по преимуществу негативный характер ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устранено. Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственное этому общественное мнение о поступках каждого в отдельности, – и точка».

ИТОГИ

В обществе, готовом, созревшем для социализма, организация того, что уже фактически создано государственным капитализмом, т. е. удовлетворение неотложных потребностей общества и каждого его члена займет несколько месяцев, в крайнем случае год-два. «Имеется множество антагонистических форм общественного единства, антагонистический характер которых, однако, никогда не может быть взорван путем тихой метаморфозы. С другой стороны, если бы в этом обществе, как оно есть, не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения общения, необходимые для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством». «Возможен новый общественный строй, при котором исчезнут современные классовые различия и при котором – по-видимому, после короткого, связанного с некоторыми лишениями, но во всяком случае очень полезного в нравственном отношении переходного времени – средства для существования, пользования радостями жизни, получения образования и проявления всех физических и духовных способностей в равной мере, со все возрастающей полнотой будут предоставлены в распоряжение всех членов общества благодаря планомерному использованию и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил, при одинаковой для всех обязанности трудиться». «Мы сами, как уже упоминалось, приняли это присвоение земельной ренты государством в числе ряда других переходных мероприятий. Эти меры – как в свою очередь отмечается в „Манифесте“ – полны внутренних противоречий. что вообще свойственно переходным мероприятиям».

Для создания, по существу заново, целой страны – перенесение, размещение по социалистически, т. е. в соответствии с человеческой природой, жилья и промышленности, гигантское, небывалое и невозможное ни в каком другом обществе, кроме социалистического, строительство и одновременно максимальное удовлетворение потребностей людей, потребует 10–15 лет.

Если строительство социализма возможно в одной стране, особенно в такой огромной стране как СССР (или Россия), то коммунизм возможен только в масштабах всей планеты или, по крайней мере, если во всех странах мира уже будет совершена социалистическая революция – ведь коммунизм означает полное отсутствие не только всех частей государственной машины, хотя бы и преобразованных социализмом (а, например, пока будет существовать необходимость в армии об этом не может быть и речи), но и полное отсутствие всех орудий власти на основе сознательности людей.

Совершенно ясно, что для победы коммунизма, преобразования общества и, главное, человека (размеры и виды этих преобразований мы сейчас не можем себе даже отдаленно представить) – потребуются столетия, смена многих поколений. Но это ни в коем случае не значит, что в течение этого периода от этих поколений потребуются какие-то «жертвы»!

Трудящиеся! Не верьте тем, кто вас обманывает, оправдывая свои преступления необходимостью «борьбы за светлое будущее всего человечества»! Вы боретесь и должны бороться отнюдь не за «светлое будущее всего человечества», а за свое будущее, потому что вы и есть человечество. Ваша непосредственная

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
борьба за свои права есть единственный путь борьбы за светлое будущее всего человечества, этим вы боретесь за всех – и за свое будущее и за будущее своих детей, и за будущее последующих поколений. Никаких других способов обеспечить это будущее кроме вашей борьбы за свои права – нет! Никакие преступления против вас, никакие ущемления ваших прав не могут помочь вашей борьбе, наоборот они и есть борьба против вас, против вашего будущего. Помните это! «Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения». «Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества». «... стремлению к счастью в наименьшей степени нужны идеальные права. Оно нуждается больше всего в материальных средствах...»

Нет и не может быть в реальности, на деле социализма и коммунизма плохого и хорошего, китайского и русского, христианского и мусульманского, казарменного и деформированного – все это бред. Есть только один реальный, научный социализм и коммунизм – созданный К. Марксом и Ф. Энгельсом как научная теория, которую нам предстоит воплотить в жизнь, ибо она сама и есть единственное научное отражение жизни.

От автора

Вполне возможно и даже – наверное, многое из того, о чем я сказал, будет на деле осуществлено не так как я сейчас считаю нужным, да я и не претендую на «истину в последней инстанции», тем более в деталях политического и экономического устройства будущего социалистического общества («к величайшей чести коммуны, „живую душу“ всех ее экономических мероприятий составляли не какие-либо принципы, а простая практическая потребность»), но одно я знаю твердо – социализм возможен только в том случае, если:

1. Политическая власть принадлежит трудящимся – они сами, совершенно самостоятельно, без всяких «руководящих и направляющих сил» избирают своих временных руководителей и сменяют их в любое время.
2. Экономическая власть принадлежит трудящимся – при общественной собственности на производительные силы, непосредственно ими распоряжаются коллективы, ассоциации трудящихся.
3. Существует всеобщее вооружение народа.

Тот, кто отрицает это на словах или на деле – тот враг рабочего класса, всех трудящихся, независимо от того, делает он это с умыслом или по бескорыстной глупости.

Политическая и экономическая власть при всеобщем вооружении народа должна принадлежать народу. Только тогда и поэтому все остальное приложится.

Социалистическая революция неминуема!

1981 г., 1989 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М.1948 г. с.402 (далее «Письма»).

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, М.1977. с. 148–149.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в 3-х томах, т. 3, с.376)

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, т,1, с.505 (Здесь и далее, там где не указано другое, ссылки на работы К. Маркса и Ф. Энгельса даются по изданию: К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в 3-х томах, М. 1979 г., с указанием соответствующего тома).

См. например, воспоминания одного из организаторов этого переворота Н. Подвойского

Л. С. Гапоненко, Рабочий класс России накануне Великой Октябрьской... «Исторические записки», т.73, с.51

А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России, М.1958, с.171

- К. Маркс. Гражданская война во Франции, т.2, с.200
- В. И. Ленин. Как нам реорганизовать Рабкрин, ПСС, т.45, с. 383–385
- Ф. Энгельс. Введение 1891 года к «Гражданской войне...» т.2, с.202
- В. И. Ленин. Государство и революция. ПСС, т.33, с.53
- В. И. Ленин. Письмо к съезду. Избранные произведения в 3-х томах. М.1980 г. Т.3, с.695.
- Минц И. И. История Великого Октября, т.1, с. 38–39, 57–53.
- К. Маркс. Письма, с. 315–316.
- К. Маркс. Буржуазия и контрреволюция, т.1, с. 142–143.
- Ф. Энгельс. Письма, с. 70–71.
- К. Маркс, т.1, с.423.
- К. Маркс. К критике политической экономии, предисловие.
(К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд. т.13, с. 6–8).
- В. И. Ленин. Избранные произведения в 3-х томах, т. 3, с.720
- Ф. Энгельс. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны. т.2, с. 411–412.
- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, с.283.
- Ф. Энгельс. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г., т. 3, с.476
- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, с. 386–387.
- К. Маркс. Гражданская война во Франции., т.2, с. 241–242.
- К. Маркс – И. Вейдемейеру, 5 марта 1852 г. «Письма», с. 63–64.
- В. И. Ленин. Государство и революция, ПСС, т.33, с.24.
- Эти заметки о Польше написаны мной в марте 1981 г. – Н.С.
- К. Маркс. Нищета философии. Соч... т.4, с.179.
- К. Маркс. Нищета философии, там же.
- Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии, т.1,с.382.
- СССР. 100 вопросов и ответов. М. 1980 г. с.29.
- Г. В. Плеханов. Эстетика современного искусства, т.1, с.411. М.1976 г.

Читателя, наверное, удивляет – как это я, говоря, что от Ленина не зависел выбор Россией пути развития, одновременно обвиняю его в личной диктатуре – неизбежном следствии госкапитализма? Люди не марионетки, которых история дергает за ниточки – если неперменным следствием государственного капитализма является личная диктатура, то лично Ленина никто не заставлял быть этим диктатором, он сам лично для себя сделал этот выбор. Его мотивация этого шага никакого значения для нас не имеет, хотя бы потому что всегда есть люди, которые делают прямо противоположный выбор – как, например, Г. В. Плеханов. «К сожалению, все люди – только „дети своего времени“, и если это – достаточное оправдание, то должны быть прекращены нападки на кого бы то ни было, и нам надо отказаться от всякой политики, от всякой борьбы; нам надлежит спокойно принимать пинки от своих противников, ибо мы, мудрецы, знаем, что противники эти лишь „дети своего времени“ и не могут поступать иначе, чем поступают. Вместо того, чтобы оплачивать им сторицей за получаемые от них пинки, мы, наоборот, должны бедняжек

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org пожалеть»¹ «История – вообще до крайности ироническая старуха. Однако надо быть справедливым и к ней. Ее ирония страшно зла, но она никогда не бывает совсем незаслуженной. Если мы видим, что история иронизирует над тем или другим крупным и благородным историческим деятелем, то мы можем с уверенностью сказать, что во взглядах или действиях этого крупного и благородного деятеля были свои слабые стороны, которые и дали впоследствии возможность воспользоваться его взглядами или действиями, или, что то же, последствиями этих действий, выводами, вытекающими из этих взглядов, для борьбы против некогда одушевлявших его благородных стремлений».²

1 К. Маркс и Ф. Энгельс. Из циркулярного письма А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. Т. 3, с.98.

2 Г. В. Плеханов. Эстетика... т.1, с.544.

Ф. Энгельс. Предисловие к третьему немецкому изданию 1885 года «Восемнадцатого брюмера...», т.1, с.421.

К. Маркс – Н. Ф. Даниельсону, 10 апреля 1879 г. «Письма», с.320. там же, с.319.

К. Маркс – Ф. Энгельсу, 2 апреля 1858 г. там же, с.99.

К. Маркс – Л. Кугельману, 13 декабря 1870 г. «Письма», с.251.

К. Маркс. Нищета философии. Соч. т.4, с.166.

Ф. Энгельс – В. И. Засулич, 23 апреля 1885 г «Письма» с.389

Ф. Энгельс – К. Каутскому, 23 февраля 1891 г. Там же, с.434

К. Маркс. Классовая борьба во Франции, т.1, с.267

С «чувством глубокого удовлетворения» должен заметить, что с Брежневым произошло то же, что и с его предшественниками – и то, что я говорил о нем в 1981 году, сейчас говорит «партия».

Тому, кто думает, что моя критика устарела за прошедшие семь лет, советую взглянуть на темпы экономического «роста» – они остались те же, что и на рубеже 70-х – 80-х годов, а портвейн заменил самогон.- 1988 г.

Ф. Энгельс – П. Эрнсту, 5 июня 1890 г. «Письма», с.418.

К. Маркс. «Восемнадцатое брюмера...» т.1, с. 424–425.

В. И. Ленин. ПСС, т.45, с.346

«Ноябрьский пленум ЦК КПСС 1962 реорганизовал всю систему контроля в СССР. Был создан Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР и Партийная комиссия при ЦК КПСС. Декабрьский пленум 1965 преобразовал органы парт. – гос. контроля в органы народного контроля, КПК был восстановлен». (БСЭ, 3 изд. т.12, с.513, ст.1527).

Краткая история СССР, ч.2, м.1964 г. с. 269–272.

История ВКП(б). краткий курс. м. 1946 г. с. 331–332.

Н. С. Хрущев. Отчет ЦК КПСС 17 съезду партии. Заключительное слово. м. 1961 г. с. 170–171.

Краткая история СССР, ч.2. м. 1964 г. с. 269–272.

К. Маркс. Нищета философии. Соч. т.4, с.134.

К. Маркс. Классовая борьба во Франции, т.1, с.209.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, с.183.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, с.184.

В. И. Ленин. ПСС, т.18, с.10

Л. И. Брежнев. Отчетный доклад 26 съезду КПСС. Материалы 26 с. КПСС. М. 1981 г. с. 36–37

Ф. Энгельс. Анти – Дюринг, с.271.

К. У. Черненко. Доклад 22 апреля 1981 г. «Правда», 23 апреля 1981 г.

В. И. Ленин. ПСС, т.33, с.24

В. И. Ленин. ПСС, т.33, с.18

Ф. Энгельс – К. Каутскому, 21 мая 1895 г. «Письма», с. 489

К. Маркс – Ф. Зорге, 19 сентября 1879 г. там же, с. 332

Примеч. 1981 г. Если представить себе, что олигархия будет принуждена к свободным выборам (а это, видимо, произойдет вскоре в Польше), в случае победы народа она попытается прибегнуть к силе (если она еще у нее будет или призвать иностранных интервентов, если будет такая возможность; польская олигархия, насколько я могу судить по скудной информации, может рассчитывать только на интервенцию советской олигархии; советской же олигархии рано или поздно придется рассчитывать только на свои силы – ее никто не кинется спасать), естественно, под предлогом «борьбы с анархией» и «за свободу народа».

Эти строки были написаны почти за год до введения в Польше военного положения. К тому времени польский народ фактически проголосовал против власти олигархии. И олигархия не остановилась ни перед чем. Если же учитывать, что Польша уже практически оккупирована более четырех десятилетий назад советскими войсками, то у поляков нет пока реальных шансов на успех.

1989 г. Польская олигархия, как я и предполагал, действительно оказалась вынуждена провести свободные (относительно) выборы, хотя и не так быстро как я думал. Но чем же тогда объяснить, что как будто бы летом 1989 г. олигархия по крайней мере отступила? Ответ может быть только один – стоящая на краю собственной гибели советская олигархия, которой, как я уже говорил никто не поможет, решила создать из так называемого «социалистического лагеря» своеобразный «проверочный полигон» – позволить «левое развитие» в Польше и Венгрии, правое в ГДР и ЧССР и т. д. и отработать на свою сателлитах приемы сохранения реальной власти в самых различных условиях. Кроме того, небывалая свара среди «братских» стран приносит не только вред – старый афоризм «разделяй и властвуй» и в наши дни еще не утратил своей силы.

К. Маркс. 10 брюмера Луи Бонапарта, т.1, с.477.

К. Маркс. Гражданская война во Франции., т.2., с. 247–248.

Ф. Энгельс. О социальном вопросе в России, т.2, с. 418–419.

Что мы сейчас и наблюдаем – 1989 г.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, с.390

К. Маркс – Ф. Энгельсу, 10 августа 1869 г., «Письма», с.221

В. И. Ленин. ПСС, т.33 с. 18–19

В. И. Ленин. ПСС, т.33 с. 28–29

В. И. Ленин. ПСС, т.33 с. 95

К. Маркс, т.2, с.240.

В. И. Ленин. ПСС, т.33, с.66

В. И. Ленин. ПСС, т.33, с.95

- В. И. Ленин. ПСС, т.33, с.20
- В. И. Ленин. ПСС, т.33, с. 19–20
- В. И. Ленин. ПСС, т.33, с.66
- Ф. Энгельс – А. Бебелю, 18–20 марта 1875 г. «Письма» с.296
- К. Маркс, т.2, с.235.
- К. Маркс и Ф. Энгельс – А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. 17–18 сентября 1879 г. «Письма», с.327
- К. Маркс. Нищета философии. Соч. т.4, с.156.
- К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, т.1, с. 505–506.
- К. Маркс. Учредительный манифест Международного товарищества рабочих, т.2, с.13.
- К. Маркс. Общий устав Международного товарищества рабочих, т.2, с.15.
- Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, т.3, с.369
- Ф. Энгельс – К. Марксу, 11 декабря 1851 г., «Письма», с.60.
- Ф. Энгельс – Э. Бернштейну, 12 марта 1881 г. там же, с.347
- К. Маркс. Восемнадцатое брюмера..., т.1, с. 434
- Ф. Энгельс. Предисловие к «Крестьянской войне в Германии», 1879 г., т.2, с. 174
- В. И. Ленин. ПСС, т.33, с. 47–48 там же, с. 46.
- В.И... Ленин. ПСС, т.33, с. 58–59.
- В. И. Ленин. ПСС, т.33, с.29.
- К. Маркс. Инструкция делегатам Временного Центрального Совета... т.2. с. 90
- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, с.171.
- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, с. 260–261.
- Ф. Энгельс – К. Каутскому, 12 сентября 1882 г. «Письма», с. 356–357.
- Ф. Энгельс, Предисловие к итальянскому изданию 1893 г. «Манифеста Коммунистической партии». т.1, с.104.
- Ф. Энгельс. Предисловие к польскому изданию 1892 г., т.1, с.103.
- Энгельс. Роль насилия в истории, т.3, с.417
- К. Маркс, т.2, с.191.
- В. И. Ленин. К вопросу о национальностях или об «автономизации». Избранные произведения, т.3, с.705.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, т.1, с. 124

В 1979 году всего было занято в народном хозяйстве (без крестьян) 110,6 миллионов человек. Из них: рабочие, включая охрану и МОП – 77,0 млн. чел., ИТР и служащие в промышленности – 6,3 млн. чел., в просвещении – 5 млн. чел., в здравоохранении – 4 млн. чел., в науке – 3 млн. чел., в искусстве и культуре – 1 млн. чел. Итого – 19 млн. чел. Остается 14(!) млн. чел. – они заняты «в управлении». Но это не весь айсберг. В число рабочих включены миллионы «рабочих» – бездельников. В других сферах общества бездельников всех видов тоже достаточно. Всего по моим подсчетам в СССР – более 20

Реальный социализм. Николай Старилов filosoff.org
миллионов бездельников, получающих зарплату.

Ф. Энгельс – А. Бебелю, 28 октября 1882 г. «Письма», с.360.

Ф. Энгельс – А. Бебелю, 20 июня 1873 г. там же, с.287.

Ф. Энгельс – Э. Бернштейну, 20 октября 1883 г. там же, с.358.

Ф. Энгельс – А. Бебелю, 14 ноября 1879 г. «Письма», с.333.

К. Маркс. Будущие результаты британского владычества в Индии, т.1, с.530

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, с.263

Ф. Энгельс. Письмо К. Каутскому, 26 июня 1884 г. «Письма», с.381.

Говоря о развитии России и, в частности, о развитии капитализма в России нельзя забывать о том, что золото Америки прошло мимо России – один из решающих факторов сравнительно быстрого развития капитализма Европы не имел для нас практически никакого значения, что сильно затруднило первоначальное накопление.

В. И. Ленин. Полит. отчет XI с. РКП (б), 27 марта 1922 г. Избран. произвед., в 3-х тт. т.3, с.648.

В. И. Ленин, там же, с. 622.

В. И. Ленин, там же, с. 686.

В. И. Ленин. Избр. произв. в 3 тт., т.3, с.628–29.

Нынешнее словесное «отрицание» классовой борьбы апологетами госкапитализма и его бестолковыми критиками весьма симптоматично – в преддверии собственной гибели, которая последует именно в результате классовой борьбы, госкапитализм хочет «доказать», что теперь, мол, классовая борьба себя «изжила». Сей «метод», конечно, до крайности наивен, но другими госкапитализм уже не располагает.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, с.272.

Ф. Энгельс – К. Каутскому, 4 сентября 1892 г. «Письма», с.453.

Ф. Энгельс – Э. Бернштейну, 25 января 1882 г. «Письма», с.353

К. Маркс. Наемный труд и капитал, т.1, с. 167–168.

К. Маркс. Заработная плата, цена и прибыль, т.2, с.58.

В. И. Ленин. Зарботки рабочих и прибыль капиталистов в России. ПСС, т.22, с.25.

Курс политической экономии, под ред. Н. А. Цаголова. М.1973 г. т.1, с.214.

К. Маркс. Нищета философии. Сочинения, т.4, с.97

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу, т.2, с.356.

К. Маркс. Нищета философии, Сочинения, т.4 с. 174

Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. т. 3, с. 516–517.

К. Маркс, т.2, с. 88–89

К. Маркс. Экономические рукописи 1857–61 гг., ч.1, с. 108–109

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, с. 195–196.

К, Маркс. Капитал, т.3, с.95

К. Маркс. Капитал, т.3, с.97.

- Большая Советская Энциклопедия. т.24,ч.2,с.207,ст.596.
- К. Маркс – Н. Ф. Даниельсону, 10 апреля 1879 г. «Письма», с.320–321.
- К. Маркс. Капитал, т.3, с.532.
- Ф. Энгельс. Диалектика природы. М.1975 г. с. 44
- В. И. Ленин. ПСС, т.3, с.46.
- К. Маркс. Капитал, т.1, с.605.
- К. Маркс. Критика Готской программы, т.3, с.20.
- К. Маркс. Капитал, т.3, с.101.
- Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии, т.1, с.324.
- К. Маркс. Капитал, т.3, с.284.
- Ф. Энгельс. К жилищному вопросу, т.2, с 338–339
- Ф. Энгельс – Г Триру, 18 декабря 1889 г., «Письма», с.416
- Ф. Энгельс. Роль насилия в истории, т.3, с.439.
- Ф. Энгельс. Принципы коммунизма, т.1, с.88.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Обращение ЦК к Союзу коммунистов. т.1, с.187.
- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, с. 284–285.
- В. И. Ленин. ПСС, т.33, с.18. там же, с.19.
- Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, т.3, с.366.
- К. Маркс. Гражданская война во Франции, т.2, с. 239–240
- Ф. Энгельс – Ф. Ван-Паттену, 18 апреля 1883 г. «Письма», с.367–368.
- Ф. Энгельс. Введение 1891 г. к «Гражданской войне во Франции», т.2, с. 203–204.
- Слуцкий А. Г. Парижская коммуна 1871 г. М.1964 г. с. 119–120.
- В. И. Ленин. ПСС, т.33, с.41. там же, с.30
- Ф. Энгельс. К истории Союза коммунистов, т.3, с. 202.
- Слуцкий А. Г. Парижская коммуна..., с.106
- Ф. Энгельс. К жилищному вопросу, т.2, с.400
- Ф. Энгельс. Введение 1891 г. к «Гражданской войне во Франции», т.2, с.201
- К. Маркс. Избран. произв. т.2, с.86.
- Слуцкий А. Г. Парижская коммуна... с.144
- К. Маркс. Гражданская война во Франции, т.2, с.246
- Ф. Энгельс. Об авторитете, т.2, с.407.
- Ф. Энгельс. Предисловие к «Крестьянской войне в Германии,» 1870 г., т.2, с.177.
- К. Маркс. Гражданская война во Франции, т.2, с.241.
- В. И. Ленин. ПСС, т.33, с.155.

- Ф. Энгельс – К. Каутскому, 23 февраля 1891 г., «Письма», с.434.
- К. Маркс. Гражданская война во Франции, т.2, с.241.
- А. Бебель. Будущее общество. М.1959 г. с. 51–52.
- К. Маркс. Гражданская война во Франции, т.2, с.238.
- Слуцкий А. Г. Парижская Коммуна... с.102.
- Слуцкий А. Г. Парижская Коммуна... с.103.
- Слуцкий А. Г. Парижская Коммуна... с.86.
- Ф. Энгельс. т.3, с.494.
- К. Маркс. Критика Готской программы, т.3, с.22.
- К. Маркс. Гражданская война во Франции, т.2, с.243.
- В. И. Ленин. ПСС, т.33, с.49. там же, с.50.
- Ф. Энгельс. Введение 1891 г. к «Гражданской войне во Франции», т.2, с. 203
- К. Маркс – Л. Кугельману, 12 апреля 1871 г., «Письма», с.263.
- В. И. Ленин. ПСС, т.33, с. 42–44.

Я не могу согласиться с Ф. Энгельсом, что Коммуна погибла главным образом из-за недостатка централизации и власти, хотя бы только в тот переходный период, о котором он говорит, – вызванная к жизни чрезвычайными обстоятельствами военного поражения, рабочая республика была исторически преждевременна и нежизнеспособна (в лучшем (или худшем?) случае она переродилась бы в государственный капитализм). Правильная и жизнеспособная по форме – по существу она не могла существовать в том времени, когда капитализм не прошел еще и половины своего пути. Вообще, пожалуй, единственным «недостатком» Маркса и Энгельса было то, что они ждали пролетарскую революцию в условиях XIX века. По-человечески их можно понять: какому ученому не хочется увидеть подтверждение своей теории? Коммуну можно считать экспериментом, подтвердившим правильность их теории, подтвердившим тем более, что этот эксперимент поставила сама история, сам народ.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!